

рящего действий слушающего, он может быть выражен репрезентантом «don't», обладающим синтаксической самостоятельностью и не передающим референтной определенности:

Fleur: One more person in the world or one more out of it - what does it matter?

Michael: Don't! It matters frightfully! (J.Galsworthy).

В таких случаях употребительны и фазовые глаголы: *Stop it!* где «it» указывает на целый ряд нежелательных для говорящего действий:

Wilson: That was a pretty thing to do. He would have left you too.

The wife: Stop it (E.Hemingway);

Wilson: Of course it's an accident. I know that.

The wife: Stop it (E.Hemingway).

Итак, все составляющие ФСП прогибитива передают основные смысловые компоненты категориального прогибитивного значения, а именно: побуждения и запрета, что позволило рассмотреть прогибитив с позиций функциональной грамматики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Е.М. Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке. - Автореф. дис. ... докт. филол. наук: Москва, 1988.
2. Давыденко Л.Г. Коммуникативная модальность предложения с глаголами «can/coped», «may/might» в современном английском языке. - Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1984.
3. Юрьева Т.А. Модально-стилистическая обусловленность просодии директивных актов разрушения и запрета. - Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1991.

ФАТИЧЕСКИЕ МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ПРОДОЛЖЕНИЯ КОНТАКТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 16 – 20 ВВ.

Матюхина Ю.В. (Харьков)

Фатическая (контактоустанавливающая) функция является одной из фундаментальных функций языка. К проблеме фатической функции языка в течение последних нескольких десятилетий большой интерес проявляли как отечественные, так и зарубежные исследователи. Фатическая функция обслуживает такие фазы речевого общения, как установление контакта (приветствие), поддерживания речевого контакта и его размыкание (прощание). В данной статье особое внимание уделяется фатическим метакоммуникативным речевым актам, специально предназначенным для продолжения речевого контакта, которые функционируют на стадии

поддерживания контакта, поскольку она является центральной как в содержательном, так и в структурном аспектах дискурса.

Сущностью фазы поддерживания контакта является передача новой, существенно важной информации. В ходе передачи сообщения говорящему важно, чтобы его сообщение принималось в течение всего времени его передачи. Поэтому в основе интенции фатических метакоммуникативов лежит стремление отправителя сообщения обеспечить свободную передачу определенной информации, удостовериться в том, что канал связи действует. Всякий РА в той или иной мере информативен, так как его содержание само по себе уже является сообщением; поэтому информативность присуща высказываниям самого различного плана, порождёнными различными социальными ситуациями. Первостепенное назначение языковой коммуникации — передача информации, как в самом обыденном, так и в специальном смысле этого слова; и эффективность коммуникативного акта обычно измеряют степенью его насыщенности информацией, а информативность сообщения — той мерой нового, которое оно в себе несёт /6: 82/. Таким образом, в речевом акте (далее — РА) всегда содержится некая информация, которую мы вслед за Р.Беллом и др. /1: 103/, понимаем как когнитивную, индексальную и регулятивную. Однако, в различных типах дискурса преобладающим является тот или иной тип информации (ср. мнение Л.А.Киселёвой об интеллектуальной и прагматической (эмоционально-регулятивных) типах языковой информации /4: 7-47/.) Итак, регулятивная (метакоммуникативная) информация, передаваемая сигналами поддерживания контакта, не несёт существенно важной (интеллектуальной) информации, а содержит управляющую информацию, намерение субъекта речи к “установлению или (и) поддержанию контакта с адресатом” /4: 25/. Таким образом, наличие поддерживающих контакт сигналов на данной фазе является необходимым условием речевого общения, так как они обеспечивают беспрепятственный свободный обмен когнитивной информацией.

Цели упрочения и контроля речевого контакта достигаются тем, что говорящий задаёт адресату контролирующие внимание вопросы, делает короткие паузы, употребляет обращения, использует такт называемые шумы общения, не предполагающие получение ответа.

Различные прагматические подтипы фатических метакоммуникативов реализуются в речи различными языковыми средствами и способами. Интересным представляется употребление междометных метакоммуникативных сигналов Oh! Данное междометие не передаёт истинных эмоций и чувств, они не воспринимаются как сигналы, предупреждающие о повышенной степени важности или новизны передаваемого сообщения, которое необходимо немедленно выслушать /7: 37/. Например:

Virgilia. There's a letter for you; I saw't.

Menenius. A letter for me! It gives me an estate of seven year's health; in which time I will make a lip at the physician; the most sovereign prescription in Galen is but empiricitic, and, this, preservative, of no better report than a horse-drench. – Is he not wounded? He was wont to come home wounded.

Virgilia. O, no, no, no.

Volumnia. O, he is wounded. – I thank the god for it. (W. Shakespeare)

Междометия *Oh!* являются информационно и эмоционально выхолощенными, они “превращаются в речевые наполнители и никаких эмоций не передают; в тех случаях, когда они всё-таки являются средством выражения эмоциональности, то это всегда неискренние или притворно выражаемые чувства” /3: 6/.

Метакоммуникативные сигналы *You see, You know* являются также средством поддержания контакта. Наиболее частым является употребление метакоммуникативных сигналов *You know, You see etc.* в ситуации непосредственного общения. Их лексико-семантическое содержание свидетельствует о том, что говорящий объединяет себя с адресатом на основе общих знаний, опыта, фактов действительности, которыми тот, возможно, не обладает /7: 89/. Данные метакоммуникативные сигналы настраивают слушающего на восприятие содержания высказывания. Уточняющие вводные элементы могут употребляться в препозиции, интерпозиции и постпозиции в высказывании, при этом их семантическая значимость уменьшается от начальной позиции к конечной /5:8/. Поэтому наибольшей степенью выраженности фатического значения обладают элементы в конечной позиции в высказывании (что соответствует наименьшему содержанию в них когнитивной информации). Например:

Sir Peter. I suppose to bestow herself on his profligate brother.

Rowley. You know, Sir Peter, I have always taken the Liberty to differ with you on the subject of these two young gentlemen. (R.B.Sheridan)

-You only just tell a boy you won't ever have anybody but him, ever, ever, ever, and then you kiss, and that's all. Anybody can do it.

-Kiss? What do you kiss for?

-Why that, you know, it so – well, they always do that.

-Everybody?

-Why, yes, everybody that's in love with each other. (M.Twain)

Robin[eagerly]: My idea is something in the car and motor-bike line. I understand 'em, and I've heard people are buying like mad. And I have my gratuity, you know.

Mrs.C.: Yes dear, we'll have to talk about all that. (J.B. Priestley)

Наши данные о развитии фатических метакоммуникативов в 16-20 вв. свидетельствуют, что высокая частотность употребления высказываний *You see, You know* отличает произведения английской драматургии 18 в. Вероятно, одной из причин подобной ситуации является тот факт, что, как считает С.С. Беркнер /2/ и др., в 18 в. наблюдается тенденция к сближению разговорной и художественной речи.

К метакоммуникативным вопросам поддерживания контакта могут быть также отнесены вопросительные конструкции, среди которых разнообразные вопросы, контролирующие внимание, а также сегментированные вопросы (*tag-questions*). Отличительной чертой фатических метакоммуникативных РА - вопросов является то, что они не требуют получения когнитивной информации в ответ. Именно в этом они отличаются от вопросительных предложений - *квеситивов*. Как считает И.С. Шевченко /8: 7/, "сегментированные вопросы определяются как сложные вопросительные предложения, состоящие из независимого автономного сегмента и зависимого неавтономного вопросительного сегмента, представляющих структурно-коммуникативное единство, образованное в результате сегментации речи". Появление сегментированных вопросов в английском языке зафиксировано в 16 веке. Данные вопросы возникают как закономерный результат исторического развития системы вопроса в целом и становления аналитических форм глагола, в частности /9: 86/. Сегментированные вопросы, функционирующие на стадии продолжения контакта, также служат смягчению излишней категоричности сообщаемой информации. Это квазивопросы, облегчающие передачу когнитивной информации и способствующие полноценной работе канала связи. Например:

First S. You are a Roman, are you?
Men. I am, as thy general is. (W. Shakespeare)

В данном примере говорящий даёт слушающему понять, что его просят поддержать контакт. Говорящий побуждает слушающего лишь подтвердить сообщенную информацию, а не сообщить новую.

Однако, существуют ситуации, когда говорящий, утверждая некий факт, уверен, что слушающий разделяет его мнение, и поэтому не ждёт от него подтверждающего ответа и не передает очередность говорения. Например:

Sheila [taking out the ring]: Oh – it's wonderful! Look – Mummy – isn't it a beauty? Oh – darling [She kisses Gerald hastily]. Now I really feel engaged.
Mrs. Birling: So you ought, darling. It's a lovely ring. Be careful with it. (J.B.Priestley)

Необходимо отметить, что употребление сегментированных вопросов социально дифференцировано и в основном ограничивается ситуациями

неформального общения /6: 120/. Р. Лакофф, занимаясь исследованием социальных параметров функционирования в речи сегментированных вопросов, указывает три условия их использования: 1) если социальный статус говорящего ниже социального статуса слушающего, запрос мнения слушающего рассматривается как акт проявления уважения к нему; при равных социальных статусах коммуникантов – как жест вежливости со стороны говорящего; 2) социальный статус говорящего не намного ниже социального статуса слушающего, иначе говорящий лишается права предлагать выбор ответа; 3) социальный статус говорящего не выше социального статуса слушающего, иначе слушающий просто вынужден согласиться в силу своего низкого подчинённого положения /10: 920/.

Среди фатических метакоммуникативных РА с коммуникативной установкой на поддержание контакта с собеседником также зарегистрированы различные в локутивном аспекте вопросы, контролирующие внимание адресата речи типа *Are you with me? Aren't you following me?* Задавая подобные вопросы, говорящий проверяет, действует ли канал связи: слушает и понимает ли его собеседник. По мнению Т.Д. Чхетиани, /6: 112/, метакоммуникативные вопросы, контролирующие внимание, делятся на два типа: а) контролирующие рецептивную деятельность слушающего (*Are you listening to me?*) и б) контролирующие мыслительную деятельность слушающего, связываемую с пониманием, ясностью и доступностью излагаемой информации (*You get what I mean?*). Например:

Birling [rather heavily]: I just want to way this. [Noticing that Sheila is still amiring her ring]. Are you listening. Sheila? This concerns you too. And after all I don't often make speeches at you

Sheila: I'm sorry. Daddy! Actually I was listening. (J.B.Priestley)

Использование метакоммуникативных контролирующих вопросов главным образом связано с тем, что говорящему необходимо внимание слушающего в течение всего времени передачи сообщения, хотя в отдельных случаях оно может быть ограничено определенной частью сообщения.

В условиях непосредственного контакта общающихся для данной фазы общения важным является также получение от адресата сигналов, которые свидетельствуют о его включённости в процесс принятия сообщения. Тактика установления обратной связи является необходимым условием в осуществлении полноценного, беспрепятственного общения. Заложенная в сигналах обратной связи информация регулирует коммуникацию, способствует её правильному течению. Прагматически значащим является и отсутствие сигналов обратной связи, возможное нежелание слушающего поддерживать речевой контакт /7: 124/. Активность слуша-

ющего достигается применением тактики обратной связи (feedback). К вербальным метакоммуникативным сигналам обратной связи относятся метакоммуникативные сигналы "Ycs", поддакивания "True, true". С помощью указанных метакоммуникативных сигналов адресат даёт понять, что он слушает говорящего, принимает сообщение и выражает собственную оценку воспринимаемого: соглашается, проявляет интерес. Например:

'So you'd like everybody in the world destroyed?' said Ursula.

'I should indeed'

'And the world empty of people'

'Yes truly. You yourself, don't you find it a beautiful clean thought, a world empty of people? Just interrupted grass, and a hare sitting?' (D.H. Lawrence)

Употребление метакоммуникативных сигналов обратной связи подтверждают тот факт, что искусство вести беседу зависит не только от говорящего. На стадии поддержания контакта и говорящий, и слушающий выполняют активную роль, так как они оба заинтересованы в полноценном осуществлении речевого контакта. Говорящий, сообщая адресату когнитивную информацию, ожидает от него проявления солидарности, которая и состоит во владении тактикой общения со стороны слушающего, заключающейся лишь в том, чтобы уметь вовремя 'поддакнуть', тем самым выразив своё согласие с мнением собеседника.

Важным моментом в фазе поддержания речевого контакта является заполнение пауз в коммуникации. К фатическим средствам на протяжении всего изучаемого периода относятся междометия hem (16 – 18 в.), hm, mm (19 – 20 в.) и др. В 18 в. складывается в её современном виде система средств, служащих данной цели – так называемые "шумы общения" (noises of communication): междометия типа Hm, well, er, yes реализуют желание адресанта потянуть время, для того, чтобы подобрать слова, не передавая очередности говорения /8: 116/. Например:

"What is the use of troubling Mr. Holmes with trifles of this kind?"

"Well, he asked me for anything outside the ordinary routine." (C. Doyle)

Следует отметить, что неязыковыми функциональными эквивалентами сигналов контакта и обратной связи адресата с говорящим в условиях непосредственной зрительной связи между общающимися являются кинетические сигналы (например, похлопывание по плечу, улыбка, кивок головой) и специальные звуковые /невербальные/ сигналы отношения к содержанию высказываемого (аплодисменты, топот ногами, свист). Знаком может быть и отсутствие сигнала. Так, тишина в зале может служить показателем внимания слушателя к принимаемому им сообщению. Жесты, мимика могут рассматриваться как вторичная система знаков, хотя

в значительной мере они условны и зависят от социальных, этно-культурных параметров речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Р.Т. Социолингвистика. — М.: Междунар. отношения, 1980. — 380 с. 2. Беркнер С.С. Проблемы развития разговорного английского языка в 16 — 20 вв. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978 — 230 с. 3. Драздаускене М.-Л.А. Контактостанавливающая функция речи (на материале английского языка): Автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.04. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. 1970. — 32 с. 4. Киселёва Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. — М.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. — 230 с. 5. Колыхалова О.А. Функциональные свойства вводных предикативных единиц в современном английском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.04. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. 1983. — 16 с. 6. Навин В.Л. Об одном аспекте языковой специфики массовой коммуникации // Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. — 1980. — Вып. 151. — с. 82-91. 7. Чхетиани Т.Д. Лингвистические аспекты фатической метакоммуникации: Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. / Киев. гос. пед. ин-т иностр. яз. — Киев, 1987. 8. Шевченко И.С. Сегментированные вопросы в современном английском языке (структурно-коммуникативный анализ): Автореф. на дис... канд. филол. наук: 10.02.04. / Одес. Гос. ун-т им. Мечникова. — Одесса, 1988. — 16 с. 9. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения: английское предложение 16 — 20 вв. — Харьков: Константа, 1998. — 168 с. 10. Lakoff R.T. Language in Context // Language. — 1972. — № 4. — p. 920. 11. Wood F., Robert J. Dictionary of Colloquial Idioms. — N.Y. — Macmillan, 1979. — 978 p.

ДЖЕРЕЛА ІЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРІАЛУ

1. Doyle A.C. The Hound of the Baskervilles. — New York: Dover Publications, INC, 1994. 2. Lawrence D.H. Women in Love. — London: Penguin Popular Classics, 1996. 3. Priestley J.B. Dangerous Corner and Other Plays. — М.: Высш. шк., 1989. 4. Shakespeare W. The Complete Works. — London, Glasgow: Collins, 1964. 5. Twain M. The adventures of Tom Sawyer. — London: Penguin Books, 1994.

РОЛЬ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА В ПОЗНАНИИ КВАНТИТАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Медведь Е.Н. (Сумы)

Изучение средств выражения квантитативности с позиций синтактики представляет большой интерес в связи с развитием теории текста и прагматики. Количественные признаки не ограничиваются их актуализацией на уровне морфем, лексем, словосочетаний, они выражаются также языковыми единицами высшего порядка, включая предложения, абзацы и целые тексты. Количественная информация в тексте может носить скры-

тый характер, для получения ее необходим глубинный анализ языковых единиц, трансформация имплицитных средств в эксплицитные.

Функционально-семантическое поле количественности (ФСПК), репрезентируемое как в эксплицитной, так и в имплицитной форме тем или иным текстом, представляет собой плодотворную почву для исследования онтологии квантитативных единиц. Исходным положением для построения этого поля признается общая референциальная соотношенность всех его конституентов с объективно существующими и отражаемыми человеческим сознанием количественными различиями предметов, процессов и явлений бытия. Сложность описания ФСПК заключается в определении его семантического ядра, границ и структуры. Роль центра приписывается то лексико-грамматическому классу имен числительных, то грамматической категории имен существительных, то комплексному ядру (Акуленко Л.Г., Швачко С.А., Кашина Д.А., Куанбаева Б.Ж.). Данная статья отражает поиски новых возможностей структурирования плана содержания ФСПК.

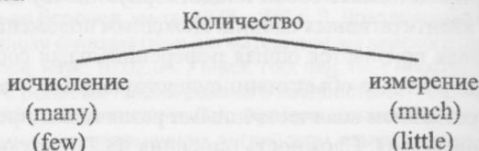
Анализ речи показывает, что для результативного конституирования ФСПК большое значение имеет исследование прагматических аспектов, а именно авторских интенций. При рассмотрении речевого материала в тексте обособляются блоки субъекта / объекта, предиката, условий их квантификации. Адекватная информация может быть получена лишь из цельных коммуникативных единиц, в которых смысл преобладает над содержанием.

Теоретическими предпосылками данного исследования служат положения о социальном характере знаний о количестве, о биполярном характере знаний - научном и эмпирическом (2). Научное знание о количестве может быть получено адресатом в процессе обучения или самообучения из совокупности текстов, принадлежащих к специальным областям математики, точных наук, философии, логики, психологии и т.д. Эмпирическое знание о количестве приобретает в процессе практической (предметной и коммуникативной) деятельности, оно находит отражение в речи. В неспециальном речевом общении преобладают так называемые эмпирические когнитивные структуры (ЭКС) (8). Построение глобального языкового поля количества (ЯПК) требует отражения в его семантическом варианте разных видов знаний.

Содержание эмпирического знания о количестве не описано столь же подробно в специальной литературе, как научное знание. Многовариантность его вербальных форм, принадлежащих плану выражения, представляет большой интерес для когитологии.

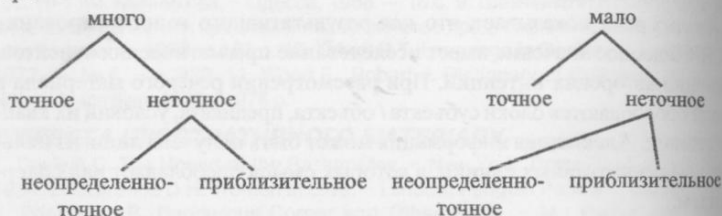
Человечеством разработаны различные системы счисления применительно к дискретным количествам и многообразные системы измерения

применительно к количествам непрерывным. При этом специальные средства выражения количества позволяют определить его практически точно (в числах, равенствах) или приблизительно (в формулах со значением $<, J, =, i, >$) В схеме понятие количества может быть представлено следующим образом:

При объяснении различий словосочетаний типа «five chairs», «many chairs», «a few chairs», «all the chairs», «just enough chairs» возникает вопрос соотношения научного и эмпирического знаний при определении количества в плане «мало — много», «точное — неточное», «неопределенно-точное — приблизительноное».

Ср.:

Исследуя содержательную сферу приведенных словосочетаний следует отметить, что все они могут соотноситься с одним и тем же фактическим количеством, объективно наличествующем в референтной ситуации. Различие между ними лежат полностью в области когнитивно-психологических и прагматических предпосылок речевого общения и требуют исследования на синтагматическом уровне.

Наиболее общее содержание научного знания о количестве заключено в одном из известных философских определений и формулируется следующим образом: «Количественная определенность есть величина наличности чего-либо, которая в результате сравнивания (включая счет, измерение, вычисление) может быть выражена приблизительно (в формулах со значением «намного больше», «больше», «приблизительно равно», «меньше», «намного меньше») или практически точно (в числах, равенствах)» (5: 158-159). Формулы со значением «больше»/«меньше» приведены в данном определении как способы выражения величины. Возможен однако и другой взгляд на иерархическую роль именуемых этими формулами количественных отношений.

В лингвистической литературе имеет место рассмотрение указанных отношений как базовых для идентификации семантической категории градуирования, интегрирующей с измерением и счетом (7). Термином «градуирование» Сепир называет системную понятийную основу категории количества, ее сущностное ядро: включение квантифицируемого объекта в отношения «больше» / «меньше». На основе такого включения коммуникантами строятся различные шкалы квантификации, деление на которых может варьироваться в зависимости от потребностей и мотивов познающего, а также тех теоретических знаний и практических возможностей, которыми он располагает.

Подобный способ определения количества связан с его эмпирическим познанием и, составляя оппозицию измерению и счету - методам точного, научного, объективного познания, отражает субъективные оценки этого знания в параметрах потребностей и интересов говорящего (адресанта), связанных с его практической деятельностью.

ЭКС лежат в основе самых разнообразных количественно-оценочных высказываний с адъективно-адвербиальными, глагольными, субстантивными и местоименными квантификаторами. Квантифицируемый субъект/объект может быть выражен словами всех знаменательных частей речи, а также предлогами направления и места в кооперации с параметрическими единицами типа «далеко от», «высоко над», «неглубоко под», «близко к» и т.п.

Ср.: *Jack fished it out and we recognized one of our captain's boots. A little farther we found the other one.* (R.M.Ballantyne).

В данном примере определение количества (меры расстояния, оцениваемого как *A little farther* — «немного дальше») требует обращения к синтагматике, к контексту.

Поскольку восприятие осуществляется человеком, то и в номинациях количеств, познанных эмпирически, сказываются обобщенные результаты восприятия. Фрагменты антропосферы наличествуют в экспонентном плане количественно-оценочных высказываний. Ср.: русск.: *глубина по колено, высотой в рост человека*; нем.: *Sichtweite, Horweite*; англ. *up to the ears*. В данном случае ФСПК соприкасается с общим положением об «антропоцентричности» языка (3).

ЭКС являются с нашей точки зрения результатом такого лингвистического явления как внутренний гипостазис (6). Явление внутреннего гипостазиса, под которым понимается внутрилексемная конверсия, предполагает возникновение в границах лексемы варианта с иной субкатегориальной характеристикой. Это явление следует рассматривать как один из случаев проявления семантической микровариативности, вариативности внутри лексемы. В результате внутреннего гипостазиса возникает се-

мантико-морфологический вариант в границах исходной лексемы, отличающийся от нее семантическими, морфологическими, комбинаторными и прагматическими характеристиками. Внутренний гипостазис не ведет к возникновению новой лексемы и не предполагает коренного изменения ее содержания (6: 124).

В процессе внутреннего гипостазиса происходит перераспределение признаков сигнификата: ведущий признак, лежащий в основе сигнификата и входящий в его понятийное ядро, оказывается семантически приглушенным за счет выдвигания другого признака как более актуального для данного контекста и более соответствующего авторской интенции.

Ср.: англ.: *a cup of tea; oceans of time*; русск.: *море счастья, до небес*.

В основе избирательного характера внутреннего гипостазиса лежит обусловленная семантическим потенциалом вышеназванных групп лексем возможность их использования для вторичной образной номинации, метонимической или метафорической. Матричная лексема не содержит кодифицированного варианта со значением количества (*a bottle of milk, the lion's share*) или процессуальности (*to ten*).

В таких случаях отчетливо прослеживается прагмастилистическая интенция говорящего (пишущего), часто ориентированная на создание комического или пейоративного эффекта, на достижение иллокутивной экспрессивной цели, для чего используются фразеологические единства (ФЕ) типа англ.: *beyond measure; as numberless as the sands; world of troubles*; укр.: *як горобців у стпіві*.

Внутренний гипостазис является активно протекающим процессом в современном английском языке. Гипостатические изменения могут иметь разную степень стабильности, будучи зафиксированными словарем, приобретая узуальный характер или оставаясь в рамках окказионального употребления.

Следует отметить, что кодифицированные словарями переходы по линии развития количественности в большинстве своем нейтральны, их основным функциональным назначением является вторичная номинация. В результате внутреннего гипостазиса у существительных, например, имеющих семы количественности, имеет место явление синкретизма. Ср.: *a shower of greetings* (количественность + номинативность).

Незарегистрированные словарями окказиональные переходы по линии развития семы количественности, как правило, несут прагмастилистическую нагрузку. В подобных случаях усложняется семантическая структура слова за счет компонентов, несущих информацию об эмоциональном восприятии предмета, обозначенного словом и его прагматической направленностью. (*a cake of soap, a stick of wood*). Арутюнова Н.Д. по

этому поводу отмечает, что прагматическое значение больше, чем дескриптивное, подчиняется воле говорящего (1).

Социум может отвергнуть или принять новообразование в виде ЭКС, закрепление которого в языке в ряде случаев не вызывается потребностями коммуникации в широком смысле слова, но преследует частную цель — добиться определенного прагматистического эффекта. В данном случае существенна не способность подобного семантического развития конкретной лексемы, но сам факт существования в языке такого живого процесса. Слова — социальные инструменты, объективность важна для их выживания (4: 31).

Связь между обозначением и обозначаемым в подобных случаях оказывается неустойчивой, хотя в ней заложены потенции перерастания в постоянную связь, которые могут быть реализованы при возникновении потребности, и в конечном счете, стать частью словаря, что и произошло с ФЕ.

Перенос основных акцентов при описании ФСПК на коммуникативный блок адресанта-адресата позволяет по-новому осмыслить закономерности реализации различных количественных значений (отношений) в тексте, более адекватно моделировать это поле. В плане содержания поля выделяется количественно-оценочная сфера, семантические структуры которой обусловлены когнитивной и интенциональной сторонами речемыслительной деятельности адресанта. Эти структуры могут опираться на глобальное сравнение, пространственно-временные, тотально-партиципные отношения и т.п. Субполе количественной оценки противопоставлено в границах общего ФСПК другому субполю, в рамках которого могут быть рассмотрены объективные числовые и близкие к ним формы представления точно определенного в процессе научного познания количества.

$$K_1 \text{ (эмпирическое знание)} + K_2 \text{ (научное знание)} = \text{ФСПК}$$

ФСПК, характеризующееся разнообразием форм и спецификой наполнения в результате пересечения парадигматического и синтагматического способов репрезентации количественности действительности, создает определенный квантитативный концепт как результат эмпирического и научного познания, результат лингвистических и экстралингвистических факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Человеческий фактор в языке: коммуникация, модельность, дейксис. — М.: Наука, 1992.
2. Берка К. Измерения: понятия, теории, проблемы. — М., 1987.
3. Вежицкая А. Восприятие // НЗЛ. — М., 1986. — Вып. XVIII. — С. 365.
4. Куайн У.В. Слово и объект // НЗЛ. — М., 1986. — Вып. XVIII. — С. 24—99.
5. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. Гносеологические ас-

пекты. — М., 1971. — С.158—159. 6. Паповяц Э.Г. Андреева О.П. Предсказуемый и непредсказуемый гипостазис // Проблемы мови та мовленнєвої діяльності. Вісник ХДУ, 1995. — № 384 (Т. 2). — С. 123—125. 7. Сепир Э. Градуирование // НЗЛ. — М., 1986. — Вып. XVI. — С.43—78. 8. Bever Th.G. The Cognitive Basis for Linguistic Structures // Cognition and the Development of Language. Annual Series. — N.Y., 1970. — Nr.4. — P.282—283.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР РАЗВИТИЯ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ДРЕВНЕ/ СРЕДНЕАНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Михайлова Е.В. (Харьков)

В период, непосредственно предшествовавший обособлению отдельных индоевропейских языков, предложение представляло собой некое ненапряженное единство. Оно основывалось на наличии развернутой системы выразительных и синтаксически полнозначных морфологических форм, в первую очередь на наличии спрягаемого глагола и падежей имени, которые вступают в предложение не по принципу управления одного слова другим, а по принципу примыкания (синтаксическая автономность слова).

Отношения между различными частями предложения обозначались формами склонения и согласованием, а не порядком слов; слова расставлялись таким образом, чтобы привлекать внимание к более важным по смыслу частям предложения, т.е. порядок слов имел экспрессивное, а не синтаксическое значение. Это, конечно, не исключает привычного порядка слов в некоторых оборотах: в точно сравнимых предложениях одного и того же языка обычный порядок слов почти постоянен, но не этот порядок слов определяет грамматическую роль слов, и всегда можно прибегнуть к другому их расположению.

В предложении древнеиндоевропейских языков ни у одного слова не было своего определенного и постоянного места. Единственным общим правилом было то, что второстепенные члены предложения ставились непосредственно после первого из главных членов при любой связи по смыслу между теми и другими. Следовательно, грамматическая свобода порядка слов в предложении — наиболее характерная черта индоевропейского синтаксиса.

Дальнейшее развитие структуры предложения идет по двум направлениям. С одной стороны, возникает строй предложения, который называется «автономно-собранным»: слово, в основном, сохраняет свой автономный, неуправляемый характер, но общий характер предложения существенно усложняется. Автономность слова получает некоторые ограничения. Существенным средством организации «автономно-собранныго» предложения становится новый порядок слов, когда возникает возможность дистантного расположения связанных членов предложения. Самый необходимый в структурном отношении компонент предложения - спрягаемый глагол - может быть поставлен в конце предложения, создавая тем самым одностороннюю рамку.

Наиболее ярко данное построение выражено в таких языках, как греческий, древнерусский, латинский. Так, в классической латыни члены, на которых лежит смысловое ударение, расположены либо в начале предложения, либо в конце: «*Gallia est omnis divisa in partes tres*» (Вся Галлия разделена на три части); «*Magna dies immortalibus habenda est gratia*» (Великую надлежит чувствовать благодарность к бессмертным богам), и за общую норму можно принять такое расположение, при котором подлежащее находится в начале предложения, а сказуемое - в конце.

С другой стороны, на основе «ненапряженного» строя в индоевропейских языках развивается строй, условно называемый «закрепленно-напряженным». Слово в значительной мере теряет свою автономность. Особенно резко эта тенденция реализуется в языках, которые характеризуются значительной редукцией флексем. «Напряженность» структуры предложения усиливается фиксированным (в ряде случаев контактным) порядком слов, который в значительной мере берет на себя задачу выражения синтаксической функции слова, а отдельное слово в максимальной степени закрепляется внутри предложения или словосочетания. Существенной чертой в развитии языков с «напряженной структурой» является тенденция к тому, чтобы центральной организующей осью предложения был уже не один спрягаемый глагол, а какое-нибудь более сложное образование. Во многих языках такой осью становится сочетание номинативного подлежащего с глагольным сказуемым; с другой стороны окончание предложения может образовываться глагольно-сказуемой группой.

Что касается германских языков, то происходившие в них значительные сдвиги в интонационно-фонетической системе повели к преобладанию в них «закрепленно-напряженной» структуры. Но развивается эта структура не сразу, а после некоторого периода развертывания черт «автономно-сбранного» строя. На ранних этапах большое развитие получило использование рамочной структуры предложения как средства общей формальной организации предложения при значительной автоном-

ности отдельного слова. Например, постановка глагола на конечную позицию характерно для древних рунических надписей, и в той или иной мере для всех германских языков.

Развитие структуры простого предложения в течение древнеанглийского периода наглядно демонстрирует данную динамику. Порядок слов, в частности взаиморасположение подлежащего и сказуемого, определялось, в первую очередь, содержанием высказывания, и порядок следования подлежащего и сказуемого не мог выполнять грамматическую функцию. Более того, «порядок следования элементов может успешно использоваться (для выражения грамматических значений) лишь в том случае, если имеется какой-либо центр, идентифицируемый в качестве такового при помощи специальных средств, по отношению к которому могут различаться две позиции: перед или после него (Солнцев 1971:69). В древнеанглийском языке такого центра предложения не было, и наиболее удовлетворительное объяснение этого факта заключается в том, что подлежащее и сказуемое были относительно автономны, что проявилось прежде всего в возможности образования высказывания без формально выраженного подлежащего, равно как без формально выраженного сказуемого. Следует предположить, что эндоцентрические связи компонентов высказывания были сильнее, чем связи экзоцентрические, если под «силой» связи понимать наличие формально выраженных показателей существующих поверхностных синтаксических связей. Действительно, согласование определения (прилагательного или притяжательного местоимения) с определяемым существительным было не только обязательным, но и всегда маркированным, причем согласование шло по роду, падежу и категории определенности/неопределенности существительного, из чего следует, что члены этого словосочетания согласовывались по ряду из одиннадцати признаков (три значения рода, два - числа, четыре - падежа, определенность/неопределенность). В глагольной группе - сочетаниях глагола-сказуемого с дополнением - обязательно наличествовало управление, выражаемое предложными или предложно-падежными формами. Что же касается форм согласования подлежащего и сказуемого, то они имели более ограниченный характер.

Итак, если порядок слов, а точнее порядок следования подлежащего и сказуемого в силу вышеизложенного не мог выполнять грамматическую функцию, остается предположить, что связи между ними обуславливались, в первую очередь, семантическими взаимоотношениями: чем ближе расположены друг к другу подлежащее и сказуемое, тем яснее и отчетливее выявляются их семантические отношения, даже если они и не находят формального выражения, и, наоборот, чем дальше они расположены друг от друга, тем менее ясны их семантические отношения, вернее, в

этом случае эндоцентрические связи внутри непредикативных словосочетаний оказываются более сильными, чем экзоцентрическая предикативная связь.

Показателем укрепления семантических связей между подлежащим и сказуемым в истории английского языка выступает постепенный переход от дистантного расположения подлежащего и сказуемого к их контактному расположению, к образованию конструктивного ядра высказывания, под которым понимается контактно расположенные подлежащее и сказуемое.

В древнеанглийском языке выделяются две основные модели простого предложения:

«Двувершинная модель», для которой характерно дистантное расположение относительно самостоятельных формальных и смысловых центров - группы подлежащего и группы сказуемого, которые могли следовать в высказывании в любой последовательности и отстоять друг от друга сколь угодно далеко. Варианты данной модели могут быть сведены к пяти основным типам:

- а) SOP - «*hie Gode don sceoldon*» (они Богу сделать должны);
- б) SAP - «*Da ic pa gemunde*» (и я тогда подумал);
- в) SOAP - «*Mon utanbordes wisdom and lare hider on londe sohte*» (чужестранцы мудрость и науку здесь на (этой) земле искали);
- г) SAOP - «*Da ic pa pis ealle gemund*» (и тогда я это вспомнил);
- д) различные виды «расщепления» глагольной группы: SPOP, SPAP, SPOAP, SPAOP.

«Одновершинная» модель, для которой характерно контактное расположение подлежащего и сказуемого.

В древнеанглийском языке четко выделяются два периода: VIII - конец IX вв., когда дистантное расположение подлежащего и сказуемого преобладает над контактными, и X - конец XI вв., когда контактное расположение преобладает над дистантным. Так, в «Anglo-Saxon Chronicles» (конец IX в.) из 200 выбранных предложений ДР имеется в 130, а КР - в 70 предложениях (т.е. 65% и 35%); в «Anglo-Saxon Chronicles» (конец XI в.) из 200 выбранных предложений ДР имеется в 50, а КР - в 150 (т.е. 25% и 75%). Данный процесс продолжает развиваться по нарастающей, и к началу XIV в. КР абсолютно доминирует во всех памятниках, независимо от их диалектальной принадлежности. Например:

- а) южные диалекты: в «Ayenbite of Inwit». Из 200 предложений КР имеется в 162 и ДР в 38;
- б) северные диалекты: в «The Mirror of Saint Edmund» из 200 предложений КР имеется в 170 и ДР в 30.

Таким образом, данный процесс в английском языке начался на рубеже IX-X вв. и завершился к началу XIV в. Аналогичная картина развития

структуры простого предложения наблюдается в других германских языках, и только немецкий язык находится в особом положении.

Расстановка слов в древневерхненемецком предложении значительно менее фиксирована, чем в современном немецком языке, но порядок слов обладает все же определенными тенденциями, а именно тенденцией ставить спрягаемый глагол в конце подчиненного предложения. В главном и самостоятельном предложении спрягаемая форма глагола также могла быть вынесена в конец, но обычно здесь должны были действовать дополнительные факторы, и преобладающим было постановление спрягаемой формы на втором месте. Так, в «Песне о Хильдебранте», где имеется всего 22 подчиненных предложения, рамка полностью отсутствует только в двух. В главных и самостоятельных предложениях спрягаемая форма глагола обычно занимает второе место за исключением тех случаев, когда сказуемое выражается через сочетание спрягаемой формы глагола и инфинитива. Из 10 предложений, в которых фигурирует подобное сочетание, инфинитив занимает конечную позицию в 8. В средневерхненемецкий период (конец XI-XIV вв.) основной осью предложения становится глагол в специфической «раздвоенной» форме, образующий формально группу слов, хотя фактически эта группа обладает единым лексическим значением. В гораздо большей мере, чем в древневерхненемецком, дистантное расположение компонентов сложных форм глагола образует полную или частичную рамку для предложения, и при всех колебаниях в числе отступлений от рамочной конструкции ее преобладающая роль оказывается несомненной.

Таким образом, два близкородственных языка, имея сходные начальные условия, в течение пяти веков развили структуру предложения в прямо противоположных направлениях, и особенность немецкого языка объяснялась многими исследователями, например Behaghel (6:43), влиянием латинского языка, с чем вряд ли можно согласиться, поскольку, во-первых, для самого латинского языка конечная позиция глагола не является господствующей нормой, и, во-вторых, иноязычные синтаксические конструкции, если они и заимствуются, не охватывают всю структуру языка в целом.

Мы полагаем, что тенденция к постановке глагольных форм либо в контактном, либо в дистантном расположении обусловлена внутренними механизмами развития, присущими каждому языку, и в качестве направления дальнейшего исследования мы предлагаем следующее: поскольку переход от индоевропейского «ненапряженного» предложения, где слово имело автономный, «неуправляемый» характер, к «автономно-собранным» и «закрепленно-напряженному» порядкам был обусловлен именно потерей словом, в большей или меньшей степени, его автономности, то исследование структуры слова, его морфологического состава, словооб-

разования в диахроническом аспекте поможет найти правильный ответ, объясняющий различие в структуре предложения в немецком и других германских языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. - М.: Высш. шк., 1963. - 335 с.
2. Адмони В.Г. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка. - Л.: Наука, 1966. - 213 с.
3. Иванова И.П., Чахоян Л.П. История английского языка. - М.: Высш. шк., 1976. - 237 с.
4. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. - М., 1971. - 111 с.
5. Москальская О.И. История немецкого языка. - Л.: Учпедгиз, 1958. - 287 с.
6. Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. - 306 с.
7. Behaghel O. Deutsche Syntax. - Heidelberg: Dunker GmbH, 1934. - 452 s.
8. Miller T. Indo-European: VSO, SOV, SVO or all three?// *Lingua*, 1975. - N. 37. - P. 31-52.
9. Mitchell B. OE Syntax. - Oxford, 1985. - 660 p.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЛИМЕНТА КАК ВИДА РЕЧЕВЫХ ПОСТУПКОВ В ПОВЕДЕНИИ НОСИТЕЛЕЙ БРИТАНСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Мищенко В.Я. (Харьков)

Комплимент, рассматриваемый как единица речевого поведения, есть особый вид речевых поступков. Понятие речевого поступка объединяет в себе такие категории, как речевое действие, социально-психологическое взаимодействие и способ языковой реализации речевого действия [1].

Речевое действие, в силу его направленности на качественно различные (речевые и неречевые) коммуникативные цели, представляет собой сложное единство *иллокутивного акта*, понимаемого как выражение говорящим намерений, предназначенных для распознавания адресатом, *перлокутивного акта*, суть которого состоит в запланированном изменении психического состояния адресата, и *социального действия*, понимаемого как целенаправленный процесс управления поведением адресата [3].

Способ реализации речевого действия определяется как закономерностями употребления языка в речи, так и внеязыковыми факторами, в частности, социально-психологическими особенностями (коллективными и индивидуальными) участников взаимодействия.

Конечной коммуникативной целью комплимента как и любого речевого действия является цель социальная, связанная с организацией и координацией взаимодействия между коммуникантами. Социальной цели подчинены иллокутивные и перлокутивные цели комплимента. Иллокутивные цели состоят в открытом выражении (а) позитивного интенционального состояния адресата, (б) его позитивного отношения к адресату и (в) его стремления доставить удовольствие адресату. Перлокутивной целью комплимента является положительная эмоциональная реакция адресата, возникающая как результат удовлетворения его потребности быть признанным и высоко оцененным окружающими. Аналогично проводимому некоторыми исследователями, в частности, Ю. Гу, Л.К. Мао [7,8], различию между вежливостью нормативной (этикетной) и вежливостью инструментальной, а также такими моделями поведения, как “этикетные образцы” и “стратегии” [2], мы выделяем два больших класса комплиментов - социальных действий (КСД): класс этикетных и класс инструментальных КСД. Основным классификационным признаком служит характер социальной цели. Общей, единой социальной целью всех этикетных КСД выступает поддержание неантагонистических отношений между коммуникантами, тогда как цель инструментальных КСД состоит в изменении поведения партнера по общению. Важными признаками, отличающими этикетные КСД от инструментальных, являются жесткая закреплённость первых за определенными видами стандартных коммуникативных ситуаций, а вторых — за некоторыми типизированными вариантами изменения поведения партнера по общению. Именно эти признаки были положены в основу категоризации типов КСД внутри выделенных классов. Всего было выделено 15 типов КСД, 6 из которых входят в класс этикетных, 6 — в класс инструментальных КСД. Еще 3 типа, сочетающие в себе признаки как этикетных, так и инструментальных КСД, были объединены в так называемую “промежуточную группу”.

Приведенные ниже фрагменты диалогов, содержат примеры этикетных (1) и инструментальных КСД (2), а также КСД, относящихся к промежуточной группе (3).

(1) *“The evening of the party Estelle wore a dress I hadn't seen before: a simple frock with an embroidered jacket. She looked very well in it... “You look lovely”, I said, kissing her. “When did you get that dress?” (Tushnet)*

/согласно правилам этикета в англоязычных (британской и американской) культурах, вы должны обязательно сказать комплимент партнеру по общению, если в его внешности или среди его вещей появилось что-то новое (например, прическа, усы или борода, одежда, мебель, автомобиль и т. п.)/.

(2) "Now really, Cyril, I think it's high time you let other people do your donkey work for you. You're much too important for that sort of thing. Why don't you give the inlays to the mechanic?"

"I prefer to do them myself. I'm extremely proud of my inlays."

"I know you are, darling, and I think they're absolutely wonderful. They're the best inlays in the whole world. But I don't want you to burn yourself out" (Dahl)

/в данном случае иллюкутивные акты комплимента (ИАК) реализуют инструментальное социальное действие типа "социальная смазка" (social lubricant [9]), смягчающее критику или предъявляемые адресату претензии, когда необходимо изменить его поведение и вместе с тем сохранить гармонию взаимоотношений/.

(3) In the operating room there were whispered introductions: "Dr Remington, Dr Mitty. Mr Pritchard - Mitford, Dr Mitty". "I've read your book on streptothricosis", said Pritchard - Mitford, shaking hands. "A brilliant performance, sir". "Thank you", said Walter Mitty (Thurber)

/тип КСД, носящий условное название "Знакомство", объединяет комплименты, сказанные в ситуации знакомства с человеком, о котором говорящему известно что-либо, заслуживающее положительной оценки. Этот тип входит в промежуточную группу, поскольку относящиеся к нему комплименты, с одной стороны, устойчиво закреплены за стереотипной ситуацией общения, что свидетельствует об их определенном сходстве с этикетными действиями, но, с другой стороны, их употребление в этой ситуации с точки зрения этикетных предписаний не является обязательным. Оно обусловлено не стремлением говорящего соблюсти строгие правила этикета, а его стремлением тем или иным образом повлиять на поведение адресата (в данном случае расположить его к себе, сделать так, чтобы адресат относился к говорящему как к другу), что дает основания рассматривать такие комплименты как инструментальные/.

Понятию социальной цели в теории диалогического дискурса соответствует понятие интеракциональной интенции [5,6], соотносимое с такой единицей дискурса, как речевой ход. В зависимости от того, сколько иллюкутивных и перлюкутивных целей подчиняет себе социальная цель, речевой ход может состоять из одного или нескольких иллюкутивных и перлюкутивных актов. Соответственно, отдельный ИАК может выступать либо как самостоятельное социальное действие, либо как его часть. Таким образом, термин "комплимент - социальное действие" является до определенной степени условным, поскольку мы им обозначаем не только те случаи, когда один или несколько ИАК самостоятельно реализуют социальное действие и выступают в дискурсе в качестве отдельного речевого хода (4), но также случаи, когда один или несколько ИАК реализуют социаль-

ное действие в сочетании с иллокутивными актами других видов и выступают в дискурсе в качестве речевого акта или речевого шага (5). КСД первого типа было дано название "самостоятельные", КСД второго типа — "несамостоятельные".

(4) *"Absolutely heavenly sole", said Hester to the waiter, when he returned with Julian's cold salmon. "And wonderful tomato salad. and spiffing tartar sauce".*

The waiter gave her an almost imperceptible wink.

"Thank you, madam", he said solemnly (J. Cooper).

(5) *Robert. I agree with you. I am a very foolish publisher.*

Jerry. No you're not. What are you talking about? You're a good publisher. What are you talking about? (Pinter).

Нами были проанализированы 610 КСД (реализованных посредством 826 ИАК), взятых из произведений современных (2-я половина XX века) британских и американских авторов. В данном корпусе примеров этикетные КСД составляют 14,8%, промежуточные — 8,7%, инструментальные — 76,5%. Это свидетельствует о том, что в речевом поведении британцев и американцев преобладают комплименты, относящиеся к сфере не нормативной, а инструментальной вежливости. Такое соотношение можно объяснить тем, что в реальной жизни ситуации, когда комплимент предписан правилами этикета, возникают реже, чем ситуации, когда говорящий сам считает необходимым осуществить ликоповышающую работу.

Согласно полученным нами данным, в целом самостоятельные КСД менее распространены, чем несамостоятельные (ср. 45,1% и 54,9%). Однако внутри выделенных классов прослеживаются обратные соотношения: если среди инструментальных КСД самостоятельных примерно в 1,5 раза меньше, чем несамостоятельных (ср. 40,5% и 59,5%), то среди этикетных первых почти в 1,5 раза больше, чем вторых (ср. 58,6% и 41,4%). Данное различие обусловлено, на наш взгляд, тем, что этикетный характер ситуации, ее стандартность позволяет говорящему посредством комплиментарного высказывания помимо иллокуции комплимента выразить другую, сопутствующую иллокутивную силу (как правило, приветствия или благодарности (4)), и поэтому говорящий вместо того, чтобы осуществить то или иное социальное действие двумя различными иллокутивными актами, один из которых — комплимент, осуществляет его одним полиилокутивным актом с доминирующей иллокуцией комплимента.

Наибольший удельный вес имеют КСД, реализованные посредством одного ИАК, то есть выступающие в дискурсе в виде речевых актов (39,3%) и речевых ходов, включающих только один речевой акт (34,6%). Практически во всех типах наблюдается следующая закономерность: чем сложнее КСД, тем реже он встречается.

Исследованные нами 610 КСД были реализованы 826 ИАК. Таким образом, в среднем один КСД реализуется посредством 1,4 ИАК. Варьирование данного значения от типа к типу незначительно.

В речевом поведении носителей английского языка КСД реализуются конвенциональными формулами, то есть прямыми ИАК, в 3 раза чаще, чем непрямыми (ср. 75,7% и 24,3%). Этикетные КСД, как и следовало ожидать, в два с лишним раза реже, чем инструментальные реализуются посредством не прямых ИАК (ср. 13% и 27,7%). Отметим, что не прямые ИАК, реализующие этикетные КСД, осуществляются, как правило, в сочетании с прямыми ИАК.

Неожиданным на первый взгляд может показаться тот факт, что среди видов не прямых ИАК преобладают ИАК с имплицитно выраженным позитивно-оценочным суждением, то есть наиболее трудные для распознавания адресатом* (50,3%):

"Where the hell's your husband?"

"He got held up at the office. We had a row about my coming alone."
Instantly she felt disloyal.

"He's quite right. If I were married to you, I'd keep you locked up." (J. Cooper) /данное высказывание имплицитно подразумевает следующее оценочное суждение: *You are very pretty and sexy*/.

Можно предположить, что проявляющееся таким образом стремление говорящих как можно дальше уйти от клише и шаблонов связано с их желанием заверить собеседника в своей искренности. Напомним, что несмотря на важное преимущество комплиментов-формул, состоящее в их доступности для понимания, они в то же время имеют один существенный недостаток: стереотипные, постоянно повторяющиеся высказывания могут вызвать у адресата сомнения в искренности говорящего [10: 406].

Примечания.

*Не прямые ИАК мы подразделяем на косвенные и имплицитные. К имплицитным относятся ИАК, в которых имплицитно выражена одна из составляющих позитивно-оценочного суждения (объект положительной оценки или оценочный предикат) или же позитивно-оценочное суждение как таковое, а также ИАК, в которых имеется так называемый "побочный адресат" или же говорящий не является автором позитивно-оценочного суждения (подробнее об этом см. [4]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. - М.: Наука, 1993. - 172 с.
2. Даниленко О. И. Культура общения и ее воспитание: учеб. пособие. - Л.: ЛГИК, 1989. - 98с.
3. Мищенко В.Я. К проблеме интеграции теории речевых актов и теории речевой деятельности // Вісник Харківського університету, 1999. - № 424. - С. 101-105.
4. Мищенко В.Я. Косвенные способы

реализации иллокуции комплимента // Вісник Харківського університету, 1999. - №.430. - С. 101 - 107. 5. Чахоян Л.П., Паронян Ш.А. Взаимодействие интенций как фактор, определяющий типы межличностного общения // Личностные аспекты языкового общения. - Калинин: КГУ, 1989. - С. 67-75. 6. Edmondson W. Spoken discourse: A model for analysis. - London, NewYork: Longman. - X, 1981. - 217 p. 7. Gu Yu. Politeness in modern Chinese // Journal of Pragmatics, 1990. - # 14. - P. 237-57. 8. Mao L. K. Beyond politeness theory: face revisited and renewed // Journal of Pragmatics, 1994. - # 21. - P. 451-486. 9. Wolfson N. An empirically based analysis of complimenting in American English // Wolfson N. And E. Judd (eds.) Sociolinguistics and language acquisition. - Rowley (Mass.), London, Tokyo, 1983. - P. 82 -95. 10. Wolfson N., Manes J. The compliment as a social strategy // Papers in linguistics: International journal of human communication, 1980. - # 13: 3. - P. 391 - 410.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Cooper, Jilly Love and Other Heartaches. - London: Corgi Books, 1983. - 235 p.
 Dahl, Roald Kiss, kiss. - Penguin Books, 1999. - 187 p.
 Pinter, Harold Plays: One. - Faber and Faber, 1991. - 354 p.
 Thurber, James The secret Life of Walter Mitty. // McConochie Jean A. 20th century American Short Stories. - Moscow: Progress Publishers, 1979. - P. 65 - 79.
 Tushnet, Leonard The Klausners. // Eleven American Stories. - Moscow: Progress Publishers, 1976. - P. 17 - 32.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МИНИМАЛЬНО КРАТКИХ РЕПЛИК В РАМКАХ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА

Морозова И.Б., канд. филол. наук (Одесса)

Как известно, для диалогической речи характерна эллиптичность (сокращенность), которая вызвана непосредственностью общения и наличием единой речевой ситуации. В процессе коммуникации устанавливается несколько каналов передачи информации, что приводит к формальным сокращениям ("экономии") в речевом канале. При хорошем знании предмета общения, во избежание перегруженности речевого обмена, часто наблюдается высказывание намеком и, соответственно этому, понимание догадкой. Это возможно потому, что при наличии общей ситуации в речь включаются невербальные аспекты коммуникации, создающие дополнительные каналы связи, при которых возможны сокращения в плане выражения. В лингвистике невербальные средства коммуникации делятся на паралингвистические (интонация, темп, ритм, паузы, интенсивность) и кинетические (жесты, мимика, телодвижения) (Е.С. Большакова (2: 112). Е.Н. Старикова (4: 16)).

Как следует из проведенного исследования, в основном сокращенность состава предложения идет по принципу сохранения предикативности. Этот вывод согласуется с утверждением Л.С. Выготского: "чистая предикативность возникает во внешней речи в двух основных случаях, как показывают наблюдения, — или в ситуации ответа, или в такой ситуации, где подлежащее высказываемого суждения наперед известно собеседникам (3: 81) И.Н. Арват также отмечает, что "...семантика предложения опирается на его предикат" (1:27).

Как свидетельствуют данные фактического материала, сокращенность проявляется на всех языковых уровнях: фонетическом, морфологическом и синтаксическом. В соответствии с теорией информации, сокращениям подвергаются семантически избыточные элементы. Изучение структурного состава реплик диалогических единств (ДЕ) позволило выделить в качестве минимально кратких на синтаксическом уровне однословные реплики. Очевидно, что такие высказывания могут быть либо эллиптическими конструкциями, либо структурно-непредикатными построениями. Некоторые лингвисты разграничивают понятие эллипса и импликации. Так, Дж. Лич, Я. Свартвик видят разницу между импликацией и эллипсом в том, что "эллипс восстанавливается однозначно, а импликация имеет вариативную интерпретацию" (5: 253). Между тем, нередко пере-спросы в случае употребления эллиптических предложений в речи, что свидетельствует о потенциальной многозначности нулевых позиций, возникающих в результате эллипса. Согласно наиболее распространенной точке зрения, имплицитность возникает в результате семантического или грамматического эллипса.

Например:

I.

1) — *It was a goose egg!*

2) — *A goose egg?! — Echoed the horrified king. (L.F. Baum)*

II.

1) — *He came in the morning dog — tired and all.*

2) — *How? (J. Lank)*

Приведенные примеры реплик-реакций показывают, что последние не имеют однозначного восстановления и употребляются лишь с целью выражения собеседником своего эмоционального отношения и побуждения говорящего для дальнейшей беседы. Так, первая ДЕ ответная реплика, выражающая удивление короля, допускает следующие восстановленные конституэнты: ® 1) *Was it a goose egg?! 2) It can't have been a goose egg! 3) What do you mean by a goose egg?*

Ответная реплика во втором ДЕ допускает следующие виды восстановления: ® 1) *How could it happen? 2) How tired did you say he came? 3) How come that he came dog-tired?*

По нашим данным, такие минимально краткие реплики употребляются в 57% в виде вопросительных конструкций. В данной работе не ставилась специальная задача детального исследования различия в синтаксическом употреблении имплицитных высказываний. Оба этих вида реплик рассматриваются нами как эллиптические, т.е. предикатные, в противопоставление непредикатным высказываниям типа *"Hello"*, *"Yes"* и др. Отметим, что, по данным нашего исследования, однословные реплики засвидетельствованы преимущественно в двучленных ДЕ. Анализ фактического материала показал, что минимально краткие реплики составляют примерно 1/3 всех высказываний диалога романа и почти половину реплик в диалоге драмы. Однако количественно реплики стимула и реакции распределяются неравномерно. Однословные эллиптические реплики-стимулы в романе составляют 17% в то время как реплики-реакции – 74%. Аналогично, в диалоге пьесы засвидетельствовано 33% случаев употребления однословных стимулирующих реплик и 61% случаев употребления реплик-реакций.

Например:

a) – *I'll do it for you.*

– *Splendid!* (A. Christie)

b) – *Where? Where?*

– *Just behind you* (J.D. Salinger)

В примере а) реплика-реакция, а в примере б) реплика-стимул представлены эллиптическим однословным предложением.

Иными словами, и в диалоге романа, и в диалоге пьесы однословные реплики-реакции употребляются: в первом случае в пять раз чаще, а во втором – в 2 раза чаще, чем реплики-стимулы. Такое соотношение можно объяснить прагматическим фактом, что, в основном, реплики-стимулы направлены на получение дополнительной информации от собеседника и, следовательно, должны быть соответствующе структурно оформлены. В то время как реплика-реакция предполагает наличие у собеседников каких-то общих знаний по данному вопросу и лишь конкретизирует их.

Что же касается частотности употребления однословных непредикатных высказываний в различных типах ДЕ, то было установлено, что однословные непредикатные высказывания в диалоге и пьесы, и романа употребляются примерно в пять раз чаще, чем в стимулирующих репликах. Такое распределение частотности можно объяснить прежде всего тем, что более половины всех непредикатных построений употребляются в качестве ответа на "закрытые" вопросы, то есть являются истинно-оценочными высказываниями типа *"Yes"* и *"No"* и, следовательно, являются вполне самодостаточными предложениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арват Н.Н. Семантическая структура простого предложения в современном русском языке. – Киев: Вища школа, 1984 – 157 с.
2. Большакова Е.С. Диалогическая речь научного содержания. – Кишинёв: Штиинца, 1989 – С. 132-136.
3. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958 – 354 с.
4. Старикова Е.Н. Имплицитная предикативность в современном английском языке. – Киев: Вища школа, 1974 – 141 с.
5. Leech G., Svartvic J. A communicative Grammar of English – Ldn: Longman, 1975 – 324 p.

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА ВИКТОРИАНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ СРЕДНЕГО КЛАССА В ТЕРМИНАХ РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ И ТЕМАТИКИ ОБЩЕНИЯ

Морозова И.И. (Харьков)

Общепризнанно, что язык и социо-культурная среда его функционирования тесно взаимосвязаны, и то, каким образом речевое поведение личности зависит от социо-культурной «экологии», в которой она живет, представляет интерес как для развития общей теории коммуникации, так и для анализа общения в конкретных речевых сообществах. Ссылаясь на исследования Э. Сепира и Б.Л. Уорфа, М. Сейвил-Тройке пишет: «Несомненно, [...] что существует взаимодействие между формой и содержанием языка и убеждениями, ценностями и нуждами, присущими культуре говорящих на нем» (4:35, пер. мой – И.М.).

Викторианская эпоха, названная в честь королевы Виктории, правившей с 1837 по 1901 гг., – это особый период истории Великобритании, представляющий интерес как для социальных историков, так и для исследователей языка. Глубокие социальные преобразования Викторианской эпохи были вызваны, прежде всего, Индустриальной революцией, которая не только изменила способы производства, распределения и потребления, но и поставила Англию перед необходимостью пересмотреть социальные отношения на каждом уровне: как между рабочими и работодателями, так и между мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми, и т.д.

Как известно, Викторианская Англия была в высшей степени классовым обществом, в котором образ жизни людей определялся в первую очередь сословной принадлежностью. Несомненно, что утвердившиеся в этот период викторианские ценности, да и весь викторианский образ жизни, о которых продолжают спорить многие ученые (Branca 1975; Himmelfarb 1995; Jarvis 1997; Walvin 1987), оказали влияние не только на положение женщины в обществе, но и ее речевое поведение.

Анализ сплошной выборки образцов женского дискурса, почерпнутых из художественных произведений авторов Викторианской эпохи (А. Беннетта, Т. Гарди, Д. Голсуорси, Ч. Диккенса, Д. Мередита, Б. Шоу) позволяет выделить следующие стереотипные коммуникативные ситуации, в которых женщина Викторианской эпохи обычно реализовывала свою потребность в общении, и количественно определить степень их значимости для коммуникации:

- ситуации бытового общения (семья/дом) – 56,3%;
- ситуации светского общения (посещение или прием гостей) – 42%;
- ситуации правового общения (например, обсуждение своего финансового положения) – 1,7%.

За каждой из перечисленных коммуникативных ситуаций закреплён определённый набор тем. Так, в ситуациях домашнего/семейного общения можно выделить следующие темы:

1. матримониальные проблемы, как-то: помолвки, предложения, согласия и отказы вступить в брак, а также обсуждение вопросов, относящихся к этой теме – 26,8%:

"Very nice for the young man," she said; "and he's a good looking young fellow; but I doubt he's quite the right lover for dear June." (Galsworthy).

2. ведение домашнего хозяйства – 14,1%. Данная тема реализуется в двух вариантах – в виде распоряжений отдаваемых прислуге (4,2%) и в виде обсуждения данной темы супругами (9,9%):

"Now, Florrie, I'm going out tonight, to see Miss Orgreave at Bleakridge. I shall rely on you to go to bed not later than nine: I've got the key. I may not be back till the last train."

"Yes, miss!" (Bennett).

3. обсуждение материального благосостояния семьи – 14,1%:

"But why shouldn't I collect the rents myself? I'm not asking you to collect them. And I shall save the five per cent, and goodness knows we need it."

"You're more likely to lose twenty five per cent", said Hilda. [...] (Bennett).

4. излияния чувств и эмоций – 9,9%:

[...] Clara said: "[...] men who are Egoists have good women for their victims; women on whose devoted constancy they feed; they drink it like blood. I am sure I am talking the merely feminine view. They punish themselves too by passing over the one suitable to them, who could really give them what they crave to have [...]." (Meredith).

5. воспитание детей – 9,9%:

He was about to [...] step into the garden, when Clara said, "You will have Crossjay trained for the navy, Willoughby? There is not a day to lose." (Meredith).

6. обсуждение вопросов благопристойного поведения и этикета – 7%:
"My dear, you mustn't say 'gentlemen' nowadays," her stepmother answered in the tones of arch concern that so well became her ugliness. "we have handed over 'gentlemen' to the lower middle class, where the word is still to be heard at tradesmen's balls and provincial tea-parties, I believe. It is done with here."
"What must I say, then?"

"Ladies and men' always." (Hardy).

7. разговоры о прогулках, путешествиях, погоде, увлечения, или т. н. "small talk" – 5,6%:

[...] *"You ride, I know."*

"Yes, I ride. But not much, because papa doesn't like my going alone." (Hardy).

8. сплетни о знакомых и родственниках – 4,2%:

"I shouldn't wonder a bit if that architect chap were sweet upon Mrs. Soames!" [...] *"The fellow," he said to Mrs. Septimus, "follows her about with his eyes like a dog[...]. I don't wonder at it – she's a very charming woman, and, I should say, the pink of discretion!"* [...] *"But I wasn't sure of it," he said, "till I saw him pick up her handkerchief."*

Mrs. Small's eyes boiled with excitement.

"And did he give it her back?" she asked.

"Give it back?" asked Swithin. "I saw him slobber on it when he thought I wasn't looking!"

Mrs. Small gasped – too interested to speak. (Galsworthy 1974:144).

9. обсуждение допустимой для женщины деятельности вне семьи – 4,2%:
 [...] *it was nice for Francie to have something to occupy her; while other girls were spending money shopping she was making it! And both Aunt Hester and Aunt Juley were always to listen to the latest story of how Francie had got her price increased.* (Galsworthy).

10. воспитательные беседы с детьми – 4,2%:

"Now, Crossjay," she [Clara] said. Dense gloom overcame him like a cowl. "As if I were going to lecture you, you silly boy!" he began to brighten dubiously. "[...] I like brave boys, and I like you wanting the Royal Navy. Only, how can you if you do not want to learn? You must get the captains to pass you, you know." (Meredith).

В ситуациях светского общения викторианские женщины среднего класса участвуют в обсуждении проблем, ограниченных следующей тематикой:

1. флирт – 37,7%:

"You talk about my severity with you, Elfride. You are unkind to me, you know."

"How?" she asked, looking up [...].

Анализ сплошной выборки образцов женского дискурса, почерпнутых из художественных произведений авторов Викторианской эпохи (А. Беннетта, Т. Гарди, Д. Голсуорси, Ч. Диккенса, Д. Мередита, Б. Шоу) позволяет выделить следующие стереотипные коммуникативные ситуации, в которых женщина Викторианской эпохи обычно реализовывала свою потребность в общении, и количественно определить степень их значимости для коммуникации:

- ситуации бытового общения (семья/дом) – 56,3%;
- ситуации светского общения (посещение или прием гостей) – 42%;
- ситуации правового общения (например, обсуждение своего финансового положения) – 1,7%.

За каждой из перечисленных коммуникативных ситуаций закреплён определённый набор тем. Так, в ситуациях домашнего/семейного общения можно выделить следующие темы:

1. матримониальные проблемы, как-то: помолвки, предложения, согласия и отказы вступить в брак, а также обсуждение вопросов, относящихся к этой теме – 26,8%:

"Very nice for the young man," she said; "and he's a good looking young fellow; but I doubt he's quite the right lover for dear June." (Galsworthy).

2. ведение домашнего хозяйства – 14,1%. Данная тема реализуется в двух вариантах – в виде распоряжений отдаваемых прислуге (4,2%) и в виде обсуждения данной темы супругами (9,9%):

"Now, Florrie, I'm going out tonight, to see Miss Orgreave at Bleakridge. I shall rely on you to go to bed not later than nine: I've got the key. I may not be back till the last train."

"Yes, miss!" (Bennett).

3. обсуждение материального благосостояния семьи – 14,1%:

"But why shouldn't I collect the rents myself? I'm not asking you to collect them. And I shall save the five per cent, and goodness knows we need it."

"You're more likely to lose twenty five per cent", said Hilda. [...] (Bennett).

4. излияния чувств и эмоций – 9,9%:

[...] Clara said: "[...] men who are Egoists have good women for their victims; women on whose devoted constancy they feed; they drink it like blood. I am sure I am talking the merely feminine view. They punish themselves too by passing over the one suitable to them, who could really give them what they crave to have [...]" (Meredith).

5. воспитание детей – 9,9%:

He was about to [...] step into the garden, when Clara said, "You will have Crossjay trained for the navy, Willoughby? There is not a day to lose." (Meredith).

6. обсуждение вопросов благопристойного поведения и этикета – 7%:
"My dear, you mustn't say 'gentlemen' nowadays," her stepmother answered in the tones of arch concern that so well became her ugliness. "we have handed over 'gentlemen' to the lower middle class, where the word is still to be heard at tradesmen's balls and provincial tea-parties, I believe. It is done with here."
"What must I say, then?"

"Ladies and men' always." (Hardy).

7. разговоры о прогулках, путешествиях, погоде, увлечениях, или т. н. "small talk" – 5,6%:

[...] *"You ride, I know."*

"Yes, I ride. But not much, because papa doesn't like my going alone." (Hardy).

8. сплетни о знакомых и родственниках – 4,2%:

"I shouldn't wonder a bit if that architect chap were sweet upon Mrs. Soames!" [...] *"The fellow," he said to Mrs. Septimus, "follows her about with his eyes like a dog[...]" I don't wonder at it – she's a very charming woman, and, I should say, the pink of discretion!"* [...] *"But I wasn't sure of it," he said, "till I saw him pick up her handkerchief."*

Mrs. Small's eyes boiled with excitement.

"And did he give it her back?" she asked.

"Give it back?" asked Swithin. "I saw him slobber on it when he thought I wasn't looking!"

Mrs. Small gasped – too interested to speak. (Galsworthy 1974:144).

9. обсуждение допустимой для женщины деятельности вне семьи – 4,2%:

[...] *it was nice for Francie to have something to occupy her; while other girls were spending money shopping she was making it! And both Aunt Hester and Aunt Juley were always to listen to the latest story of how Francie had got her price increased.* (Galsworthy).

10. воспитательные беседы с детьми – 4,2%:

"Now, Crossjay," she [Clara] said. Dense gloom overcame him like a cowl. "As if I were going to lecture you, you silly boy!" he began to brighten dubiously. "[...] I like brave boys, and I like you wanting the Royal Navy. Only, how can you if you do not want to learn? You must get the captains to pass you, you know." (Meredith).

В ситуациях светского общения викторианские женщины среднего класса участвуют в обсуждении проблем, ограниченных следующей тематикой:

1. флирт – 37,7%:

"You talk about my severity with you, Elfride. You are unkind to me, you know."

"How?" she asked, looking up [...].

"After my taking trouble to get jewelry to please you, you wouldn't accept it."

"Perhaps I would now; perhaps I want to." (Hardy 1995).

2. темы, относящиеся к области "small talk" – 20,8%:

C o k a n e [very agreeably] Do you contemplate a long stay here, Miss Sartorius?

B l a n c h e. We were thinking of going on to Rolandseck. Is it as nice as this place? [...]

C o k a n e. Rolandeck appears to be an extremely interesting place. [He reads] "It is one of the most beautiful and frequented spots on the river, and is surrounded with numerous villas and pleasant gardens, chiefly belonging to wealthy merchants from the Lower Rhine[...]."

B l a n c h e. That sounds civilized and comfortable. I vote we go there. (Shaw).

3. семейное положение женщины; матримониальные проблемы – 16,9%:

"Be sure of this: Willoughby Patterne is a man of unimpeachable honour."

"I do not doubt it."

"He means to be devoted to you. [...] Marriage cures a multitude of indispositions." (Meredith).

4. сплетни о знакомых и родственниках – 13,2%:

"We were talking of bracelets just now. Look at Lady Luxellian's," said Mrs Swancourt, as that baroness lifted her arm [...]. "It is slipping up her arm – too large by half. I hate to see daylight between a bracelet and a wrist; I wonder women haven't better taste." (Hardy).

5. деятельность, которой женщинам не возбранялось заниматься вне семьи (сочинение романов, работа учительницей, секретаршей в редакции газеты и т.п.) – 5,7%:

"You still write? you continue to work with your pen?" said Willoughby.

"A little; a very little."

"I do not like you to squander yourself, waste yourself, on the public. [...] Reserve yourself for your friends. Why should they be robbed of so much of you? [...] For what? For a breath of fame?"

"I write for money." (Meredith 1995: 326).

6. выражение своих чувств и эмоций – 5,7%:

At last she could bear no longer.[...]

June cried passionately: "You know I want to do everything for you – that I want to be everything for you – " (Galsworthy).

Тематика, затрагиваемая женщинами Викторианской эпохи в ситуациях правового общения, сводится почти исключительно к обсуждению своего имущественного положения.

"I wish she [the mother] would sell [the houses]," said Hilda [...].

"Very soon your consent will be necessary to any sell."

"Really!" she exclaimed, agreeably flattered, but scarcely surprised by this information. "I should consent quick enough! I can't bear to walk down the street!" (Hardy 1995: 52)

Рассмотрев все вышеприведенные примеры, можно сделать вывод о том, что поскольку семья и домашняя сфера была практически единственным доступным полем деятельности для женщины Викторианской эпохи, они и определяли набор и тематику коммуникативных ситуаций, в которых формировался викторианский женский дискурс.

Тематика семейно-бытового общения богаче тематики светского общения (такие темы, как воспитание детей, ведение домашнего хозяйства, проблемы этикета и воспитательные беседы с детьми обычно не фигурируют в светских беседах). Это – своеобразное отражение предписываемой обществом программы жизни Викторианской женщины: найти подходящего жениха, выйти замуж и стать образцовой хозяйкой. Достижению этих приоритетов подчинены и остальные области функционирования женского дискурса – излияния чувств, воспитание детей и вопросы этикета. Деятельность вне семьи представлена в речевом поведении викторианской женщины весьма скудно.

Характерно, что флирт является преобладающей темой у женщин также в ситуациях светского общения. На втором месте по значимости здесь оказывается "small talk", затем следуют матримониальные вопросы. Обсуждение чувств и эмоций в равной степени присуще как разговорам в гостях, так и в семейном кругу. Менее всего, если судить по объему затрачиваемого на него дискурса, занимают викторианскую женщину «деловые» вопросы: правовые, финансовые и т.п.

Таким образом, изучение социальных аспектов речевой коммуникации британской женщины Викторианской эпохи подтверждает ее детерминированность той ролью, которую отводит ей в данный период общество, а также господствующими в нем социо-культурными ценностями и конвенциями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Branca, P. The Victorian Woman – off the Past and into History // Silent Sisterhood. Middle Class Women in Victorian Home. – London: Crown Helm, 1975. – P. 1 – 19.
2. Himmelfarb, G. The De-moralization of Society. From Victorian Virtues to Modern Values. – The Institute of Economic Affairs Health and Welfare Unit, 1995. – 309 p.
3. Jarvis, A. Victorian Values // Samuel Smiles and the Construction of Victorian Values. Sutton Publishing Ltd., 1997. – P. 129 – 148.
4. Saville-Troike, M. Language and Culture // The Ethnography of communication. Oxford: Basic Blackwell, 1982. – P. 34 – 37.
5. Walvin, J. Other People, Other Values // Victorian Values. Andre Deutsch Ltd., 1987. – P. 137 – 146.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Bennett, A. Hilda Lessways. – Penguin, 1975. – 327 p. 2. Dickens, Ch. David Copperfield. – Wordsworth Editions Ltd., 1995. – 766 p. 3. Galsworthy, J. The Man of Property. М.: Прогресс, 1974. – 383 с. 4. Hardy, Th. A Pair of Blue Eyes. – Wordsworth Editions Ltd., 1995. – 305 p. 5. Meredith, J. The Egoist. – Wordsworth Editions Ltd., 1995. – 434 p. 6. Shaw, B. Widowers' Houses // Selected Works. М.: Иностранные языки, 1958. – С. 27 – 94.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЮМОРА С ОРГАНИЗАЦИЕЙ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Морозова М.В. (Харьков)

В работах, посвященных изучению юмора, примеры, как правило, берутся из сборников шуток, анекдотов и пр. При этом авторы научных трудов принимают в качестве исходной посылки, что они являются смешными, уже в силу самого факта их включения в соответствующие сборники, упуская из виду то, что кто-то когда-то уловил данный юмористический фрагмент в контексте, выделил его и дал ему <независимое существование>. При этом, однако, не следует забывать, что <родился> он в контексте, который будет обязательно присутствовать, чаще всего в имплицитном виде, в отдельной шутке.

В лингвистических трудах полутора последних десятилетий двадцатого века разработан достаточно строгий метод, позволяющий определить, является ли данный текст или его фрагмент юмористическим или нет. Соответствующий концептуальный аппарат предложен В.Раскиным (Raskin 1985) и носит название семантической теории юмора, основанной на анализе скриптов (script-based semantic theory of humor). Основными здесь являются две посылки: (1) шутка (или ее часть) соотносима с двумя разными скриптами, или фреймами; (2) эти два скрипта находятся в особого рода оппозитивных отношениях. Оба скрипта и элемент, который отвечает за <переключение> одного скрипта к другому (trigger), выявляются путем формального лингвистического анализа. Приведем пример В.Раскина:

'Is the doctor at home?' the patient asked in his bronchial whisper. 'No,' the doctor's pretty young wife whispered in reply. 'Come right in.' (Raskin 1985:117 - 127).

Здесь имплицитно присутствуют два контекста, которые условно можно назвать <доктор> и <любовник>, <переключатель> - неоднозначное выражение *come right in* и оппозиция <секс> - <не секс>. Наличие нео-

однозначного слова или высказывания, которое обыгрывается в ситуации, является непременным условием определения того или иного текстового фрагмента как содержащего юмор. Отметим, что может обыгрываться также и многозначность иноязычных текстовых фрагментов, как в примере ниже:

He became aware of Biffen's voice knocking at the door of his dreams.

'Can you give an example, Healey?'

'Er, example, sir?'

Yes, of a subjunctive following a superlative.'

'A superlative, you say, sir?'

'Yes.'

'A subjunctive following a superlative?'

'Yes, yes.'

'Um: how about "le gar?on le plus beau que je connaisse"?''

'Er: the finest boy that I know? Yes that meets the case.'

'Finest, sir? I meant the most beautiful.'

Damn, he was supposed to be phasing out the queer pose. Well, at least it got a laugh. (S.Fry)

Психологи, начиная с З.Фрейда (Freud 1960), отмечают значимость контекста в определении того, что мы находим смешным. Одним из существенных параметров юмористической ситуации, по мнению психологов, является то, что она включает смех. Однако не следует полагать, что смех является <пробой>, которая непременно ставится на <серебре юмора>. При определении того или иного текстового фрагмента как содержащего юмор следует опираться на более точные критерии, нежели последующая психологическая реакция реципиента. Если за шуткой не следует ожидаемая реакция - смех, то можно сделать вывод, что реципиент ее не понял или она показалась ему не смешной, как в примере ниже:

"That's all right," said Hugo. "I've got some wine."

Which was about all he seemed to have. He poured out two mugsfuls.

"Very nice," said Adrian, sipping appreciatively. "I wonder how they got the cat sit on the bottle."

"It's cheap, that's the main thing." (S.Fry)

Для того, чтобы показать, что шутка понята - может быть, не сразу -, но не оценена, реципиент может отреагировать коротким ha-ha или междометием типа ah: *"I was telling this lady", said the Shirt, "that I thought the design for The Magic Flute over there was by David Hockney."*

"Certainly so," said the Tweed. 'Hockney seems to me to paint in two styles. Wild and natural or cold and cynical. I seem to remember remarking that there are two kinds of Hockney. Field Hockney and Ice Hockney.'

"Please?"

"It's a joke," explained the Blue Shirt.

"Ah."

(S.Fry)

Может последовать и вербальная реакция, в т.ч. и отрицательная. PAMELA (moving down the stairs to R of Louise on the landing) : D'you know what happened? Last week, Ted - that's her brother - took his daughter to the ballet. She's just eight, and it was a sort of extra birthday present. Well, she watched all these girls going up on their toes - (she demonstrates) and dancing about - and you know what she said at the end? "Daddy, why don't they just get taller girls?"

(PAMELA laughs, realizes LOUISE is not reacting and stops short.) Don't you think that's funny?

LOUISE. Yes, dear, very funny. (She kisses Pamela.) Good night, dear. (P. Shaffer)

В данной статье мы обращаемся к анализу юмористических <вкраплений> в диалогический текст современной англоязычной прозы и драмы. Вербальная или невербальная (эксплицированная в ремарке или авторском комментарии) реакция реципиента является для нас показателем того, что наше эмпирическое определение того или иного фрагмента как содержащего юмор подтверждено еще, как минимум, мнением автора. Однако решающим фактором все же является основанная на теории скриптов семантическая процедура, предложенная В. Раскиным.

Исследование юмора в его коммуникативном контексте позволяет не только определить его существенные характеристики межличностного, социального и т.п. плана (Dmitrenko, Mogofova 1999), но и выявить его текстообразующие черты. Юмор оказывает значительное влияние на организацию текста - в нашем случае диалогического - в целом. Взаимодействие между юмором и текстовой организацией начинается на микроуровне диалогического единства <реплика-стимул - реплика-реакция>. Как отмечает Э. Щеглофф (Schegloff 1987), реципиент практически любого высказывания, в котором имеется многозначность или неясность, может <отшутиться>, сделав вид, что понял высказывание не так, как имел в виду говорящий. При этом, строго говоря, имеет место искажение действительного положения вещей, которое, однако, нельзя по крайней мере, в большинстве случаев - назвать обманом, т.к. интенцией реципиента является произвести комический эффект, а не ввести собеседника в заблуждение. Как правило, после этого шутник возвращается к серьезному тону и отвечает соответствующим образом:

PAMELA. : Oh, dear - I think marriage is a very difficult subject, don't you?

WALTER (a little uncomfortable; humorously). You don't take your exam in it till you're a little older.

PAMELA (pursuing her own thought). I mean, who begins things? Do you see?

WALTER. Please, Pamela :

(P. Shaffer)

В вышеприведенном примере намерением Уолтера было уйти от нежелательной темы, повернуть разговор в другое русло путем переключения со скрипта <брак> на скрипт <школа>, что ему не удалось сделать вследствие настойчивости его маленькой собеседницы. Однако, эта стратегия юмора может быть и успешной, как в нижеследующем примере, где имеет место переключение со скрипта <вера> на скрипт <лень>: (PAMELA enters from her bedroom carrying her dressing-gown, nightdress and slippers.)

Oh, Lord, Sunday night. Breakfast at half past seven for that rotten train. (She goes down the schoolroom stairs.) I think Monday stink. (She runs back up the stairs to the schoolroom.) Is there any religion with its Day of Rest on Mondays?

WALTER. Yes, the religion of Lazy Girls.

PAMELA. Oh, you are brutish!

(P. Shaffer)

В диалогических речевых ходах юмор нередко встречается в приветствиях, прощаниях, заполнении нежелательных пауз и т.д. Так, например, вместо обычного "Hello" говорящий может при соответствующих обстоятельствах использовать юмористическое приветствие типа "Look what the cat drug in" или "We can't go on meeting like this". В английском языке весьма распространена фраза "Speak of the devil, and he will appear", которую произносят при появлении кого-либо, о ком шла речь. Нередко употребляется лишь ее начало "Speaking of the devil"; эта формула является юмористической стратегией вовлечения в разговор только что пришедшего человека.

Существуют аналогичные формулы прощания типа like "See you in the funny papers" и "Don't take any wooden nickels." Н. Норрик называет это явление стратегией "leave-'em- laughing" (Norrick 1993:26). Поэтому в английском языке весьма распространены формулы прощания типа: A: See you. B: Not if I see you first.

A: See you later. B: Yeah, much later.

A: Take it easy. B: Yeah, but take it.

Шутливый тон может характеризовать не только короткие диалогические единства типа <стимул> - <реакция>, но и значительные по протяженности текстовые фрагменты разговора, в котором могут участвовать не только двое, но и целый ряд собеседников:

HANSON. *You remember Scott? A tall, lanky boy who wore glasses and dirty teeth. Won the long jump one year, I believe, by simply falling on his head.*

ARNIE. *Oh, Scott !: Wasn't he the boy :*

HANSON. *Could contain himself no longer during a mathematics lesson and furtively urinated out of an upper window when he presumed no one was looking. (JOAN giggles.)*

MAUREEN. *Now, that's enough.*

ARNIE. *Brought on a case of Thompson's disease. A hitherto unknown medical syndrome characterized by a sudden staring of the eyes, an energetic raising of the arms, and a loud, screaming sound emitted from between the teeth.*

HANSON. *It was first witnessed in an elderly caretaker of the name who happened to be passing beneath the window at the time. (JOAN breaks into laughter; SHEILA giggles.)*

SHEILA. *He was (Attempting to conceal her laughter.) (D. Storey)*

Суммируем вышеизложенное следующим образом. Рассмотрение юмора в контексте его употребления важно не только для более глубокого проникновения в суть рассматриваемого явления, но и для выявления его текстообразующего потенциала. При определении юмористических вкраплений в диалогический текст реакция реципиента (смех) или авторский комментарий являются важным, но недостаточным показателем, т.к. за шуткой может не последовать смеха, а смех, в свою очередь, может быть вызван иными причинами. Тот или иной тестовой фрагмент может быть определен как юмористический лишь при условии наличия в нем многозначного выражения, которое активизирует два различных скрипта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Dmitrenko V.O., Morozova M.V. On the interpersonal dimension of wordplay // Вісник Харківськ. ун-ту, 1999. - №435. - С.22-24.
2. Freud S. Jokes and their relation to the unconscious. - New York: Norton, 1905, 1960.
3. Norrick N. Conversational Joking: Humor in Everyday Talk. - Indiana: IUP, 1993. - 171 p.
4. Raskin V. Semantic mechanisms of humor. - Dordrecht: Reidel, 1985.
5. Schegloff E. Some sources of misunderstanding in talkin-interaction // Linguistics, 1987. - No 25. - P. 201-18.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ НАРОДНОЙ СКАЗКИ В ТЕКСТЕ БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

Нефёдова Е.Д. (Харьков)

Проблема соотношения жанров народной сказки (далее – НС) и литературной сказки (далее – ЛС) – это проблема идентификации двух типов текстов, тесно связанных генетически и интертекстуально, имеющих аналогичное лингвостилистическое оформление, но представляющих различные дискурсы: дискурс фольклора (выделяемый, в частности, И.Р.Гальпериным (2:33)) и дискурс художественной литературы.

Традиционно отношение ЛС – НС определяется иерархически: в справочных изданиях ЛС упоминается в статьях, посвященных НС, и рассматривается как в большей или меньшей степени творческая авторская переработка НС (9, 10, 11, 3, 14, 15). Подобная точка зрения, безусловно, не отражает реальной самостоятельности ЛС как художественного текста. Несмотря на то, что тексты как НС, так и ЛС в общем рассматриваются читателем как «сказочные», они имеют значительные различия на уровне глубинной семантики текста, а также на уровне обусловленного ею лингвостилистического оформления.

Проблема соотношения ЛС – НС рассматривалась многими авторами (обзор подходов к решению данной проблемы см. 4:3-10). Однако, наиболее последовательной при выделении самостоятельности текста ЛС по отношению к НС и определении при этом степени их родства представляется позиция М.Н. Липовецкого (4).

Решая проблему самостоятельности жанра ЛС на примере русской ЛС, М.Н.Липовецкий опирается на концепцию М.М. Бахтина, предложившего понятие «память жанра» (1:178-179). М.Н.Липовецкий рассматривает ЛС как произведение художественной литературы, где представлено взаимодействие основных миромоделирующих семантических категорий «памяти жанра» волшебной НС (жанровая ситуация волшебной сказки, артистическая субъективная повествовательная структура, общая игровая атмосфера произведения) и их факультативных носителей (осколки лингвостилистического оформления), унаследованных ЛС у НС. В ЛС данные семантические категории и их языковые носители подвергаются авторскому переосмыслению, что способствует формированию ЛС даже на основе несказочного образного материала (4:159-160).

Решение проблемы соотношения ЛС и НС является ключевым также при выделении типологических элементов лингвостилистического оформления британской литературной сказки (далее – БЛС), поскольку БЛС, как и ЛС вообще, прочно ассоциируется с НС.

Принимая предложенное М.Н. Липовецким определение ЛС, рассмотрим реализацию выделенных им категорий «памяти жанра», унаследованных ЛС у НС, в тексте БЛС. Наиболее наглядно родство БЛС и британской народной сказки (далее – БНС), общность и различия функционирования семантических категорий «памяти жанра», проявляется на уровне их языковых носителей: осколков поэтики БНС – своеобразной «геральдики» сказки, маркеров сказочного текста, являющихся неотъемлемой частью лингвостилистического оформления БЛС.

Среди лингвостилистических маркеров сказочной текстуальности в БЛС можно выделить: 1) формулы сказки как языковые носители неопределенного фантастического хронотопа; 2) говорящие имена собственные персонажей как языковые носители их моноаксиологичности; 3) синтаксические повторы как средство иерархизации персонажей и их действий; 4) особый авторский тип субъектной организации повествования, способствующий выделению двух временных планов: плана читателя / повествователя и плана сказочных событий. При этом только формулы сказки являются абсолютным показателем жанровой принадлежности текста, остальные элементы лингвостилистического оформления, унаследованные БЛС у БНС, должны действовать в комплексе, чтобы текст воспринимался как потенциально сказочный.

По степени и способу представленности данных «геральдических» маркеров сказочности можно выделить два типа БЛС: 1. БЛС, ориентированные на БНС, и унаследовавшие у БНС лингвостилистическое оформление в его фольклорном виде (БЛС этого типа чрезвычайно близки к некоторому фольклорному прототипу по своему лингвостилистическому оформлению и / или семантике); 2. БЛС, авторы которых значительно переработали наследие «памяти жанра», поиграли с формой и содержанием сказки.

Реализация выделенных лингвостилистических маркеров сказочной текстуальности в БЛС первого типа аналогична их реализации в БНС:

1. В формулах сказки (языковых носителях неопределенного фантастического хронотопа) в волшебной БЛС время действия традиционно указано как неопределенное прошлое, локализация действия отсутствует; имеются традиционные для БНС элементы рифмовки;

Пример 1: *Once upon a time, when pigs was swine, there was a King and a Queen, and they had one son, Billy, [...]* (S. MacManus "Billy Beg and the Bull" p. 64);

2. Говорящие имена собственные персонажей выступают как языковой носитель их моноаксиологичности, традиционной для волшебной БНС. Так, в сказке Ф. Браун "The Story of Merrywind" имя главного героя – Merrywind (Весельчак) – определяет его роль протагониста в развитии сюжета.

3. Синтаксические повторы как средство иерархизации персонажей и действий, столь свойственные БНС, что можно выделить особый подтип БНС – кумулятивные сказки, основанные на повторах однородных действий персонажей, можно встретить и в БЛС, стилизованных под БНС. Например, кумулятивная сказка Дж. Джекобса "The Hobyahs" целиком построена на синтаксических повторах, отражающих шестикратные однородные действия персонажей: наказание непослушной собаки, лающей каждую ночь, когда приходят чудовища, которой ее хозяева поочередно отрезают лапы, хвост и голову. При этом повторяющиеся однородные действия характеризуют выполняющих их двух персонажей (старика и старуху) как персонажей одного плана, устанавливая между ними отношения эквонимии. Главный персонаж (девочка) не участвует в выполнении однородных действий, что выделяет ее среди прочих персонажей сказки. (См. также Н.М. Матафонова «Описание английской народной сказки на основе принципа сцепления» (7)).

4. При особом типе субъектной организации повествования, способствующей выделению двух временных планов: плана читателя / повествователя и плана сказочных событий, связующим звеном этих планов в НС является повествователь, побывавший на сказочном свадебном пиру и вернувшийся из плана повествования в план читателя, чтобы рассказать ему сказку. Данная двуплановая субъектная организация с повествователем в роли связующего звена в БЛС находит свое отражение, в частности, в финальных формулах сказки. Так, в БЛС первого типа встречается полная финальная формула волшебной БНС, которая состоит из следующих семантических компонентов: обретение персонажами богатства (R), их свадьба (M), их счастливая жизнь (Y), с тех пор (T₃), описание сказочного пира (X), присутствие сказочника-повествователя на этом пиру и получение им там нелепых подарков (C) и его возвращение с пира (из плана повествования) домой (в план повествователя) (D). (О структурном анализе формул сказки см. Н. Ропияну «Традиционные формулы сказки» (13)).

Пример 2: [...] and when the king had him dressed up in a silk and satin suit, with plenty of gold and silver ornaments (R) everybody gave in that his like they never saw afore. He was then married to the king's daughter (M), and the wedding lasted nine days, nine hours, nine minutes, nine half minutes.

and nine quarter minutes (X), and they lived happy and well (Y) from that day to this (T). I got brogues of brocham and breeches of glass, a bit of a pie for telling a lie (C), and then I came slithering home (D). (S. MacManus "Billy Beg and the Bull" p. 78).

Проведенный анализ показывает, что между БЛС первого типа и БНС существует интертекстуальная связь, имеющая своими маркерами канонизированные «осколки» сказочной поэтики – геральдику БНС, ориентирующую читателя на некий сказочный текст-прототип – в терминах Ю.М. Лотмана «текст-код» (6:432), – общий для БЛС первого типа и БНС. При чтении БЛС первого типа лингвостилистическое оформление текста и его содержательный план настолько близки тексту БНС, что читатель воспринимает такую БЛС просто как текст сказки, не задумываясь при этом над его авторским / традиционным характером.

Однако, несмотря на ориентацию определенной части БЛС на БНС, в целом, БЛС – это авторское художественное произведение, далеко отстоящее от традиций БНС. Поэтому представляется возможным рассмотреть второй тип БЛС, особенностью которого является переосмысление категорий «памяти жанра».

На уровне вышеперечисленных лингвостилистических маркеров данная ревизия традиционного материала проявляется в следующем:

1. В БЛС отмечаемое Е. Нееловым подчинение сказочной фантастики авторской воле (8:21), и отрыв ее от исторически обусловленных корней (см. В.Я. Пропп «Исторические корни волшебной сказки» (12)) приводит к исчезновению формульных зачинов и концовок (см. сказку М.Нортон "Are All the Giants Dead?") или к появлению компонента четкого указания времени и места действия в инициальных формулах (например, в сказке У. Деламаара "The Three Sleeping Boys of Warwickshire"), что противоречит неопределенности фантастического хронотопа БНС.

2. Авторское переосмысление категорий «памяти жанра» БНС в БЛС второго типа также отражается на использовании традиционных говорящих имен персонажей. Если в БНС говорящее имя персонажа определяет его моноаксиологичность и отсутствие у него морального выбора, то в БЛС второго типа центральная проблема – выбор персонажа между добром и злом, что определяет психологизм в раскрытии его характера (8:66-68, 71) и зачастую приводит к тому, что говорящее имя перестает быть значимым на уровне дискурса, оно остается лишь интертекстуальной отсылкой к известному фрейму БНС. Таково, например, говорящее имя *the Giant* (Великан) в сказке О. Уайльда "The Selfish Giant", где оно не акцентирует внимание читателя на росте персонажа и утрачивает свою характеризующую функцию, становясь исключительно номинативной единицей.

3. Повторы в БЛС второго типа немногочисленны, тоекратные синтаксические повторы редуцируются (исчезает последний, третий компонент: Р. Киплинг "The Cat Who Walked By Himself") или вообще отсутствуют. Текст теряет кумулятивность и тавтологичность, повторы также остаются лишь маркером фрейма НС в БЛС-стилизациях.

4. В связи с разрушением сказочной "геральдики" в БЛС второго типа, субъектная организация в них приобретает решающее значение, при этом зачастую ремарки автора компенсируют отсутствие традиционных элементов лингвостилистического оформления. Однако данное разрушение отражается и на самой субъектной организации БЛС. Так, традиционная финальная формула сказки (пример 2), одной из функций которой является связь плана повествования с планом читателя, утрачивает в большинстве БЛС второго типа компонент описания сказочного пиршества как слишком предсказуемый для счастливого конца БЛС. С утратой этого компонента распадается вся традиционная финальная формула: упоминание о сказочном свадебном пире исключает место, где повествователь мог войти в план повествования. Следовательно, в БЛС планы повествования и повествователя разорваны окончательно, что чрезвычайно сильно влияет на субъектную организацию БЛС: автор-повествователь является современником читателя и вместе с ним наблюдает события неопределенного сказочного прошлого, иногда иронизируя над традиционной предсказуемостью счастливого конца сказки:

Пример 3: "And of course Tom married Ellie!"

My dear child, what a silly notion! Don't you know that no one marries in a fairy tale, under the rank of a prince or a princess? (Ch. Kingsley "The Water Babies" p. 254)

Таким образом, можно сделать вывод о том, что БЛС второго типа, представляющая собой собственно ЛС, не является простой авторской переработкой текста БНС; это самостоятельный художественный текст, имеющий гораздо более сложные интертекстуальные отношения с БНС, чем прямая цитация, маркерами которых являются элементы лингвостилистического оформления БЛС. Процесс восприятия БЛС второго типа — это постоянная ревизия привычного фрейма НС, что способствует, тем не менее, его активации. Как замечает Дж. Стивенс, «пересказ может намеренно опираться на некоторое общее представление формы и содержания «оригинального» текста, и иметь в виду, что аудитория будет сопоставлять их. В данном случае [...] смысл/значение повествования будет находиться не в тексте пересказа, находящегося в центре внимания, а в процессе взаимодействия текста пересказа и текста «оригинала». Т.е. эффект будет интертекстуальным, в наиболее полном смысле этого слова» (16:87-88 пер. — Е.Н.). Такому восприятию и способствуют унаследован-

ные у БНС и персосоисмысленные в БЛС элементы лингвостилистического оформления сказочного текста. При этом не следует забывать, что БЛС также интертекстуально связана с текстами других жанров. Как отмечает М.Н. Липовецкий, «В целом художественные миры ЛС всегда формируются в результате взаимодействия волшебнo-сказочной жанровой «памяти» с моделями мира, свойственным «новым» жанрам [...] а также с метажанровыми конструктивными принципами различных литературных направлений. В результате подобного диалогического взаимодействия сказочная ценностная семантика либо осмысливается в качестве метафоры новых жизненных явлений (сказки [...] Уайльда [...]) и вся традиция «сказки жизни» [...]), либо углубляется и уточняется другими системами ценностей ([...] сказки Кэрролла [...]) [...]» (4: 160). При такой форме интертекстуальной связи текстов БЛС второго типа (собственно БЛС) и БНС, БЛС может также принимать «форму пародии или карикатуры предшествующего текста [БНС – Е.Н.], и ее цель зачастую видится как жест иконоборчества, попытка ниспровергнуть то, что считается доминирующим дискурсом» (16:116). Данный процесс находит свое отражение прежде всего в структуре и функционировании элементов лингвостилистического оформления БНС в тексте БЛС, являющихся маркерами интертекстуальной связи этих текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Худож. лит., 1972. – 470 с.
2. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. Учебник. – 3-е изд. – М.: Высш.Школа, 1981. – 334 с.
3. Лесін В.М., Пулинець О.С. Словник літературознавчих термінів. – Вид. 3-е, перероб. і доп. – Київ, 1971. – С.177-178.
4. Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920-1980). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 183 с.
5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
6. Лотман Ю.М. Текст у тексті. // Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. – Львів: Літопис, 1996. – С.430-441.
7. Матафонова Н.М. Описание английской народной сказки на основе принципа сцепления. // Язык и стиль художественного текста: сборник научных работ. – Ленинград: Изд-во Ленинградского гос. пед. ин-та, 1977. – С.62-72.
8. Неелов Е.М. Сказка. Фантастика. Современность. Петрозаводск: Карелия, 1987. – 126 с.
9. Померанцева Э.В. Сказка. // Большая Советская Энциклопедия. – т. 39. – 2-е изд. – М., 1956. – С.198-200.
10. Померанцева Э.В. Сказка. // Краткая литературная энциклопедия. – т.6. – М., 1971. – С.880-882.
11. Померанцева Э.В. Сказка. // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. – М., 1987. – С.383.
12. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Ленинград: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1986. – 365 с.
13. Рошяну Н. Традиционные формулы сказки. – М.: Наука, 1974. – 216 с.
14. Шолом Ф.Я. Казка // Українська Радянська Енциклопедія. – т. 4. – вид. 2-е, Київ., 1979. – С.374-375.
15. Сказка. Энциклопедический словарь юного литературоведа / сост. В.И. Новиков. – М., 1988. – С.298-304.
16. Stephens John Language and Ideology in Children's Fiction. London and New York: Longman., 1992. – 308 p.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Browne Francis The Story of Merry mind. // Английская литературная сказка. – На англ. яз. – М.: Прогресс, 1975. – С. 32-43.
2. De La Mare Walter. The Three Sleeping Boys of Warwickshire // Английская литературная сказка. – На англ. яз. – М.: Прогресс, 1975. – С. 154-174.
3. Jacobs Joseph. The Hobyahs // Giants and Witches and a Dragon or Two / selected by Phyllis R. Fenner. New York: Alfred A. Knopf, 1965. – 174-177.
4. Kingsley Charles. The Water-Babies: a fairy tale for a land-baby. London: Blackie and Son Limited. – 257 p.
5. Kipling Rudyard. The Cat That Walked By Himself // Киплинг Р. Вот так сказки. – На англ. яз. – М.: Прогресс, 1974. – С. 179-200.
6. MacManus Seumas. Billy Beg and the Bull. // Giants and Witches and a Dragon or Two / selected by Phyllis R. Fenner. New York: Alfred A. Knopf, 1965. – 64-78.
7. Norton Mary. Are All the Giants Dead? New York and London: Harcourt Brace Jovanovich, 1975. – 123 p.
8. Wilde Oscar. The Selfish Giant // Уайльд О. Сказки. – На англ. яз. – М.: Прогресс, 1979. – С. 47-52.

ПРЕДМЕТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ И РЕЛЯЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА СЛОВ-ТЕРМИНОВ

Николук С.И. (Киев)

Вопрос о том, каким образом слова приобретают значения, как они усваиваются людьми в процессе коммуникации, всегда будет в поле зрения лингвистики. Развитие метафоры в сторону фиксации смысла, выполняющего характеризующую функцию, предопределяет её тяготение к позиции предиката, т.к. даёт сущностную характеристику объекта (2: 31).

Метафоризация в языке науки – это семантический процесс выбора наименования на основе предметного, признакового или функционального сходства двух гетерогенных объектов. И это общепринятый факт, ибо слово обладает способностью быть приложимым в силу своего значения к разным объектам-элементам действительности на основе той информации о них, которая содержится в этом значении (3: 104).

Основой всего номинативно-ономасиологического построения является само обозначаемое. Нельзя не согласиться с мнением В.Н. Телии и других лингвистов, что языковое сознание чётко разводит две внеязыковые сферы: предметно-ориентированную и реляционно-аналитическую.

В первую входят предметы как таковые, т.е. ощутимые органами чувств реалии, воспринимаемые в пространственном измерении, характеризующие, по выражению Ю.Д. Апресяна, “наивную физику” мира.

Вторая сфера объединяет непосредственно не данные в ощущениях не наблюдаемые свойства, процессы, состояния, факты и отвлечённые понятия разного рода (3:162).

По мнению специалистов, с логико-гносеологической точки зрения различия между этими двумя сферами имеют относительный характер, т.к. любое оязыковление действительности является операцией со свойствами, отвлечёнными от объекта, который существует как целостный и тем самым оперирование его временными, а не пространственно - ориентированными признаками.

Рассмотрение семантики слов-терминов в их отнесённости с действительностью предполагает описание тех свойств значения этого типа, которые сопряжены с классификационно-отражательной деятельностью сознания, направленной на создание новых единиц номинативного инвентаря языка.

Совершенно очевидно, что слова-термины, обозначающие элементы предметного ряда, существуют в языке в силу необходимости создания имён для творимых человеком вещей-артефактов или же для более тщательно дифференцируемых в процессах познания "естественных родов" (3:137).

Всё более тесное взаимодействие, связывающее одно отдельное восприятие с другим не означает их слияния. Э. Кассирер считает, что отдельный экземпляр определённого вида сохраняется; в этом взаимодействии сам вид "охватывается всё более высоким родом": но это вместе означает, что вид и род остаются отделёнными друг от друга и не совпадают (2: 36).

При этом именно связанность одного из компонентов и его семантическая уникальность обеспечивают при сохранении расчленённого гносеологического слежка с обозначаемого целостность номинативной функции составных названий.

При родо-видовом членении объекта определяемое задано родом, а определяющее видом, как в сочетании типа "*mageres Gemisch*" "тощая смесь", где новое обозначаемое – это сорт (вид) смеси, или *Kühlmantel* – "охлаждающая рубашка". Здесь новое обозначаемое – вид рубашки.

Ср. "*fetter Ton*" – "разбухающая глина"

"*schlaffes Seil*" – "вялый канат"

"*der Blindflansch*" – "глухой фланец"

Здесь *No* – имя существительное с предметным значением, а *Nk* – имя прилагательное.¹

¹ Образец заимствован у В.Н. Телии.

Номинативные контексты, обозначающие предметно-ориентированные признаки опорных наименований, можно представить в виде ономаσιологической структуры.

No attr Nk, где No- признаковый член, Nk – базовый, а стрелка указывает на категориальный смысл структуры – на отношение атрибутивного типа.

Частичное членение действительности представляется нам, более продуктивным в сфере изучаемой терминологии.

Ср. “козёл вышки” *Bohrturmgalgen* (m)
 “кожух часов” (глубинного манометра) *Uhrengehäuse* (n)
 “язык обводнения” *Wasserzunge* (f), *Wasserfinger* (m)
 “гирлянда кумулятивных зарядов” *Girlande von Jetladungen*
 “насосная камера” *Pumpenhaus* (n), *Pumpenboos* (f)
 “колодец вертлюжный” *Rattenloch* (n), *Kellyloch* (n)

Составные названия, использующие для обозначения постоянного признака объекта связанные значения слов, представляют собой прозрачные по технике обозначения и знаковой репрезентации элементы предметного ряда средства наименования.

При этом именно связанность одного из компонентов и его семантическая уникальность обеспечивают целостность обозначаемого номинативной функции составных названий при сохранении расчленённого гносеологического слепка с обозначаемого.

Известно, что за счёт косвенной номинации осуществляется также обозначение качественных признаков в форме прилагательных, которые имеют оценочный характер: квантитативный и квалитативный. Среди таких языковых единиц нами обнаружены следующие прилагательные: *blank, nackt, blind, heiss, kalt, arm, schwach, reich, stark, tot, trocken, wild* и др.

Примеры: *blinde Probe* – “слепая проба”, *Wilde-Bohrung* – “скважина, пробуренная наугад”, *totpumpen* – “намертво” качать нефть, *“armes”, “schwaches”, “mageres”, “Gas”, d. h. mit armem Heizwert* – “тощий газ”, *nackter –Rohrschuh* (d.h., *nicht einzementierter*) – “оголённый якорный башмак”, *toter Mann* – “мертвяк”, якорь для крепления оттяжки вышки.

В изучаемой специальной лексике часто употребляются прилагательные в сравнительной и превосходной степенях: Например: *tiefe Bohrung, übertiefe, extremtiefe* т.д.

Таким образом, косвенно-производные значения слов – это продукт языковой деятельности, отображающий способность человека мыслить мир косвенно, опираясь на контакты предметной и не предметной действительности и на ассоциативный характер мышления.

Метафоризация и начинается именно с самого грамматического опредмечивания семантических предикатов, функционирующих в данной области. Учитывая противопоставление абсолютных и реляционных

свойств языковых единиц, о которых ещё в 60 г.г. писал Т.П. Ломтев (1:124) можно констатировать, что свойства лингвистических единиц распадаются на два класса. Одни свойства не зависят от той системы отношений, которая является объектом исследования, они имеют абсолютный характер в данной системе отношений и могут существовать вне её. Другие свойства зависят от той системы отношений, которая является объектом исследований, эти свойства лингвистических единиц проявляются только в данной системе отношений и они имеют реляционный характер в зависимости от их места в системе и не могут существовать вне её.

В рамках реляционного способа семантической структуризации кроме значений с реляционно-дескриптивным типом организации смыслового содержания, создаваемых для обозначения "вторичных сущностей", формируются значения, организованные по реляционно-аналитическому типу, создаваемых для обозначаемых, принадлежащих к сфере ненаблюдаемой действительности: наименования самих этих объектов, их свойств, состояний, процессов.

Реляционно-аналитический тип значения присущ косвенным наименования, входящим не только в состав глагольных перифраз, обозначающих динамический признак ключевого для них слова, но и в именные перифразы, где существительные, представленные словом в его связанном значении несут информацию, как правило, о носителе признака, сам же признак обозначен ключевым словом.

Номинативные контексты, в которых формируются связанные значения глаголов, обозначающих динамические признаки опорных наименований, часто встречаются в сфере специальной лексики.

Наиболее характерным является номинативный контекст *No vbl Nk*, где *No* - опредмеченное имя со значением, отображающим отвлечённое понятие, *Nk* - глагол, символ *vbl* обозначает динамически признаковый член отношения.

Например: "Ловильная вилка"

Abfangsgabel (f)

Abfangsschere (f)

"центрирующий фонарь"

Zentrierkorb (m)

"измерительный прибор"

Schreibtrommel

Нами выявлены синонимические ряды:

1. der Schlagbär (schlagen)

der Rammbar (rammen)

die Fallbombe (fallen)

der Rammbock (rammen)

2. "вертлюг"
der Drehkopf (drehen)
"der Spülkopf" (spülen)

3. "гидроударник"
"Bohrwidder" (m) bohren
"Schlagvibrabor" (m) schlagen
"Tauchhammer" (m) tauchen

Глаголы *schlagen, rammen, fallen, bohren, tauchen* и т.д., выступая как вторичные семантические предикаты, образуют разветвлённую перифрастическую парадигму при определённых семантически ключевых для них словах.

Будучи синсемантичными по способу указания на мир и обладая аналитическим типом значения, такие глаголы не только заполняют пробелы в событийной и отвлечённой лексике, но и обогащают язык способами выражения тонких смысловых дифференциаций и оценок за счёт совмещения в их семантике двух смысловых слоёв - лексико-грамматического и коннотативного (3:189).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломтев Т.П. Общее русское языкознание - М.: Просвещение, 1976.
2. Теория метафоры. - М.: Прогресс, 1990.
3. Телия В.Н. Типы языковых значений: связанное значение слова в языке. - М.: Наука, 1981.
4. Чабаненко В.А. Основы мовної експресії. - К.: Вища школа, 1994.
5. Русско-немецкий и немецко-русский словарь по нефти и газу. Под ред. С.Л. Гершман. - М.: Русский язык, 1981.

ВЗАЄМОДІЯ ТА ВЗАЄМООБУМОВЛЕНІСТЬ ЛОГІЧНОЇ ТА МОВНОЇ КАТЕГОРІЇ КІЛЬКОСТІ (до проблеми еволюції нумеративів)

Новікова О.М., канд. філол. наук (Київ)

Відомо, що будь-який предмет об'єктивного світу, який існує незалежно від нашої свідомості, має кількісні характеристики, які завжди знаходяться в діалектичному зв'язку з якістю. Цей зв'язок виступає, зокрема, як закон переходу кількісних змін у якісні і навпаки.

Кількість та якість - категорії філософії, які відображають найважливіші сторони об'єктивної дійсності. Якісна визначеність предметів і явищ є те, що робить їх стійкими, що розмежовує їх і створює нескінченну різно-

манітність світу. Поряд з якісною визначеністю всі предмети мають також кількісну визначеність, тобто конкретну величину, число, об'єм, темп протікання процесів тощо. Отже, кількість "... есть такая определенность вещи, благодаря которой (реально или мысленно) ее можно разделить на однородные части и собрать эти части воедино" (6: 46).

Пізнання числа зіграло велику роль у практичній діяльності людей, оскільки "без числа немыслима не только любая наука, но и любое знание, любое отношение к жизни" (4: 150).

Результати наукових досліджень свідчать про те, що поняття числа виникло в давній період із лічби окремих предметів. Система лічби у багатьох народів була пов'язана з використанням частин тіла: пальців рук, тулуба, ліктя, про що свідчать елементи десятичної, п'ятирічної та вигезимальної (двадцятирічної) системи числення. Первісна конкретизація при ліченні простежується в практиці деяких народів і зараз. Так, малайці рахують тварин і птахів по хвостам (5 хвостів коней = 5 коней) (5: 13).

Перша оцінка однорідних предметів об'єктивного світу не дала людині нічого, крім невиразного поняття про множину. Уявлення про одиницю, протилежне цьому поняттю, дається самою людиною. Людина – "одна", всі інші складають множину. Пізніше, завдяки розрізненню "я" і "ти" було створено поняття двоєни. Протилежне "двом" є множина "три". При подальшій еволюції лічення число "три" залишилось основним числом та одиницею числення, подібно сучасному числу "десять". Для позначення більш як однієї такої загальнозрозумілої групи людина зверталася за допомогою до рук та ніг. Найвища одиниця, яку людина могла висловити словами або рухами, то було число "дванадцять". Воно являє собою число основних частин тіла, на які розсікалась тварина під час обряду лікування людини в хетській та анатолійській традиціях. Цьому відповідає також "дванадцять врат душі" в давньоірландських текстах та дванадцять міфологічних втілень хвороб в слов'янських традиціях. У Давній Греції число "12" було в ранній період основним, яке визначало число богів, число підрозділів, часу тощо. Подібне сакральне значення числа "12" було пов'язано, очевидно, уже в індоєвропейську епоху з розподілом року на 12 місяців, що відповідає цілому ряду архаїчних індоєвропейських традицій (індо-іранській, грецькій) (1).

Зазначену чисельну групу можна виявити у деяких народів як найвищу одиницю, яка пізніше стала основою всієї системи лічення. У інших народів вона утримувалась в системі мір, зокрема в дюймовій системі мір довжини, в монетній системі та в системі рахування дюжинами. Оскільки число "12" складено з найменших груп, які означають декілька предметів (дві руки, дві ноги, число три), то ця одиниця числення має перевагу більшої подільності перед одиницями тієї системи, в основу якої по-

кладено п'ять пальців в поєднанні з числом "два". Можна припустити, що назва чисел вище трьох запозичена від назви руки. На мові таманаків вираз "вся рука" означає і зараз "п'ять". Абіпони в Південній Америці використовують для назви числа "чотири" вираз "страусова лапа", оскільки вона має відповідну кількість пальців. Такий зв'язок зберігся і в слов'янських мовах. Числівник "п'ять" і слова "п'ята", "п'ясть" стимологічно споріднені. Характерно, що в слов'янських мовах спостерігається відмінність у використанні числівників нижче і вище п'яти. Починаючи з п'яти, слов'яни мають справу лише з одиницею міри, в протилежність якій назву множини вони використовують у родовому відмінку множини, тоді як після числівників менше п'яти вони становлять одинину, розглядаючи предмети рахування як окремі індивідууми (три вершники, п'ятеро вершників). Процес створення числа зберігся в римських цифрах в усій Західній Європі до початку XVI ст. (2: 163).

Цікаві матеріали для дослідження цього явища можна знайти також в мовах менше розвинених народів. Зулуси використовують для називання "шість" слово, яке має значення "взяти великий палець", "сім" — форму дієслова "вказувати". Останнє підкреслює те, що число включає, крім всіх пальців однієї руки, ще і великий та вказівний пальці іншої руки. Подібний спосіб числення має місце і у таманаків, які використовують для позначення числівника "шість" вираз "один палець другої руки", а вираз "обидві руки" означає "десять", "один палець ноги" — "одинадцять", "вся нога" — "п'ятнадцять", "один палець другої ноги" — "шістнадцять", "вся людина" — "двадцять". А сенегальці і зараз рахують "п'ять і один", "п'ять і два" і т.д. (порівн. тринадцять, чотирнадцять, двадцять один, двадцять два і т.д.).

Необхідно зазначити, що уже в архаїчній індоєвропейській традиції деякі числа набувають особливого символічного змісту. До них належать в першу чергу "2", "3", "4", а також "7" та "12". Давня числова символіка відображена в багатьох давніх індоєвропейських традиціях. Число "3" має сакральне значення в уявленні давніх індоєвропейців і дуже часто визначає кількість основних ритуально-міфологічних одиниць (три головних бога пантеона, три богатири в епосі східних слов'ян тощо). Особлива значущість числа "три" в міфологічних уявленнях давніх європейців відображена також і в трійчності індоєвропейської моделі світу, і відповідно в розчленуванні "Світового дерева" на три частини "Верхній Світ", "Середній Світ", "Нижній Світ", з якими співвідноситься все живе, розподілене по цим трьом світам. Символіка "чотирьох" виявляється, головним чином, в структурі ритуалу, визначаючи його побудову та просторово-часові характеристики. В Давній Індії та Римі існували два види вівтарів, а пізніше — храмів: чотирьокутні, орієнтовані на чотири сторони світу, вважалися вівтарями або храмами Неба, а круглі — храмами Землі.

Давня індоєвропейська символіка числа "сім" знайшла своє втілення особливо чітко в міфології і ритуалах; "сім" є число, яке визначає особливу групу божеств або міфологічних персонажів. Вчені припускають, що сакральне значення даного числа базується на виділенні семиденного тижня як календарної одиниці. В авестійському календарі перші сім днів місяця, з яких складається тиждень, називаються іменами семи богів. Цю числову символіку можна виявити в багатьох індоєвропейських мовах: семь пядей во лбу, с три короба, быть на седьмом небе; сім п'ятиць на тиждень, три чисниці до смерті, три мішки гречаної вовни; ein Buch mit sieben Siegeln, ein Gesicht wie drei Tage Regenwetter.

Людина в самій собі та в своїх діях знайшла первісну міру для всього оточуючого її. Спочатку для визначення відстаней та величин кожний вибирав ті порівняння, які здавались йому найбільш відповідними. Як допоміжний засіб людина використовувала своє тіло – серед мір довжини і ширини відомі ширина великого пальця (дюйм), ширина долоні, суглоб пальця ніготь. Найбільшою з таких мір є довжина тіла людини, яка приблизно вимірюється відстанню між кінцями двох розведених у протилежні сторони рук. Малі відстані на земній поверхні вимірювались "кроками" або довжиною стопи (фут), великі – "привалами" та "днями шляху". Римляни використовували ще одиницю міри, яка дорівнює тисячі подвійних кроків; звідти і запозичене слово "миля".

Чим далі у глибину стоїть, тим різноманітнішими стають визначення міри. Із такої необмеженої різноманітності, шляхом все більше звужуючого вибору, створилися одиниці, які застосовуються і зараз у різних країнах світу.

В процесі еволюції наочність та предметна визначеність поступилися абстрактному уявленню про число, оскільки "...в целях адекватного отображения действительности человеческое мышление на каких-то этапах должно абстрагироваться от всей сложности познаваемых объектов, рассматривать их только в некоторых свойствах, непрерывные процессы и явления рассматривать как дискретные..." (3: 11).

Еволюція числа як і міри демонструє діалектику процесу пізнання в плані руху від конкретного, зокрема, від конкретно-чуттєвого до абстрактного, а від нього до уявно (мисленнево-)конкретного.

В сучасній науці про мову підкреслюється, що для вивчення взаємозв'язку мислення та мови особливо важливо диференціювати широкі та вузьке розуміння логіки. Це необхідно, передусім, для вирішення проблеми співвідношення логічних та мовних категорій. Характерно, що предметом розгляду і в логіці, і в мовознавстві є такі проблеми, як співвідношення поняття і слова, судження і речення. Інші проблеми, зокрема, проблеми поняття, судження, висновку як логічної форми мислення і мовних форм її виразу, а також проблема взаємозв'язку та взаємообумовленості логічної та

мовної категорії кількості в значно меншій мірі викликали зацікавленість дослідників. Якщо врахувати, що кількість не є єдиним, нерозчленованим поняттям, а включає декілька субкатегорій, відмінність яких не може не проявитися в мовних засобах виразу, то вивчення цих засобів являє собою значний теоретичний і особливо практичний інтерес.

Якою б абстрактною не здавалась на певному етапі розвитку мови категорія кількості, вона в основі своїй, в своїх витоках, прагматична. Вищезазначений аналіз лінгвістичного матеріалу демонструє, що в різних засобах виразу цієї категорії "прихована" прагматична інформація, до речі, дуже образна і яскрава. В процесі пізнавальної діяльності людина закріплює за словом гносеологічну інформацію. Але не слід забувати про те, що гносеологічний розумовий образ формується в процесі відображення дійсності суб'єктом. Отже, його вплив на зміст слова неминучий. Експлікація внутрішньої форми одиниць лічби в різних мовах підтверджує, що в семантиці цих одиниць людина часто відображає своє бачення світу або, використовуючи для лічби частини свого тіла, начебто закріплює в слові своє "я". "Закрепляя за языковыми единицами информацию о результатах познания, человек закрепляет ее для себя, т.е. преломляет получаемые знания через призму своих потребностей, целей, интересов" (7: 14). Всі ці аспекти, які виражені тим або іншим способом в значенні слів, складають прагматичний вимір лексичної семантики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.И. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси, 1984. – 855 с.
2. Липерт К. История культуры. – СПб., 1902. – 332 с.
3. Панфилов В.З. Язык, мышление, культура // Вопросы языкознания. – 1975. – № 1. – С. 11.
4. Реформатский А.А. Число и грамматика. – М., 1960. – 186 с.
5. Швачко С.А. Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках. – К., 1981. – 93 с.
6. Философский словарь. – М., 1987. – 194 с.
7. Язык и идеология. – К., 1981. – 141 с.

ПЕДАГОГІЧНІ ОСНОВИ СПІЛКУВАННЯ

Пасинок В.Г., канд. пед. наук (Харків)

Як би ми не намагались доводити, що в процесі комунікативних стосунків величезне значення має міміка, пантоміміка, жести та будь-які інші показники ставлення співрозмовників один до одного та до тих питань і проблем, що обговорюються, все-таки провідну місію тут виконує слово, голос мовця. Співрозмовник завжди має в запасі аргумент на користь своєї позиції. І навіть голос, його тембр, темп, динаміка звучання у таких ви-

падках не мають вирішального значення. І тільки слово, лексичний його сенс, а слідом за ним і “живе” його звучання мають право на вирішальне значення. Саме тому ми схилиємось до позиції А. Й. Капської щодо “педагогіки живого слова” [5]. Справедливо відмічаються все нові і нові підтвердження вирішального значення індивідуально – особистісного формування вихованця як унікального та неповторного створіння, автори дають цьому безліч переконливих доказів. Разом з тим залишаються не визначеними не тільки роль, значення і місце самореалізації і саморегуляції шляхом мовленнєвої і комунікативної діяльності, але й педагогічні аспекти, соціально-педагогічні та методичні умови формування таких умов.

Користуючись тлумаченням сутності спілкування як інтегративного явища [9] та визначенням його трьох основних компонентів [6, с. 66 – 67], ми дійшли висновку, що провідним елементом спілкування є слово (його лексичне значення), в якому втілюється інтелектуальний рівень мовця, образне вираження свого ставлення до теми розмови, оцінювання ситуації.

Протягом десятиліття ми спостерігали досвід позитивного та негативного спілкування, вивчали психолого-соціологічну його сутність, щоб визначити можливі педагогічні умови поліпшення та вдосконалення процесу спілкування. Виходячи з позиції відомого в світі мікробіолога І. І. Мечнікова [7] та педагогічних пошуків психіатра В. Франкла сенсу життя особи [10], філософа М. О. Бердяєва [4], педагога Л. С. Нечепоренко [8] та її вихованця В. І. Ананьєва [1], ми експериментальним шляхом дійшли висновку, що основним завданням навчання і освіти є виховання особи, здатної до саморегуляції та самовираження засобами слова, мови, мовлення.

В нашому дослідженні ми виходили з того, що для пошуків оптимальних шляхів саморегуляції і самореалізації найкраще спиратись на ті основи, які є найпростішими, найдоступнішими, універсальними та такими, що ними може скористатися кожна людина, якщо захоче. Такими найпростішими умовами є педагогічні (бо кожен навчається, одержує загальну освіту, професію), а засобами впливу є мовленнєві: слово, його звучання, темп і тембр мовлення, стиль і тон вираження і т. п. Мова йде про те, що особа, спираючись на конкретні ідеї, інформацію може сама, власноруч формувати свій шлях до успіху, до щастя. А допомагає їй обирати та долати цей шлях вихователь. Таким чином саме педагогіка покликана визначити провідні засади формування основ оптимального варіанту спілкування, головним елементом якого є слово, мова, мовлення.

Ми визначаємо такі основні засади спілкування, спираючись на які, можна оволодіти необхідними вміннями.

1. Опанування лексичним багатством мови та численними словосполученнями, фразеологічними зворотами, ідіоматичними виразами. Засвоєння його має на меті адекватне використання, вибір форми, способу

вираження тією мовою, яка обирається для спілкування, з'ясування питань, визначення настрою, необхідного ставлення до розв'язання спільних питань чи окремих аспектів кожного з них. Джерелом збагачення мовним багатством є книга, в тому числі і педагогічна.

2. Вибір способу впливу на формування комунікативних умінь може бути прямим і непрямим. Він визначається віковими, соціальними, психологічними особливостями вихованців у конкретних педагогічних умовах. Способи спілкування повинні змінюватись і в залежності від форм занять. Колективні, групові, індивідуальні заняття вимагають зміни стилю спілкування шляхом вибору відповідних мовних виразів.

3. Зразки, еталони, приклад вихователя у процесі спілкування є ефективними засобами впливу на характер спілкування. Але спрацьовують вони не засобами "прямої атаки", а паралельно з іншими методами та прийомами.

4. Розвиток тенденцій до позитивних оцінок, висловлювання схвалення, підтримки з допомогою відповідного слова, фрази, ідіоматичного звороту є продуктивним і прогресивним. Ми пропонуємо спиратися на "оптимістичну педагогіку" А. С. Макаренка, В. О. Сухомлинського, В. Ф. Шаталова.

Подолання утруднень, ускладнень, особливо коли людина потрапляє в нові для неї обставини, може здійснюватись різними засобами, але найпершим, найпростішим та найдоступнішим є слово. І не просто якесь нейтральне чи трафаретне, чи рекламне, що часто звучить з екрану, радіо, дивиться зі шпальт газети. Тут є важливим слово по суті обставин: співчуття, радості зустрічі, визначення ситуації як надійної, як сприятливої.

Вибір поведінки під час спілкування Я. Л. Коломінський [6] розглядає в трьох аспектах, якими є:

- соціально-історичний;
- соціально-психологічний;
- особистісно-психологічний.

5. Усвідомлення внутрішніх психологічних механізмів, які забезпечують можливість успішно впливати на позитивний хід спілкування. Такими механізмами є розумові та моральні уміння, як увага та уважність до настрою співрозмовника, до змін у його поведінці, які виникають у процесі взаємодії, роздумів, якими він ділиться під час розмови.

Людина є результатом свого минулого, пише Вільям В. Аткінсон [2, с. 9]. Немає нічого такого, що ми пережили раніше і що не вплинуло б на моральні чи інтелектуальні особливості нашого буття тепер. У зв'язку з цим нами та нашими вихованцями (майбутніми педагогами) при формуванні умінь спілкування за основу береться ідея про необхідність нагромадження у процесі навчання позитивних вражень, якими є яскраві сло-

ва, фрази про людину взагалі, про себе, про долю, про можливість здійснення будь-яких добрих намірів і розумних бажань.

Запам'ятовування, відтворення теж відбувається ефективніше під впливом вражень, забарвлених позитивними почуттями, переживанням насолоди, відчуття комфорту, радості від спілкування з певною особою чи певним колом людей взагалі.

Враховуючи той факт, що будь-який вид професійної діяльності, щастя сімейного життя чи особистісний комфорт є результатом співпраці, співжиття з іншими особами, нами в експериментальних групах створювались умови, які вимагали вступати в контакт з іншими особами (однокурсниками, активістами групи, керівниками деканату, кафедри) для позитивного розв'язання будь-яких питань: академічних, науково-дослідницьких, громадських, культурно-просвітницьких. З цією метою нами формувались творчі (але конкретні, наскільки це можливо в різних умовах спілкування) завдання, як-то:

- доберіть найбільш вдалу (коректну, ввічливо-шанобливу) форму звернення до викладача, декана, товариша (2–3 варіанти. Можна більше);
- заготуйте вітальні листівки – запрошення на день народження президента фірми, в якій Ви працюєте перекладачем;
- складіть сценарний план зустрічі посла з латиноамериканської держави;
- заготуйте текст промови – привітання для керівника Вашої установи, який готується до зустрічі гостей з Німеччини;
- напишіть сценарій прийому гостей з Великобританії, які прибудуть для відкриття Британського Центру в ХДУ. Розпишіть план репетицій. Проведіть репетицію за складеним Вами сценарієм;
- підберіть низку слів – синонімів англійською, російською, українською мовами з нагоди зустрічі в справах фірми. Вивчіть їх з учасниками зустрічей ділових партнерів з США, Росії, Києва.

Такого роду завдання є надзвичайно ефективними в розвитку мови і мовлення студентів, формування індивідуального та групового іміджу під час спілкування. Подібні завдання сприймаються студентами як фахові та як особистісно корисні для розв'язання повсякденних проблем.

Для кращого розвитку мови і мовлення студентів не треба ігнорувати можливості оточення. В цьому зв'язку необхідно скористатися допомогою усіх підрозділів вузу.

Тісне співробітництво з Культурним центром університету дає можливість розв'язувати ще й такі питання, які тісно переплітаються з формуванням артистизму при спілкуванні. Справа полягає в тому, щоб не тільки запам'ятати та відтворити слова, фрази, словосполучення, необхідні для вживання у певних життєвих та службових умовах спілкування, але й справити на

співрозмовника приємне враження під час спілкування. Для цього було прочитано 6 лекцій по темі: "Елементи акторського мистецтва у викладацькій та перекладацькій діяльності". Після цього по кожній темі проводилося одне практичне групове (по 6 – 7 осіб) та одне індивідуальне заняття.

Розв'язувались такі завдання, які допомагали при спілкуванні справи-ти неодмінно приємне враження. Подаємо перелік вправ – завдань з мето-дикою їх виконання, які позитивно були оцінені студентами.

намагайтеся говорити з усмішкою на вустах. Посміхайтесь завжди! Якщо не готові, чи не хочеться, намагайтесь скласти губи (м'язи облич-чя) так, наче б то Ви виголошуєте звук і... (тягніть його: і-і-і...), зафіксуй-те вираз обличчя і починайте розмову по темі зустрічі.

навчіться завжди дотримуватись красивої постави (осанки). Розс-лабтесь. Уявіть себе в найбажанішій і найприємнішій обстановці – на морі, на чудовій галявині, на дачі. Тримайте голову, трохи піднявши її догори, плечі ледве відведіть назад, підберіть живіт і посміхайтесь. Зафіксуйте цей стан. Намагайтесь зберегти приємний вираз обличчя, красиву поста-ву фігури, згадайте найприємніші слова і оксамитовим, добре поставле-ним голосом звертайтеся до співрозмовника. Успіх переговорів буде за-безпечено.

не забудьте про костюм, аксесуари, предмети, які можуть привер-нути увагу співрозмовника: зручна тека, гармонія кольорів, костюм. Не зловживайте парфумами. Кращий аромат в усьому світі запахів – це чисте тіло, добре випрана білизна, чистий охайний костюм.

ваші руки, як і Ваше обличчя, беруть активну участь у спілкуванні. Широко відомий вираз про те, що руки – візитна картка особи, підтверд-жується майже щодня засобами телебачення. Досить часто камера фіксує так:

- руки спокійно лежать на столі (на колінах, на спинці стільця). Це означає, що їх володар – урівноважена, спокійна людина, впевнена в собі, а тому й на співрозмовника справляє враження надійності, урівноваже-ності, здатності до справедливого розв'язання будь-якого питання;

- руки рухаються, тиснуть одна одну, то міцно переплітаючись, то роз-тискаючись, щоб знову стиснути будь-який предмет. Від таких рухів скла-дається враження агресивності їх володаря, від якого можна очікувати гру-бості, насилля; негативне напруження наче йде від усієї постаті людини;

- пальці рук співрозмовника рухаються: постукують по столу, по спинці стільця або стискають олівець (лінійку, ручку). Такий співрозмов-ник нервує, щось його турбує. Нервове напруження охоплює і співрозмов-ника. Виникає бажання припинити спілкування;

- руки чисті, з акуратно підстриженими нігтями, скромним (стри-маного відтінку) манікюром викликають (підсвідомо) почуття затишку, спокою, довіри.

Під час таких занять ми пропонували нашим вихованцям обрати для себе тип зачіски, колір лаку, тембр голосу, характер посмішки.

Тренувальні вправи можуть пропонуватися як індивідуальні, так і групові, колективні. Ми наголошуємо на тому, що поєднання індивідуальних, групових і колективних форм навчання з застосуванням усних, фізичних, письмових вправ є обов'язковою умовою успішного формування умінь спілкування.

Приклад і показ, можливість вибору слова, виразу обличчя, міміки, пантоміміки, посмішки, тембру можуть застосовуватися у різних варіантах, поєднаннях, але спільною умовою є настрій, установка на позитивне ставлення (присмне враження).

Суть даного педагогічного постулату полягає в тому, що в системі освіти в цілому доцільно домагатись високого рівня спілкування на різних рівнях. Щодо окремого навчального закладу, то давній і перевірений принцип виховання щодо єдності педагогічних вимог залишається не тільки обов'язковим для усіх учасників педагогічного процесу, але й таким, що певною мірою поширюється і на все суспільство в цілому. Процес соціологізації особистості, який розпочинається в сім'ї, потім переходить разом з вихованцем до школи, вузу, триває, по суті, все життя. Щоразу та щомиті особі доводиться засвоювати та присвоювати досвід не тільки попередніх поколінь, але і опрацьовувати нові технології та особливості стосунків, що починають вибудовуватися в ситуаціях, які створюються під впливом новітньої техніки.

Зміни, що відбуваються в довкіллі, захоплюють своїм впливом усі групи, класи, об'єднання. Вони диктують певний тип поведінки, вимагають нового підходу до вибору. Спілкування в цих умовах залишається складником, що або гальмує, або прискорює соціальні процеси, зміни, які можуть бути незворотними.

З погляду дійсного прогресу існує об'єктивна необхідність поліпшення та поглиблення гуманістичних принципів спілкування і різних видів діяльності взагалі.

Поява нової проблеми, пов'язаної з протиріччями, що виникли між природою та засобами її освоєння (вивчення, експлуатації, перетворення, "відбирання" від неї благ, вигідних людині) народила нову галузь наукових досліджень, якими є інвайроментальна соціологія і педагогіка. Інвайроменталізм виник як результат намагань учених дати загальнотеоретичну та світоглядну орієнтацію людині, суспільству, людству. В центр цієї орієнтації ставиться завдання гармонізації взаємодії соціальних об'єднань з навколишнім середовищем, з довкіллям, в якому живе людина, з метою його збереження [3].

Відомий американський педагог Джон Дьюї ще на початку XX століття помітив тісний взаємозв'язок між людиною і природою і висунув

завдання усвідомлення єдності морального та природного, прийняття позиції комунікації як єдиного способу універсалізації моральних законів і мети життєдіяльності.

Відштовхуючись від загальнофілософських позицій Д. Дьюї щодо єдності досвіду, мети, ідеї, моралі, які повинні стати загальними для всього суспільства, ми зосереджуємо увагу вихованців на проблемі єдності шляхом пошуку гармонії будь-якими засобами. Оптимізація взаємодії суспільства, людства взагалі з навколишнім середовищем можлива шляхом поліпшення моральних, психолого-педагогічних механізмів формування комунікативних умінь, таких, що ґрунтуються на принципах позитивної, творчої педагогіки.

ЛІТЕРАТУРА

1. Ананьев В. І., Нечепоренко Л. С. Екологічна культура вчителя // Педагогіка культури. – Харків: ХДУ, 1993. – С. 61 – 67.
2. Аткинсон В. В. Память и уход за ней. – СПб: Респекс, 1994. – 384 с.
3. Баньковская С. П. Инвайроментальная социология. – Рига: Зинатне, 1991. – С. 3 – 29.
4. Бердяев Н. А. Самопознание. – М.: Книга, 1991. – 408 с.
5. Капська А. Й. Педагогіка живого слова. – К., 1997. – 139 с.
6. Коломинский Я. Л. Психология общения. – М.: Знание, 1974. – 95 с.
7. Мечников И. И. Этюды оптимизма. – М.: Наука, 1888. – 327 с.
8. Нечепоренко Л. С. Твоя доля – в твоих руках. Педагогіка для всіх. – Харків: ХДУ, 1993. – 140 с.
14. Полторацька В. В. Формування комунікативної культури майбутнього вчителя в процесі його професійно-педагогічної підготовки: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Харків, 1997. – 24 с.
15. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 367 с.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ, ИСКАЖАЮЩИХ ИСТИННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ

Пироженко О. Г. (Харьков)

Ложь – явление, возникающее в коммуникации, а потому требующее изучения в системе коммуникации. Теория коммуникации насчитывает множество коммуникативных моделей: Ч. Морриса, Ц. Тодорова, П. Грайса, Ю. Лотмана, Г. Шпета, А. Пятигорского и др. Нам представляется, что коммуникативная модель, которая позволит наиболее полно и точно описать ложь как коммуникативное явление, является функциональная модель Р. Якобсона. Данная статья посвящена проблеме системного изучения лжи, а именно изучению лжи в контексте коммуникативной модели Р. Якобсона. (Вслед за П. Коулмен и П. Кеєм мы выделяем три основных вида лжи: про-

тотипическую, социальную и белую. При этом, прототипическая ложь отвечает следующим признакам: 1) высказывание ложно, 2) говорящий уверен, что высказывание ложно, 3) произнося высказывание, говорящий намерен обмануть слушающего. В случаях социальной и белой лжи условия 1) или 3), или 1) и 3) могут не выполняться (Coleman, Kay 1981).) Необходимо остановиться на понятии функции языка (коммуникации) вообще, и на модели Якобсона, в частности, подробнее.

Общетеоретическая проблема основных функций языка как специфического общественного явления занимает одно из центральных мест в лингвистической науке. Она непосредственно связана с поиском сущности языка, поскольку функция любого объекта определяет внешнее проявление, манифестацию его сущности (Яворська 1989: 12). Именно поэтому функция как объект лингвистического анализа определяет содержание значительной части современных исследований языка. В этой связи, исследование лжи в коммуникации не может быть исключением. Именно посредством функциональной модели формируется та система коммуникации, в рамках которой может быть исследовано такое сложное явление как ложь.

Функциональный подход в лингвистике предполагает анализ множественной функциональной природы явлений языка, исходя из их семантики, структуры, взаимодействия с другими единицами, категоризации, функционирования в речи. Много противоречивых мнений существует по поводу того, что подразумевается под "функцией". Современная лингвистика часто рассматривает "функцию" на двух уровнях: первый учитывает широкое описание целей языка вообще, второй учитывает более специфические акты, осуществляемые индивидуальными высказываниями, при этом микрофункции индивидуальных актов являются подкатегориями общих макрофункций языка.

Также ведутся споры по поводу того, какое различие существует между понятиями "функция языка" и "функция речи". В этом вопросе мы придерживаемся точки зрения А.А. Леонтьева и В.А. Аврорина (Леонтьев 1968), которые считают, что и "язык" и "речь" являются аспектами процесса языковой коммуникации, однако они утверждают, что речь может обладать некоторыми функциями, которые не наблюдаются у языка. Поэтому, вслед за Леонтьевым и Аврориным, по отношению к рассматриваемым ниже функциям, мы будем употреблять термин "функция речи".

Предпринималось много попыток классифицировать главные функции языка. Среди наиболее часто цитируемых - классификации Бюлера (Buhler 1934), Якобсона (Jakobson 1960), Серля (Searle 1969, 1975), Поппера (Popper 1972) и Хаймса (Hymes 1972). Фундаментальным для всех функциональных подходов к языку является положение, что использование языка формируют систему (Wales 1989: 198).

В традиционной функциональной модели языка, особенно четко описанной К. Бюлером (Bühler 1933), различались только три функции: эмоциональная, конативная и референтивная. Соответственно в модели выделялись три "вершины": первое лицо - говорящий, второе лицо - слушающий и "третье лицо" - собственно некто или нечто, о чем идет речь.

Р. Якобсон (Jakobson 1960) разработал следующую модель речевой коммуникации:

К триаде К. Бюлера Р. Якобсоном были добавлены еще три основные функции языка, зависимые от принятой установки. Полный список функций по Якобсону выглядит следующим образом: 1) установка на отправителя - адресанта (в частности, передача его эмоций), которой отвечает эмотивная функция; 2) установка на адресата (стремление вызвать у него определенное состояние), отвечающая конативной функции; 3) установка на сообщение (на его форму) - поэтическая (эстетическая) функция; 4) установка на систему языка - металингвистическая функция; 5) установка на действительность - референтивная, иначе денотативная или когнитивная, функция; 6) установка на контакт - фатическая функция (Якобсон 1985: 23).

Якобсон отмечал, что высказывание не может выполнять какую-либо одну функцию; его назначение осуществляется различным иерархическим соотношением элементов различных же функций; словесный состав высказывания определяется доминирующей функцией (Якобсон 1975: 198). Таким образом, по Якобсону, язык следует изучать во всем разнообразии его функций. Нам представляется, что в своей классификации Якобсон отразил наиболее важные стороны коммуникации, что объясняет ее полноту и подробность, и одновременно с этим не допустил разделение функций на окказиональные случаи, что позволило его классификации оставаться обобщающей. Поэтому мы рассматриваем функции с точки зрения этой классификации.

Под **референтивной** (денотативной или когнитивной) функцией понимается информативное сообщение, передача любых знаний от говорящего слушающему. Референтивная функция, т.е. установка на референт, ориентация на контекст - центральная задача многих сообщений. Очевидно, что для осуществления задач этой функции, необходимо выполнение следующих условий контекста: 1) наличие коммуникантов (как минимум двух - говорящего и слушающего), находящихся друг с другом в

определенных социальных отношениях; 2) наличие у коммуникантов общих знаний об окружающем мире - физическом и социальном; 3) наличие взаимосвязи между общими знаниями о мире, которыми обладают коммуниканты, и их индивидуальными целями, взглядами, отношениями (Тарасова 1998: 171).

Эмотивная, или экспрессивная функция, сосредоточенная на адресате, имеет своей целью прямое выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит. Она связана со стремлением произвести впечатление наличия определенных эмоций, подлинных или притворных. Эмотивная функция, проявляющаяся в междометиях в чистом виде, окрашивает в известной степени все наши высказывания - на звуковом, грамматическом и лексическом уровнях. Когда человек пользуется экспрессивными элементами, чтобы выразить гнев или иронию, он, безусловно, передает информацию (Якобсон 1975: 198-99).

В центре внимания **конативной** функции - межличностный параметр, ориентация на адресата. Говорящий воздействует на адресата таким образом, что адресат в результате выполняет какие-либо действия. Отсюда и цель конативной функции - непосредственное воздействие на адресата, побуждение его к действию, манипуляция. В синтаксическом плане данная функция выражается побудительным предложением.

Поэтическая (эстетическая) функция ориентирована на сообщение. При этом речь идет отнюдь не о поэзии, а о внимании к форме, выражению (Почепцов 1998: 10). Поэтическая функция является не единственной функцией словесного искусства, а лишь его центральной определяющей функцией, тогда как во всех прочих видах речевой деятельности она выступает как вторичный, дополнительный компонент. Эта функция, усиливая осязаемость знаков, углубляет фундаментальную дихотомию между знаками и предметами.

Существуют сообщения, основное назначение которых - установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи, привлечь внимание собеседника или проверить, что он слушает внимательно. Эта направленность на контакт, или, в терминах Б. Малиновского (Malinowski 1953), **фатическая** функция, осуществляется посредством обмена ритуальными формулами или даже целыми диалогами, единственная цель которых - поддержание коммуникации (Якобсон 1975: 201). За пределами речевого этикета информативное и фатическое речевое поведение выступают в виде социально-психологических инвариантов, формирующих коммуникативно-стилистическую специфику широкого круга речевых поступков, в которых задача обмена информацией оказывается в подчиненном положении по отношению к социальному взаимодействию - желанию вступить в общение.

Метаязыковая функция - это функция толкования. В современной логике проводится различие между двумя уровнями языка: "объектным языком", на котором говорят о внешнем мире, и "метаязыком", на котором говорят о языке. Однако метаязык - это не только необходимый инструмент исследования, применяемый логиками и лингвистами; он играет важную роль и в нашем повседневном языке. Если говорящему или слушающему необходимо проверить, пользуются ли они одним и тем же кодом, то предметом речи становится сам код: речь выполняет здесь метаязыковую функцию (Якобсон 1975: 202).

Традиционно функциональный подход определял место лжи как нарушение референтивной (или когнитивной) функции (т.е. намеренное искажение истинной (правдивой) информации). В данном случае, первичной целью говорящего является убедить слушающего в ложной информации. Однако, исследования лжи Л. Коулмен и П. Кея позволяют сделать вывод, что референтивной функцией области возникновения лжи далеко не исчерпываются.

На уровне **фатической** функции ложь может возникать как раз в случае выполнения этой функции: собеседник может лгать именно с целью либо поддержания канала связи либо его нарушения. Первое или первое и второе условия ложности в данном случае могут не выполняться. Большинство примеров социальной лжи относятся к области фатической функций.

Примером **эмотивной** функции лжи может являться выражение ложного отношения говорящего к тому, что он говорит (нарушение функции). Т.е. в данном случае ложь содержится не в информативности высказывания, а в его эмоциональной оценке. Таким образом, эмотивная функция может быть присуща как прототипической, так и социальной лжи. Целью такой лжи может быть сохранение лица, улучшение/поддержание имиджа и т.п..

Нарушение **метафизической** функции также может служить цели искажения правды. Например, высказывание "Это ложь" по отношению к правдивой информации, или, наоборот, высказывание "Это правда", по отношению к ложной информации, может быть ложным, при условии, если говорящий не заблуждается.

Однако, искажение правды не может описываться в терминах таких функций, как конативная и поэтическая. Что касается конативной функции, то вследствие того, что ее целью является манипуляция собеседником, эта функция находит свое чисто грамматическое выражение в звательной форме и повелительном наклонении. А, как отмечал Якобсон, повелительные предложения коренным образом отличаются от повествовательных: эти последние могут быть истинными или ложными, а первые - нет (Якобсон 1975: 200). В качестве иллюстрации данного положения Якобсон приводит следующий пример: "Когда в пьесе О'Нила "Фон-тан" Нано (резким, повелительным тоном) говорит "Пей!", мы не можем задать вопрос "Истинно или нет?", хотя такой вопрос вполне возможен по

поводу предложений "Он пил", "Он будет пить", "Он пил бы". В отличие от повелительных предложений повествовательные предложения можно превращать в вопросительные: "Пил ли он?", "Будет ли он пить?", "Пил ли бы он?" (там же).

Поэтическая функция также не может рассматриваться в терминах правда/ложь, так как литературный дискурс, для которого она характерна, расценивается как "искусство", а поэтому не подвластен ограничениям межличностного и идеационного дискурса (Cook 1995: 40).

Таким образом, коммуникативность лжи обуславливает необходимость изучения ее в рамках коммуникативной модели. Функциональная модель Р. Якобсона является наиболее соответствующей для изучения лжи, так как она учитывает функции речи, не учитываемые другими моделями: фатическую, метаязыковую и поэтическую, которые являются важными при рассмотрении лжи. Мы определили, что искажение правды может наблюдаться в следующих функциях: референтивной, фатической, эмотивной и металингвистической, а такие функции, как конативная и поэтическая, невозможно рассмотреть в терминах правда/ложь, так как эти функции не предполагают таких критериев оценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев А.А. Общественные функции языка и его функциональные эквиваленты // Язык и общество. - М., 1968. - С. 96-112.
2. Почепцов Г.Г. Теория и практика массовой коммуникации. М.: Прогресс, 1998.
3. Тарасова Е.В. Речевая системность и контекст. // Мовна компетенція, креативність та актуальні проблеми викладання іноземних мов, тези конференції, Харків, тези конференції, 1998. - С. 168-176.
4. Яворська Г.М. Нові аспекти в розробці проблеми функцій мови. // Мовознавство, 1989. - № 5. - С. 12 - 17.
5. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм "за" и "против". М.: Прогресс, 1975. - С. 193-231.
6. Bühler K. Die Automatik der Sprachwissenschaft // Kant Studien, 1933. - 38. - S. 19-20.
7. Coleman L, Kay P. Prototype semantics: the English word lie // Language, 1981. - V.37, # 1. - P. 26-44.

ПРО ЕВОЛЮЦІЮ БАЙКИ ЯК ВЗАЄМОДІЮ З ІНШИМИ МАЛИМИ ФОРМАМИ (на прикладі віршованої байки і жарту)

Піхтовнікова Л.С. (Харків)

Як унікальний і особливий жанр літератури і різновид тексту, байка стикається з великою кількістю інших жанрів: від прислів'я, афоризму та епіграми, від простого прикладу і апологу до шванку, жарту, притчі, дидактичної поеми, казки та тваринного епосу.

Еволюція стилю байки в узагальненій формулюванні полягає в утрачанні одних елементів і стильових рис і придбанні інших. В творчості кожного окремого байкаря комбінація утрачених та придбаних елементів та стильових рис - різна, що утворює індивідуальний стиль. Паралельне вивчення індивідуальних стилей в порівняльному аспекті дало нам можливість виявити основні тенденції еволюції в стилістично-синергетичному аспекті протягом декількох сторіч з наступним узагальненням відокремленням головних стильових архетипів байок.

Тенденції стилістичної еволюції неможливо зрозуміти повністю, якщо не розглянути дещо детальніше взаємовплив і зони наближення споріднених віршованих байці жанрів, в першу чергу притчі, жарту, афоризму, епіграми.

Розглядаючи байку і інші форми в порівняльному аспекті, ми відштовхуємося від головних характеристик віршованої власне-байки, яка об'єктивно існувала і існує і на фоні якої можна зрозуміти всі іновачії та еволюційні зміни. Це характеристики, які містяться в нашому визначенні байки:

Віршована байка - це відносно коротке віршоване оповідання з історично зумовленим співвідношенням епічних, драматичних, ліричних, сатиричних, а також епіграматичних та афористичних елементів, в якому поетичними засобами, перш за все за допомогою прийомів алегоричності та фантастичності (гіперболічності), утворюється наочно-образна, психологічно містка та здебільшого динамічна ситуація, що формує узагальнений образ-символ, який маніфестує значиму для даної епохи (і нерідко поза її межами) етико-філософську істину і який спонукає читача до зміни особистих якостей та навколишнього світу.

Отже, в основу розмежування покладено перш за все наступні стильові риси:

алегоричність, епічність, сюжетність, антитезисність, динамічність, фантастичність, (гіперболічність), комічність (сатиричність, іронічність тощо), узагальнено-образна символічність.

Ніхто не буде заперечувати той факт, що байка і жарт знаходяться в зоні спорідненості. Після аналізу форми жарту та його природи, походження стає зрозумілим, що ця спорідненість дуже близька.

Перш за все необхідно пам'ятати, що як байка (в усякому разі значна частина байок), так і жарт мають одну спільну основу - комічність, яка лишилася в різній мірі реалізується в окремих текстах байок і жартів.

В питанні про співвідношення байки і жарту ми додержуємося досконало викладеної концепції В.Лібхена (4: 167-188).

Образно-символічним відбитком цієї концепції є риторично-стильова байка Лібхена *Witz und Fabel*, в якій метафорично прозоро викарбована і цінність жанру байки, і її спорідненість з жартом, і його підпорядкованість стародавній байці:

die fabel fragt den witz/ warum sie alt/ und er/ so jung erscheint/ er so beliebt/ und sie/ gemieden wird/ obwohl er doch/ so schnell vergänglich sei// antwortet der witz/ ich habe/ von der fabel/ gelernt.

За формою жарт складається із двох головних частин: ситуації і пуанту. Ситуативну частину можна назвати «чekanням» (*Erwartungsteil*), а другу частину, пуант, «пізнанням» (*Erkenntnisteil*). Частина «пізнання» націлена на ядро ситуативних протиріч і знаходиться в певній протиставленості (*Kontradiktion*) до ситуативної частини.

Пуант, по суті, закладено вже в ситуативній частині. Досконалість жарту - в тому, щоб зробити пуант наглядним і легко сприймачим. Для цього йому служить один із ефектів відчуження: «перевертання, перетворення» (*Umkehrung*). Він сприяє тому, що ситуація несподівано перетворюється в свою протилежність. Пуант ставить ситуацію з ніг на голову, або навпаки. Несподівано відкривається зворотна сторона медалі, і протиріччя впізнаються. Те, що в ситуативній частині сприймалося як звичайна розповідь, в пуантовій частині перетворюється в абсурд. Курйозність перевернутої ситуації утворює комічний ефект, і реципієнт вибухає сміхом.

Є багато стильових різновидів жарту: загадка, повідомлення, діалог-дискусія, ланцюговий жарт, епіграматичний жарт, жарт в малюнках, жарт «малюнок-текст» (В.Буш).

За своєю формою жарт відповідає формі Езопової байки, а саме риторичній байці (за класифікацією В.Лібхена). В її основі, як і в основі жарту, лежить також ситуативна частина (чekanня) і евристична, когнітивна частина (пуант).

Певна комічність була завжди властива байці. Але заради її евристичного та дидактичного призначення комічність завжди вдержувалась на задньому плані. Комічність поступалась перед повчанням, мораллю,

віддаючи їй перше місце. Якщо ж комічність займає перше місце, відтісняючи мораль на задній план, то байка перетворюється на жарт.

В усякому разі, на наш погляд, з посиленням ролі комічного байка проявляє тенденцію до перетворення в жарт. Тут з'являються різні перехідні форми, які в перспективі можуть стати об'єктами окремого дослідження.

Імпліцитно жарт був присутнім вже в байках Езопа. Про жарт в байці говорили і в часи Лессінга. Лессінг розумів під жартом спроможність теплої влучної формулювання. Про «езопівський жарт» говорив і Хр.Ф.Геллерт: *«Eben der aesopische Witz, den das den Wissenschaften günstige Deutschland itzt liebt, ward von den Deutschen schon hochgeschätzt, ehe sie die Wissenschaften noch kannten; und die Fabel gefiehl ihnen, ehe sie die Regel der Kunst wussten. Es gereicht der aesopischen Fabel überhaupt zur Ehre, dass sie fast bei allen Völkern, und zwar zu verschiedenen Zeiten, ungemein vielen Beifall und viele Hochachtung gefunden hat. Sie ist unstreitig die älteste Spur des menschlichen Witzes. (3:5) (цум. за: Liebchen 1990).*

Межі між байкою та жартом дуже рухливі: вони визначаються співвідношенням комічного і повчального. Власне-жарту моралізуючі вказівки невластиві. Буде він зрозумілим чи ні - це справа реципієнта. І в цьому він повністю відповідає старій формі байки, яка не мала тлумачення, експліцитної моралі.

Вище мався на увазі жарт, в якому, як і в більшості класичних байок, діють тварини та інші нижчі від людини істоти. В якому ж співвідношенні знаходяться байка і жарт, де діють люди? - Тут необхідно враховувати принцип одного рівня, і в такому разі жарт потрібно відносити не до байки, а до притчі, в якій дійовими персонажами є теж люди. І тут, на наш погляд, теж можуть виникнути перехідні форми, які потребують окремого розгляду.

Отже, згідно з концепцією В.Лібхена за формою жарт є конгломератом із байки та притчі без їх детальностей та повчального змісту і з пуантом, в якому діє ефект відчуження: перетворення ситуації на її протилежність.

Серед проаналізованих байок є значна кількість текстів, в яких риса комічності настільки посилена, що можна говорити про тенденцію до перетворення в жарт. Наприклад, комічне переважає над повчальним в байці М.Клаудіуса «Fuchs und Bär» (2: 112/. Ще більш інтенсивна ця риса в іншій байці цього ж автора (2: 113):

Der Esel

Hab nichts, mich dran zu freuen, / Bin dumm und ungestalt, / Ohn' Mut und ohn' Gewalt; / Mein spotten und mich scheuen / Die Menschen, jung und alt; / Bin weder warm noch kalt; / Hab nichtss, mich dran zu freuen, / Bin dumm und

ungestalt;/ Muss Stroh und Disteln käuen;/ Werd unter Säcken alt-/Ah, die Natur schuf mich im Grimme!// Sie gab mir nichts als eine schöne Stimme.

В байці відсутні ввідна ситуація, дії, навіть мінімальні авторські слова, є лише монолог байкового персонажу Віслюка. Вже за цією формою байка дещо відхиляється від власне-байки. Пуант утворюється, по-перше, ефектом від контрасту між доволі розтягнутим висловлюванням Віслюка про свою жалюгідну долю і надто коротким висловлюванням щодо того «позитивного», що дала йому природа - «нічого, крім гарного голосу». По-друге, пуант полягає в іронічності, в зіткненні форми й змісту: саме гарного голосу в Віслюка й немає. Обидва прийоми посилюють рису комічності настільки, що в цьому випадку можна говорити про значну наближеність байки до жарту.

Така ж інтенсивна за комічністю і інша байка Клаудіуса:

Fuchs und Pferd

Einst wurden Fuchs und Pferd/ Warum, das weiss ich nicht, auch hat es mich verdrossen,/ Denn mir sind beide Tiere wert,/ In einen Käfig eingeschlossen/ Das Pferd fing weidlich an zu treten/ Für Ungeduld und trat/ Den armen Reinke Fuchs, der nichts an Füßen hat/ «Das nun hätt ich mir wohl verboten/ Tret Er mich nicht, Herr Pferd, ich will Ihn auch nicht treten».

Багато текстів з посиленням комічним ефектом зустрічається серед байок К.Пфеффеля, іноді поряд з сатиричною рисою, або лише з іронічною забарвленістю (5):

Das Duell

Um eine Ziege balgten sich/ Zwei Böcke, warm von Herz und Stirne./ Der Kampf war lang und fürchterlich./ Zum Glück erschien zuletzt die Dirne./ Und rief: «Ihr, Herrn, berichtet mich,/ Weswegen rauft ihr euch?» - «Um dich.»-/ Um mich? Den Streit kann ich entscheiden:/

Ich liebe keinen von euch beiden!»

Der Kakadu und der Hase

«Wo hattest du denn deine Beine,/ Mein armer Freund?» So sprach ein Kakadu/ Zum Hasen, den ein Hund in eines Nabobs Haine/ Zu Boden riss. Im gleichen Nu/ Erscholl ein Büchsenknall durch Thal und Hügel./ Der Pfittgfiel. «Freund!» rief der Has' ihm zu,/ «Wo hattest du deine Flügel?»

Багато прикладів текстів з посиленою рисою комічності є також в епічно розгорнутих байках. Наприклад, текст байки Ф.В.Захарія «Der Frosch, ein Doktor (2: 69) за рисою комічності міг би бути жартом, якби не його обсяг. Якщо провести стилістичний експеримент і скоротити текст, зберігши головний зміст і пуант, то байка перетворилася б на форму, яка підпадає зоні впливу жарту. Якщо загострити комічне і пуант до крайньої риси, а рису фантастичності послабити або зовсім звести нанівець, то текст перетвориться на жарт.

Прикладів, в яких комічне переважає над повчальним і які після стилістичного експерименту (в випадку розгорнутості тексту) наближуються більш або менш до жарту, можна знайти у багатьох байкарів. Так, із більш сучасних байок посиленою рисою комічності відрізняються байки В.Буша (1).

Таким чином, відокремлюючи байку від жарту, ми маємо враховувати інтенсивність стильових рис:

- комічності, під якою в даному випадку можна розуміти інтенсивність ефекту відчуження (пуанту), та
- повчальності, яку треба розуміти не лише в прямому вузькому значенні, а також в значенні впізнання та затвердження певної істини.

Згідно з нашою методикою дефініції та класифікації байок, крім того, треба пам'ятати про рису образної символічності, що пов'язана з алегоричністю та фантастичністю, завдяки якій утворюється більш або менш узагальнений та глобалізований образ-символ, котрий більше пов'язаний з евристичним, ніж з комічним. Тому, на наш погляд, це є найголовнішим критерієм відокремлення байки від жарту.

Співвідношення стильових рис, перевага тієї чи іншої риси переміщують текст в зону впливу байки або жарту.

ЛІТЕРАТУРА

1. Busch W. Summa summarum. Mit einem Aufsatz von F. Möbius und einer Biographie von W. Teichmann. – Berlin: Eulenspiegel, 1969. – 356 S. 2. Deutsche Fabeln des 18. Jahrhunderts. / Ausgewählt und mit einem Nachwort von Manfred Windfuhr. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1980. – 136 S. 3. Gellert Chr. F. Ein Ding mag noch so nährisch sein: Fabeln und Erzählungen / Ausgew. u. m. e. Nachw. von K. W. Becker. – 1. Aufl. – Berlin: Verl. Der Nation, 1984. – 118 S. 4. Liebchen, W. Die Fabel: das Vergnügen der Erkenntnis; Fabel, Gleichnis, Parabel, Witz; mit einer Abhandlung über die Formkriterien dieser Gattung. – Kilianshof: Fabel-Verl. Liebchen, 1990. – 203 S. 5. Pfeffel G. C. Fabeln und Erzählungen / hrsg. v. H. Hauff. – Stuttgart und Tübingen: Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1861. – 1. Bd. – 308 S.

ФУНКЦИИ СООБЩЕНИЯ И ВОЗДЕЙСТВИЯ В ТЕКСТАХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ

Подолкова С.В. (Сумы)

Разграничение стилей согласно их основным функциям в коммуникативном акте — функциям общения, сообщения и воздействия — соотносит научный стиль с функцией сообщения (1: 6). Определённая информация, полученная в ходе научного познания предметов и явлений действительности, служит основанием для описания функционирования и устройства механизмов и деталей. В акте научно-технической коммуникации описание передаётся в обобщённом виде. Эмпирическая информация адекватно отражает их свойства и должна быть донесена до адресата с максимальной точностью. Поэтому научно-технический текст должен обеспечить адекватное, без потерь и искажений, восприятие адресатом информации, заложенной в речевом произведении. В противном случае теряется смысл в научной коммуникации. Давая определение научному стилю и, как правило, противопоставляя ему художественный, обычно подчеркивают объективный характер, консервативность в отборе языковых средств, стандартизацию изложения и малую степень экспрессивности научного стиля речи (2: 141).

Однако было бы неправильно считать, что научно-техническим текстам и, в частности, текстам научно-технической рекламы вообще не свойственна экспрессивность и образность. Например: *"the cornerstone of our corporate philosophy"*, *"current developments in the scientific arena"* (1: 1); *"a pressing reason for us to exploit our resources with the greatest prudence"* (4: 50); *"you can depend on with absolute confidence"* (12: 15); *"personal viewpoints from the sharp end of the industry"* (6: 2).

В текстах научно-технической рекламы преобладает не качественная, а количественная экспрессивность. Например: *"the biggest unit capacity"* (4: 13); *"one of the most comprehensive modeling systems available"*, *"the most sophisticated sketcher in the industry"* (10: 2); *"the highest in the industry"*, *"the superior technical properties"* (11: 3); *"a very high thermal stability"* (7: 4).

Обобщая результаты исследования или описывая ход принятия технического решения, конкретизируя, авторы обращаются к экспрессивно-эмоционально-оценочным формам речи. Например: *"Variable speed drives are now the most cost effective control system available delivering real energy savings, particularly where flow requirements need to be controlled"* (1: 1).

"Another major advantage is that inverters allow the use of AC motors which are far more reliable than DC motors, are easier to maintain, and deliver the same performance at a much lower cost" (1: 1). В данных примерах прилагательные в сравнительной и превосходной степени (*the most cost effective control system; easier to maintain, at a much lower cost*), слова-усилители (*real energy savings*), сравнения (*far more reliable than*) оказывают эмоциональное воздействие на читателя.

Целенаправленный подбор языковых средств, в том числе и элементов, сообщающих экспрессивность, яркость, оригинальность, оказывает воздействие на адресата. Сообщение информации играет приоритетную роль в описании технических решений, конструкций и устройств. Информация подаётся в безличной или неопределённо-личной форме, характеризующейся большим процентом пассивных глагольных конструкций.

Средства воздействия на адресата, используемые авторами текстов научно-технической рекламы, можно разделить на эпистемические и языковые (лингвистические). Эпистемическими средствами, т.е. имеющими отношение к знанию, в текстах рекламы технического характера выступают суть самого сообщения, его достоверность. Детальное описание конструкции устройства и преимущества, получаемые в результате его эксплуатации, сравнение с аналогичными, уже существующими, но менее эффективными техническими решениями оказывают воздействие на интеллект адресата, апеллируя к его фоновым знаниям в данной области науки и техники. Другими словами, в этом находит проявление один из принципов риторики, известный человеку на протяжении нескольких сотен лет — обращение к разуму, интеллекту специально подготовленного читателя.

При анализе научно-технической литературы основное внимание уделяется характерным стилеполагающим признакам и их языковому выражению. Представляет интерес рассмотрение контрастных языковых фактов, т.е. изучение функционального стиля с точки зрения его нетипичных признаков. Научно-техническим текстам характерна логичность и безличность изложения; контрастным явлением выступает эмоциональность. Выразительность, эмоциональность, экспрессивность в текстах научно-технической рекламы достигаются:

1. Путём противопоставления. Например: "*Until recently it was thought that the expense of recovering energy created by hydraulic pressure was prohibitive. Not only capital cost and installation of energy recovering turbines extremely expensive, but these turbines are extremely complex to operate*" (2: 1). В данном примере эмоциональность изложения достигается использованием усилительных слов. Они подчёркивают степень сложности

проблем, существующих в данной области: *extremely expensive, extremely complex*.

"Undoubtedly purpose-built energy recovery turbines provide the most efficient method. But economic realities dictate that this is not always feasible. Hayward Tyler have therefore developed a range of submersible generators to provide a simple, reliable and low cost means of recovering energy" (2: 1). Убедительность и эмоциональность в данном примере достигается противопоставлением и перечислением положительных характеристик генератора. Представлена также авторская оценка происходящего, которая выражается как использованием модального слова, так и превосходной степенью прилагательного.

2. Путем сравнения и приемом эмфазы: *"However the little they lack in comparative performance is more than offset by their lower capital and installation costs"* (2: 1). В следующих примерах сравнение выражено синтаксической конструкцией и сравнительной степенью прилагательного. *"And the bigger the drive, the greater the cost justification"* (1: 1). *"The piston have resulted in a better lift characteristic than with similiar valves from other manufactures"* (8: 8).

3. Использованием риторических вопросов, т. е. превращением вопроса в эмфатическое утверждение. Например: *"One pump uses an end suction, centrifugal pump equipped with a double mechanical seal and a high pressure buffer system. It is handling a very toxic material. A similiar pump system uses a seal-less pump. Which is safer?"* (5: 28). *"Can you really afford to let your competitors gain the edge?"* (5: 1).

4. Использованием синтаксического параллелизма. Например: *"It's engineered to handle both solids and corrosive liquids with ease. It's designed to service in minutes with ease"* (3: 23).

5. Использованием приема эмфазы, эмфатических конструкций типа 'It is...that'. Например: *"At DP-Pumps, we don't believe in limits"* (12: 3). *"It's a process furnace insulation system that has been designed to weather the elements"* (3: 8).

6. Использованием сослагательного наклонения. Например: *"Without the variable speed drives we wouldn't be able to run the pump at its peak efficiency as we are doing"* (11: 1). *"Moving to the larger inverter driven pump cost us less than if we had installed another NS driven pump"* (11: 1).

7. Использованием повелительного наклонения. Например: *"Get rid of solids and corrosive liquids and service problems in a hurry. With the same pump"* (3: 23).

8. Использованием повторов. Например: *"And we do all this without any constrictions – side constrictions, that is"* (3: 8). *"... the Varley pump has proved its worth time and time again"* (10: 1).

Экспрессивности изложения в текстах научно-технической рекламы служат образные языковые средства, такие как: 1) метафоры и сравнения. Например: *"our philosophy Mind Over Matter"* (4: 40); *"offer genuinely responsible solution"* (4: 50); *"our reliability can give you peace of mind"* (12: 19); *"an ideal awareness tool"* (1: 1); *"a unique blend of news"*, *"the pump users' bible"* (12: 4); *"... pump is designed with flexibility in mind"* (9: 1) (метафоры); *"the bigger the drive, the greater the cost justification"* (11: 1) (синтаксическая конструкция сравнения).

2) идиоматические выражения. Например: *"if you want to stop tossing and turning in the middle of the night"* (12: 15); *"to keep your company one step ahead"* (12: 1).

Экспрессивный характер изложению придает ярко выраженная субъективная оценочность, которая присутствует при описании сферы применения и преимуществ объекта. Цель этого приема – воздействовать на читателя, навязать свое мнение. Например: *"the unique design features", they (SV valves) are completely unsusceptible"*; *"we have now completed, entirely successfully full-scale blowdown tests"* (8: 7-8); *"severe vibrational problems"* (11: 1). В данных примерах используются усилительные наречия и прилагательные, которые имеют чисто эмфатическое значение и выражают определенные экспрессивно-эмоционально-оценочные коннотации.

Текстам научно-технической рекламы характерно использование сравнительной и превосходной степени для выражения оценки качества объекта. Как считал Аристотель, чтобы убедить кого-то сделать что-то или принять чью-то точку зрения, мы должны показать читателю возможность выбора не только между добром и злом, но и между более хорошим и менее хорошим, т. е. между различной степенью качества (4: 108). Классические риторики полагали, что одной из тенденций человеческого разума является сравнение объектов, при котором выявляется их сходство и различие. Различия могут существовать в степени качества предмета. Поэтому они вводят топик степени, представляющий собой "место нахождения" определенной категории аргументов, служащих для убеждения аудитории (4: 95). Например: *"to meet the heaviest hoisting requirements"*, *"designed for drilling the deepest holes presently contemplated by the industry"* (1: 6); *"the most comprehensive and reliable source of information"* (1: 1); *"the best available products"* (8: 7); *"the pump's most efficient operating speed"* (11: 1).

Целям убеждения читателей и средством создания субъективной оценки служит также использование прилагательных в сравнительной и превосходной степени вместе с интенсификаторами, такими как: *very, far all over, never* и т. д. Например: *"very high force reserves"*, *"to monitor and*

control the refurbished plant far better than before" (11: 1); "to meet the needs of all reactor concepts" (1: 3);, "a true system drive having more versatility and flexibility than ever before", "Programming Mentor II has never been easier" (1: 1); "...the use of AC motors which are far more reliable than DC motors, are easier to maintain, and deliver the same performance at a much lower cost" (1: 1).

Как бы широко не применялись элементы воздействия в стиле научно-го изложения, они всегда подчинены основной цели – научному сообщению информации (3). Эмоционально-экспрессивно-оценочные средства остаются "вставками" и "вкраплениями" в научно-технических текстах рекламного характера. Они играют вспомогательную роль – способствуют передаче интеллективного сообщения. Функция сообщения реализуется использованием терминов и терминологических сочетаний, стандартизированного логического изложения материала. Эмоциональная окрашенность, которая является составной частью понятия экспрессивности, помогает реализовать прагматическую установку отправителей сообщения – заинтересовать читателя, заставить его поверить автору, побудить его к ответной деятельности. Основная цель текстов указанного жанра – сообщение интеллективной информации наиболее оптимальным и убедительным способом. В текстах научно-технической рекламы функции сообщения и воздействия тесно взаимосвязаны. Обращаясь к экспрессивно-эмоционально-оценочным формам речи при описании устройства или технического решения, авторы текстов преследуют цель – донести сообщение до адресата с максимальной точностью, воздействуя при этом на его эмоции. Несмотря на широкую представленность элементы воздействия в текстах научно-технической рекламы подчинены основной цели – сообщению научно-технической информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. – М.: Высшая школа, 1963.
2. Остапчук И. Г. Особенности научной речи в ее экспрессивном аспекте//Актуальні проблеми вивчення мови та мовлення. – Харків: вид. ХДУ, 1996. – С. 141-143.
3. Чаковская М. С. Текст как сообщение и воздействие. – М.: Высшая школа, 1986. – 128с.
4. Corbett E. Classical Rhetoric for the Modern Student. – New York: Oxford University press, 1965. – 584p.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Fluidex, UK, 1996.
2. Hayward Tyler, USA, 1997.
3. Industrial World, USA, 1992.
4. Power-Gen Europe, Hungary, 1996.
5. Pumps for a Safer Future, UK, 1993.
6. Pump Industry Analyst, UK, 1997.
7. Schuller, Germany, 1993.
8. Sulzer Thermtec, Switzerland, 1996.
9. Type HS, USA, 1995.
10. Unigraphics V10, USA, 1993.
11. Water, UK, 1995.
12. World Pumps, UK, 1997.

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ЗАДАНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ФОНЕТИКЕ

Полина В.С. (Харьков)

За последнюю четверть века во всем мире значительно увеличилось количество взрослых студентов, изучающих английский язык. По данным Стивенса (1989) английским языком для разных целей пользуются 1.5 миллиарда человек, среди которых носителей языка всего 300 миллионов. Изменились и потребности студентов, игнорирование которых равносильно "отказу от профессиональной ответственности".

В программах для взрослых ESL студентов указывается, в частности, что обучение должно удовлетворять профессиональные, личные и социальные запросы студентов, включая ясное, четкое и осмысленное произношение, которое вооружит их средствами общения не только для целей "выживания", но и преуспевания (Морли, 1991). Цель обучения – создать не столько идеального "произносителя", сколько уверенного пользователя языка с ясным и вразумительным произношением. Из-за ошибок в произношении носители языка воспринимают английскую речь иностранца как комическую, несерьезную, некомпетентную и т.д. (Beebe, 1978).

Новые потребности студентов привели к переходу в преподавании от концепции общей компетенции к более детализированной: грамматической, социолингвистической, дискурсивной и стратегической (Canale and Swain, 1980).

Теории коммуникативной компетенции подчеркивают важность интерактивной деятельности, поскольку люди пользуются языком в разнообразных контекстах, чтобы прийти к общему мнению, договориться, передать собственную идею собеседнику или получить информацию от него.

Преимущества коммуникативного/интерактивного метода не требуют доказательств. С одной стороны, "через интеракцию студенты могут обогатить свой языковой багаж, когда они слушают или читают аутентичный материал или слушают собеседника в дискуссиях, диспутах, совместных решениях проблем". С другой, "участвуя в интерактивном упражнении, студент может использовать все, чем владеет в языке – все, что выучил или случайно запомнил. И все это в ситуации, приближенной к реальной" (Rivers Wilda, 1987); "...обучение говорению на иностранном языке в вакууме – без собеседника – лишает навык говорения его богатейшего компонента: творчества в процессе обмена мнениями" (Brown H. Douglas H, 1994).

Интерактивный метод вовлекает в практику не только навыки говорения, но также и слушания, причем каждый участник в процессе выполнения интерактивного задания пользуется обоими навыками, поскольку его роли постоянно чередуются: он то говорящий, то слушающий.

Отвечая на вопрос, какие факторы затрудняют слушание/говорение, Браун среди 10 факторов, в целом, называет 5 фонетических: (1) членение потока речи; (2) сокращенные формы; (3) ударения; (4) ритм; (5) интонация. Овладение каждым из этих фонетических явлений он называет приобретением микронавыков устного общения и считает их ключом к овладению коммуникативной компетенцией. В вопросе о главенстве указанных факторов над звуковой системой он разделяет точку зрения Риты Вонг. "Современный взгляд на язык утверждает, что звуки языка менее существенны для понимания, чем способ их организации. Ритм и интонация английского языка – это две главные организующие структуры, на которые опирается носитель языка в процессе речи. Благодаря своей главенствующей роли в языковом взаимодействии ритм и интонация заслуживают того, чтобы формирование фонетических навыков начиналось именно с них". (Wong Rita, 1987) А для звуков достаточно коррекции и имитации.

Для формирования микронавыка членения потока высказывания на смысловые отрезки эффективно упражнение "прослушай/прочитай и продиктуй".

Учебный материал: 5 коротких текстов, состоящих из 3–4 вербальных единиц одинакового синтаксического состава и последовательности. Например, "Frank Spencer next door won a sports car in a newspaper competition. But he didn't like the colour and sold it to a friend for 3000 pounds" (Заимствовано у Hilderstone College, 1998).

Организация упражнения

1. Студентов подразделяют на группы из 5 человек (по количеству текстов) и им присваиваются номера по порядку.

2. Преподаватель приглашает студента № 1 из каждой группы в соседнюю аудиторию и дает им задание: прослушать текст № 1, который будет им прочитан по смысловым отрезкам, вернуться к своим группам и продиктовать обязательно по тем же смысловым отрезкам. Преподаватель читает текст 2 – 3 раза. Та же процедура далее с остальными студентами в группах.

3. Последующие тренировочные этапы упражнения – прочтение, воспроизведение по памяти без опоры на написанный текст – производятся с неизменным условием: по смысловым отрезкам.

4. Завершить упражнение может творческое задание: придумать аналогичную ситуацию и рассказать ее коллегам – студентам.

Таким образом, вовлекая в выполнение интерактивного упражнения все навыки – аудирование, говорение, письмо, чтение – с одним акцентом на членение отрезка высказывания, мы можем более эффективно добить формирования акцентируемого навыка.

Вариантом этого упражнения может быть начальное не аудирование, но прочтение студентом № 1 того же текста, прикрепленного к стене или классной доске.

Через интеграцию навыков в тренировке языковых явлений, тем самым обеспечивая всестороннее и многократное повторение их, можно формировать и микронавык английского ритма.

Материалом может послужить любой рифмованный текст, имеющий сюжетную линию. Например:

The Commuter

*He lives in a house in the suburbs,
He rises each morning at six.
He runs for the bus to the station,
Buys his paper and looks at the pics.*

Далее события на работе, в обеденный перерыв, в поезде на пути домой с работы, вечером дома.

Процедура упражнения.

1. Студенты в парах (группах) получают текст, разрезанный на полосочки, содержащие по одной строке. *Задание:* восстановить связный текст, имея в виду, что 2-я и 4-я строка рифмуются, а события развиваются последовательно от утра до вечера.

2. Преподаватель читает первое четверостишие, четко выделяя голосом ритмические центры и сопровождая чтение любым способом механического отбивания ритма. "Навязав" таким образом ритмическую структуру, преподаватель приглашает студентов по очереди читать текст до конца.

3. Выученный на память, этот текст можно "станцевать" в аудитории: стать в затылок по кругу, положив руки на плечи впереди стоящего. Воспроизводить текст в движении, синхронизируя его ритмические центры с шагом..

4. Студенты продолжают историю поездника и сочиняют собственные куплеты, затем декламируют их, акцентируя ритмические центры голосом и движением.

5. Завершить это упражнение может диалог "Мой рабочий день", "Что я делал вчера", "Мои планы на завтра" и т.д. *Задание:* реплики-стимулы и реплики-реакции должны укладываться в заданную ритмическую структуру.

6. Для контроля студентам дается короткий нерифмованный текст на подобную тему для прочтения, а затем рассказать в группах или всему классу о своем рабочем дне: утро, день, вечер.

Конечно же, одного упражнения недостаточно для формирования навыка, но такая последовательность оказалась эффективной в практике преподавания на кафедре перевода и английского языка ХНУ.

ЛІТЕРАТУРА

1. Beebe L. Myths about Interlanguage Phonology. In S. Eliasson (Ed), Theoretical Issues in Contrastive Phonology. Heidelberg: Julius Groos Verlag. 1984. – 200 p. 2. Brown H. Douglas. Teaching by principles: an Interactive Approach to Language pedagogy. - Prentice Hall: Regents, 1994 – 460 p. 3. Canale M. and Swain M. Theoretical Bases of Communicative approaches to Second Language Teaching and Testing. Applied Linguistics. 1980. – 47 p. 4. Maley, Alan. Poem into Poem. – N.Y.: CUP, 1997. – 107 p. 5. Morley, J. Extempore Speaking Practice. Ann Arbor, Mi: The University of Michigan Press. 1991. – 489 p. 6. Rivers Wilda M. (Ed). Interactive Language Teaching – N.Y.: CUP, 1987. – 290 p. 7. Stevens, S. A "dramatic" approach to improving the intelligibility of ITA's. English for Specific purposes. 1989. – 194 p. 8. Wong, Rita. Teaching Pronunciation: Focus on English Rhythm and Intonation. - Prentice Hall: Regents, 1987. – 310 p.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕТАФОРЫ И МЕТОНИМИИ В ВЫРАЖЕНИЯХ, ОПИСЫВАЮЩИХ АКТЫ ИСКАЖЕНИЯ ИСТИНЫ

Потанова Е. И. (Харьков)

Язык отражает структуру мыслительной деятельности человека, а производство и понимание высказываний происходит в рамках структуры процессов этой деятельности. Механизм понимания высказывания основывается на сопоставлении содержащейся в этом высказывании семантической информации с фиксированными универсальными схемами, относительно которых осмысливается некоторое событие, ситуация или факт (2).

Существование в языке метафорической единицы свидетельствует о том, что она является некоторой частью фрейма и должна соответствовать некоторой части схемы – целостной концептуальной структуры, отражающей определенные фрагменты реального мира (1:108).

Цель данной работы – определить, каким образом метонимия взаимодействует с метафорой при создании образных выражений, в которых закреплены метафорические концепты, управляющие нашими действиями. Хотя, в принципе, метафора и метонимия представляют собой различные когнитивные процессы, они не являются взаимоисключающими друг друга. Они встречаются в комбинации в языковых выражениях, употребляемых в повседневной речи говорящим (5:159). Для исследования данного явления использованы образные выражения, в которых целевой областью (target domain) является не/речевой акт искажения истины.

Представители традиционного подхода к метафоре и метонимии дают следующие определения:

• Metaphor – a word is used for something resembling that which it usually refers to; e.g. flood ... poured in, ... in A flood of protests poured in following the announcement (a large quantity ... came in)

• Metonymy – a word is used for some thing related to that which it usually refers to; e.g. eyes in: keep your eyes on the ball [gaze]

• Synecdoche – a word is used for some larger whole of which that which it refers to is a part; e.g. strings in: At this point the strings take over (stringed instruments).

Мы будем считать синекдоху подтипом метонимии. Метонимия отличается от метафоры тем, что метонимия включает сходство по близости, а метафора – сравнение; сходство по близости включает любые ассоциативные отношения, за исключением тех, которые основываются на сравнении (5: 160)

В когнитивном подходе, в отличие от традиционного, метафора и метонимия рассматриваются как когнитивные процессы, где понятие области играет основную роль. Лакофф, например, предлагает следующие определения:

• «metaphoric mapping involves a source domain and a target domain. The mapping is typically partial. It maps the structure in the target domain».

• «a metonymic mapping occurs within a single conceptual domain which is structured by an ICM [=Idealized Cognitive Model] (цит. по 5: 160).

Другими словами, разница между метонимией и метафорой состоит в том, что в метафорическом представлении принимают участие две области, в то время как в метонимии представление происходит в одной области.

Донорские области для концептуальных метафор искажения истины включают следующие сферы человеческой деятельности: дом, работа, сфера обслуживания, развлечения, природа (окружающая среда), человек.

Рассмотрим взаимодействие метафоры и метонимии на примере образных выражений, относящихся к сфере «человек». Анализируемые примеры содержат лексические единицы, которые обозначают части человеческого тела, выполняющие различные функции в описании не/речевого акта искажения истины. Для начала выделим несколько групп, в соответствии с лексическими единицами частей тела, встречающимися в выражениях, для того, чтобы определить, как влияют данные единицы на способ взаимодействия метафоры и метонимии в этих выражениях:

1. части тела, которые могут служить инструментом в речевом акте искажения истины (*to speak with forked tongue, to pull the wool over one's eyes, to throw dust in the eyes of, to lie through one's teeth, to play lip service, to shoot one's mouth off*)

2. выражения, которые содержат лексические единицы, обозначающие части человеческого тела, связанные с головой и не являющиеся инструментами в речевом акте (*to be double-faced, to live on one's wits, false*

face, to speak with one's tongue in *cheek*, to tlak through the back of one's *neck*, to put a good *face* upon the matter)

3. выражения, содержащие лексические единицы, которые обозначают другие части тела (*cheatin' heart*, to pull someone's *leg*, sleight of *hand*, to twist round one's little *finger*, to blow smoke up one's *ass*, etc.)

Так, мы видим, что в анализируемых выражениях встречаются лексические единицы не только тех частей тела, которые принимают непосредственное участие в речевом акте искажения истины.

Рассмотрим способы взаимодействия метафоры и метонимии.

I. Метафора из метонимии

To speak with one's tongue in cheek – saying one thing and meaning another; saying something that one does not seriously mean, or saying the opposite of what one really means (8).

Метонимическая основа данного примера следующая: человек в буквальном смысле помещает язык за щеку, говоря не то, что он на самом деле думает. В такой метонимической интерпретации, в отличие от буквальной, язык за щекой связан с иронией, заложенной в слова говорящего. Однако, как правило, используя в речи выражение «to speak with one's tongue in cheek», мы говорим, что человек сказал что-либо, как будто его язык находится за щекой. В данном случае происходит перенос смысла с исходной области на целевую область, и выражение означает то, что неискренний говорящий не хочет выдавать тот факт, что, на самом деле, он не имеет в виду сказанного.

To pull the wool over one's eyes – to blind a person temporarily to what is going on; to deceive or trick a person (3, 6).

Метонимическая основа – закрыть кому-либо глаза. Лжец обманывает обычно с помощью слов, значить он должен создать «ткань» из слов и с ее помощью закрыть обманываемому глаза. То есть здесь уже происходит перенос значения с исходной области на целевую область, а, значит, появляется метафора: ослепить для того, чтобы обманываемый не увидел правды. Здесь также присутствует еще одна метафора из метонимии: глаза в данном выражении обозначают взгляд. Человек воспринимает большую часть того, что вокруг него происходит с помощью зрения. Глагол «to see» означает также «понимать». Таким образом, если человек видит что-то, что происходит вокруг него, и то, как ведут себя люди, он может понять, соответствует ли то, что они делают и говорят истинному положению вещей. Поэтому выражение «to pull the wool over one's eyes» означает «заблокировать» понимание слушающего.

Аналогичное значение имеет выражение «to throw dust in the eyes of».

Выражения *to palm off* – to pass off fraudulently; the allusion is to jugglers, who conceal in the palm of their hand what they pretend to dispose of in some

other way (3, 4) и *sleight of hand* – skill and speed in handling objects, especially in performing tricks for entertainment (8) являются метонимиями в чистом виде. Выражение «*sleight of hand*» имеет еще одно значение – «*dexterity and cunning in general*». Принимая во внимание только данное значение, мы имеем дело с метафорой из метонимии.

To be double-faced – to be hypocritical, to say one thing and act differently

(3)

Данное выражение можно перефразировать, и тогда буквальное значение будет «*as if having two faces*». Употребляя данное выражение для описания человека, который в аналогичных ситуациях с разными людьми ведет себя по-разному, мы основываемся на его метонимическом значении, при этом слово «*face*» может обозначать определенную мимику, а также, шире, жесты и поведение. При переносе значения с исходной области (поведение) на целевую область (речевое поведение) возникает метафора. И, принимая во внимание метонимическую основу, мы можем утверждать, что мы имеем дело с метафорой из метонимии.

II. Метонимия внутри метафоры

To pull someone's leg – to delude him in a humorous way, lead him astray by chaff, exaggeration (3, 6, 8).

Дословно данное выражение означает «тянуть кого-то за ногу». В донорской области происходит метафоризация: перенос значения на речевой акт искажения истины, означая введение в заблуждение, «указывание направления». Когда человек хочет указать путь, он берет собеседника за руку и ведет. Возможно, в данном выражении нога выполняет функцию руки. Но, поскольку лжец ведет собеседника в ложном направлении, он «тянет его за ногу». Именно нога указывает здесь на то, что ситуация необычна. Нога здесь имеет метонимическое значение «идти» (в неправильном направлении по указанию лжеца).

To shoot one's mouth off – to talk foolishly about what one does not know about or should not talk about (7).

Донорская область – использование оружия по глупости: глупое использование оружия переносится на речевой акт. Слово «*mouth*» обозначает оружие, обладающее такими же свойствами, как и другие виды оружия. Так, происходит метафоризация донорской области. В реципиентной области слово «*mouth*» означает «говорить».

To put a good face upon the matter – to make the best of a bad matter; to bear up under some agreeable skill and speed in handling (3).

Донорской областью здесь является процесс облачения кого-либо в красивую одежду. В целевой области в одежду облачают вопрос, который необходимо представить другим, но по каким-то причинам в истинном

свете его представить нельзя. Сначала надо придать ему определенный вид. Лицо метонимически обозначает общий внешний вид, и в данном примере оно является тем внешним видом, который необходимо придать представляемому вопросу, т.е. его "одеждой". Таким образом метонимия вплетена в метафору.

III. Деметонимизация внутри метафоры

To pay lip service – to support in words, but not in fact; give loyalty, interest, etc. in speech, while thinking the opposite (6).

Данное выражение может показаться на первый взгляд метонимией внутри метафоры. «Paying» предполагает какую-то финансовую операцию. Эта ситуация включает в себя метафору. *Lip service* – service with lips, здесь губы обозначают «говорить», что является метонимией. Однако, для того, чтобы выражение оставалось образным, нам нужно расширить парафразу для «lip service». Мы получаем «услуга, как будто только губами». Так, данная часть фразы теряет свой первоначальный смысл, происходит деметонимизация.

Суммируем вышеописанные примеры:

Способ взаимодействия метафоры и метонимии	Примеры	Принадлежность к группе
Метафора из метонимии	To speak with one's tongue in cheek	1
	To pull the wool over one's eyes	1
	To throw dust in the eyes of	1
	Sleight of hand	3
	To be double-faced	2
Метонимия внутри метафоры	To pull someone's legs	3
	To shoot one's mouth off	1
	To put a good face upon the matter	2
Деметонимизация внутри метафоры	To pay lip service	1

Таким образом, анализ образных выражений искажения истины, содержащих лексические единицы частей тела, показывает, что существует несколько способов взаимодействия метафоры и метонимии в процессе создания таких выражений, причем, как видно из таблицы, данные способы являются неодинаково продуктивными. При этом способ взаимодействия метафоры и метонимии в выражениях, содержащих лексические единицы частей тела, не зависит от самой части тела и от той функции, которую она выполняет в акте искажения истины. Дальнейшие исследования процессов взаимодействия метафоры и метонимии в выражениях, встречаемых в повседневной речи, позволит более четко пред-

ставить те процессы, которые происходят в сознании человека при интерпретации высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Старцева Н.Н. Структурно-семантические аспекты метафор речевой деятельности в современном английском языке // Вестник Харьковск. Ун-та, 1994. - № 362. - с. 107-111.
2. Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Москва, 1983. - вып. 12. - с. 35-74.
3. Brewer's Dictionary of Phrase and Fable - London: Cassell Publishers LTD., 1992.
4. Collins Cobuild Dictionary of Pfrasal Verbs. Harper Collins Publishers, 1995.
5. Goossens L. Metaphonymy // By Word or Mouth: Metaphor, Metonymy and Linguistic Action in a Cognitive Prospective. - Amsterdam / Philadelphia: John Benjamines Publishing Company, 1995. - p. 159 - 174.
6. Longman Dictionary of English Idioms. - Longman, 1979.
7. NTC's Dictionary of American Slang. - Moscow: Russky Yazyk, 1991.
8. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English/ Ed. by A.P. Cowie, R. Mackin and I. R. McCaig, 1983. - Vol. 2. - Oxford University Press.

РЕАКЦИЯ НА ДОСТОВЕРНОСТЬ РЕПЛИКИ-СТИМУЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУССИЙ В ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ ИНТЕРНЕТ)

Потыкина В.Л. (Мариуполь)

Проблема роли и места реакции на достоверность высказывания в системе коммуникации английского языка не разработана. Это обусловлено в первую очередь практической сложностью определения материала исследования. Считается, что высказывание с лингвистической точки зрения не имеет маркеров истинности и ложности. Хотя данное утверждение является слишком категоричным. В лингвистике существуют течения, которые утверждают, что маркеры истинности и ложности высказывания все-таки существуют и широко используются в реакции на достоверность высказывания. Например, в таких фразах, как "It's lie", "You are wrong", "This is true" и др. Как отмечает Де Пауло (10: 323), [Deception] ... may be accomplished at the microlinguistic level through a constellation of linguistic choices, many of which have been identified as part of verbal nonimmediacy

- allness terms: "everyone, always"
- modifiers: "sometimes", "it seeme to me", "it is obvious"
- more group references: "they", "we"

- fewer group references
- more past tense than present."

То, что в своей повседневной жизни люди распознают ложь и реагируют на нее очевидно. Говорящий, подозревая, что его высказывание звучит сомнительно, чтобы подчеркнуть истинность своей речи, активно использует маркеры истинности. Например, "Истинно, истинно говорю вам" (Евангелие).

И уж, конечно, реципиент не только распознает ложь, но и реагирует на нее вербально. Каждый говорящий ежедневно сталкивается с ситуациями, когда ему необходимо отреагировать одним из выражений типа: "I am afraid, it's not so", "I don't think so", "It's a lie". Именно реакция реципиента на достоверность высказывания-стимула и является предметом рассмотрения статьи.

Если маркеры истинности и ложности - направление не изученное в лингвистике, то реакция на достоверность высказывания - более лингвистично выраженное понятие, которое исследуется в ряде работ. Так нам известны работы в этой области Г. Г. Почепцова (5: 79) и Е. Н. Зобены (2: 35).

В настоящей статье материалом для исследования реакции на достоверность реплики-стимула являются материалы виртуальных дискуссий конференций, проводящихся в телекоммуникационной системе Интернет.

Новизна работы состоит в том, что прежде такой материал не привлекался для изучения реакции на достоверность реплики-стимула.

Особенности общения on-line изучены недостаточно. Диалог в Интернет характеризуется следующими особенностями:

- коммуникация асинхронна, т. е. реплика-стимул и реакция на нее отделены друг от друга неопределенно большим промежутком времени;
- коммуникация реализуется в обмене письменными сообщениями;
- коммуникация лишена экстралингвистических средств: мимики, жестов, физических контактов коммуникантов;
- коммуниканты лишены экстралингвистической информации друг о друге: пол, возраст, социальный статус, внешность, голос;
- фокус коммуникации - обмен информацией.

В своей книге "Электронная Почта практическое руководство" Симон Коллин (9: 3), характеризуя особенности электронного общения, называет его освободителем всех молчунов. Как показали проведенные в США исследования, участники общения намного охотнее говорят правду и высказывают свое мнение в общении посредством компьютерных технологий, чем при личной встрече. Отмечается такой эффект on-line общения, как преодоление собеседниками робости и смущения, испытываемых ими во время обычных встреч и бесед. Помимо этого, в ходе общения посредством телекоммуникационных технологий у коммуникантов

многократное повторение слова является способом интенсификации, при-
сущий лишь электронной коммуникации. Маркер оценочного признака
отрицательный, "lie".

Следующий пример взят из дискуссии сторонников и противников са-
нтологии.

*You seem by your posts to be a somewhat combative person... and please
take my word that I mean that in the nicest possible way.*

*This is true, in the nicest possible way, of course. <grin> I will not back
down when someone takes the proverbial two-by-four to my head.*

Формально оценка высказывания положительная, однако паралингви-
стический анализ ответной реплики выявляет ее иронию и оценку выска-
зывания-стимула как не заслуживающего серьезного внимания. Отметим
появление нового средства выражения иронии «grin», которое было бы
неуместно в книге или беседе.

Использование определенных символов для обозначения эмоций ком-
муникантов является яркой отличительной чертой общения с помощью
компьютерных технологий. Такие символы интенсивно применяются в
высказываниях реакциях на достоверность реплики стимула. Например,
положительная или отрицательная оценка высказывания передается особо
выделенными словами <grin>, <smile> или специальными знаками-кар-
тинками, называемыми улыбками. Улыбки выглядят так :-) или :-(. Если
смотреть слева, то можно увидеть, что двоеточие - это глаза, тире - нос, а
скобка - рот.

Причиной применения подобных символов в электронной коммуни-
кации является недостаток экспрессивных средств для передачи эмоций
при сугубо текстовом общении.

Американский исследователь Д. У. Сандерсон (6 : 120) видит причину
появления улыбок в электронной коммуникации в высокой скорости об-
мена сообщениями. Он пишет, что электронным сообщениям "присущ
характер обычного разговора, только без тех визуальных или слуховых
акцентов, которые мы делаем при непосредственном общении... Чтобы
восполнить этот пробел и обогатить сообщения дополнительными инто-
нациями, были придуманы улыбки. Они помогают избежать двусмыслен-
ности."

Интересен для изучения и следующий пример, взятый из дискуссии о
месте благотворительности в американском обществе.

People do not want to be charitable.

Proof, please.

No proof is needed - it's obvious!

Then show us exactly how obviously it is.

[Insert your evidence and facts here, dude.]

Реакцией на достоверность высказывания-стимула является категоричное требование предъявить доказательства, которое повторяется и в последующей реплике.

Рассмотрим еще один пример положительной реакции на достоверность высказывания, который взят из той же конференции.

So what should we do with the extra?

Why not hold Government just as accountable as a private charity when it comes to charitable giving?

Amen.

В данном случае полное согласие с информацией реплики-стимула выражено довольно эмоционально "Amen", что согласно Oxford Advanced Learner Dictionary (7), означает "I certainly agree with that".

Таким образом электронная коммуникация, сохраняя характеристики устной и письменной речи, приобретает особые, присущие только ей черты. Прежде всего это объем времени и пространства, характерный для коммуникации такого вида и то воздействие, которое этот фактор оказывает на организацию текста. Общение посредством телекоммуникационных технологий отличается лаконичностью, вежливостью и откровенностью высказываний. Также этому виду коммуникации присуща склонность опровергать истинность реплики стимула и давать ей честную неприукрашенную оценку, чего обычно избегают в непосредственном общении. Отсутствие у коммуникантов экстралингвистических знаний друг о друге также, как и устного и зрительного каналов общения дает возможность честно реагировать на истинность реплики стимула, не взирая на социальный статус, пол и возраст собеседника. Недостаток эмоционально-выразительных средств компенсируется использованием специальных символов. Особые символы применяются и для избежания двусмысленности в восприятии сообщения. Итак, реакция на достоверность реплики-стимула в виртуальном общении отличается от таковой в письменной и устной коммуникации и требует дальнейшего глубокого изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болинджер Д. Истина - проблема лингвистическая// Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
2. Зобена Е. Н. Речевые реакции на ложные (ошибочные) высказывания// Вестник Харьков. ун-та, 1999. - № 424. С.35-39.
3. Левин Ю. И. О семиотике искажения истины// Информационные вопросы семиотики, лингвистики, автоматического перевода. М., 1974. - Вып. № 4.
4. Морозова Е. И. К вопросу о лингвистике лжи// Вестник Харьков. ун-та, 1992. № 367. С. 108-112.
5. Почепцов Г. Г. Credibility of Utterance// International Conference and Summer School on Cognitive/Communicative Aspects of English. Cherkasy 1999. - P. 79.
6. Сандепсон Д. У. Очепки об Internet// dws@ora.com.
7. Oxford Advanced Learner's Dictionary. - Oxford Press. - 1995.
8. Buller, D. B., Burgoon, J. K., Buslig, A., & Roiger, J. Testing Interpersonal Deception Theory: The

Language of Interpersonal Deception // Communication Theory, 1996. - No. 3. - Vol.6. - P. 268 - 288. 9. Collin, S. E - Mail a practical guide - Butterworth-Heinemann Ltd, 1995. - P. 365. 10. De Paulo, B. M. Stone, J. I., & Lassiter, G. D. Deceiving and detecting deceit//The self and social life/Ed. by B. R. Schlenker. - New York: McGraw Hill, 1985. - P.323. 11. Hall, K. Bucholtz, M. Gender Articulated. -Routledge New York and London, 1995. - P. 467. 12. <http://www.dejanews.com>;

РЕЧЕВОЙ АКТ "ДЕКЛИНАТИВ" В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Пудровская Т.Н. (Харьков)

Деклилатив - это речевой акт (РА), посредством которого говорящий отклоняет просьбу, предложение или приглашение, адресованные ему. Термин "деклинатив" предлагается нами для обозначения РА с иллюкутивной силой отказа. На наш взгляд, данному РА соответствуют английские перформативные глаголы "refuse", "reject", "decline", "turn down".

Отказ продуцируется говорящим не автономно, а как реакция на стимул (приглашение, предложение или просьбу) и является таким образом составной (второй) частью коммуникативных пар "приглашение - отказ", "предложение - отказ", "просьба - отказ". Вторые части коммуникативных пар не равнозначны по степени желательности или предпочтительности: существуют желательные (*preferred*) и нежелательные (*dispreferred*) ответные речевые ходы (4). Отказ является нежелательным речевым ходом: отказывая, говорящий вступает в конфронтацию с собеседником, потому что намерения или желания говорящего противоречат желаниям реципиента. Таким образом, отказ выступает маркером так называемого "конфронтационного дискурса" и по этой причине требует особой поведенческой тактики в англоязычной этнокультуре (5).

Для "спасения лица" адресата говорящему необходимо пытаться "смягчить" или митигировать иллюкутивную силу отказа, используя определенные культурно адекватные и социально стереотипизированные коммуникативные стратегии, в частности, стратегии вежливости. Таким образом, культурно и социально предпочтительными в англоязычной этнокультуре являются митигированные деклинативы, в то время, как прямые (немитигированные) деклинативы считаются неадекватными нормам и стереотипам общения, поскольку они идут вразрез с принципом кооперации речевого поведения. П. Браун и С. Левинсон (2) выделяют стратегии негативной вежливости, направленные на удовлетворение потребности

індивіда в уваженні і при-знанні другими його незалежності, і стратегії позитивної вежливості, направлені на задоволення потреби індивіда в симпатії і одобренні, а також на встановлення соціальних, дружеских відносин між комунікантами. Згідно нашим даним, в англо-американській етнокulturі для митігації РА деклінатива використовуються як стратегії негати-вної вежливості (в частности, изложение причины отказа, выражение почтительности, благодарности, извинения), так и стратегии позитивной вежливости (например, ласковое обращение к адресату, комплимент, выражение одобрения и положительной оценки намерениям адресата, выражение сожаления в связи с необходимостью отказа). Однако, как показывает проведенный нами количественный анализ, стратегии первого типа используются в 1,6 раз чаще, чем стратегии второго типа. Предпочтение англо-американскими говорящими стратегий негативной вежливости в отказе, коррелирует, на наш взгляд, с господствующей в англоязычных странах культурной традицией индивидуализма и автономности личности: *"a tradition which places special emphasis on the rights and on the autonomy of every individual, which abhors interference in other people's affairs, which is tolerant of individual idiosyncrasies and peculiarities"* (6:30).

В англоязычной етнокulturі ступінь митігированності деклінатива регулюється рядом соціопсихологічних факторів, важливішими з яких є наступні:

1. Пол говорящего. Жінки, як правило, негативну реакцію на пропозицію, прохання, запрошення і т.д. формують менше категорично, ніж чоловіки. Більше того, як показали психологічні дослідження, проведені в США, багато жінок відчувають більші труднощі перед необхідністю відмовити співбесіднику, ніж чоловіки. Психологами Гарвардського університету (3) було проведено дослідження психологічного розвитку жінок з дитинства до підліткового віку. Дослідники виявили, що дівчатка не стають "закоріненими" конформістками з народження. До восьми років вони не відчувають проблем з відмовою і ведуть себе грубо і владно по традиційним жіночим стандартам. Але зростаючи, як дівчатка наближаються до перехідного віку, їх все більше поощряють, коли вони говорять "да": матері і вчителі-жінки з кращих побудов хотять навчити дівчаток пристосовуватися. Таким чином, в жінках з дитинства поощряється гнучке поведіння співробітництва. Приклад "жіночого" деклінатива:

(1) *Bernie: Listen, you two, why don't we go somewhere else sometime soon? Maybe Carmel... Lake Tahoe?*

Liz: Bernie, I don't want you to misunderstand, but I don't think we should go to lake Tahoe with you. This is all so wonderful... and I am sure it sounds

crazy to you but I can't do these things with Jane. And if I let you do them for us, what are we going to do afterwards? (Steel).

Пример "мужского" деклинатива:

(2) *Sheila: Why don't you come to San Francisco after you get back from Europe?*

Bernie: I don't think so. I have to look for a job (Steel).

Согласно количественному анализу, 76% деклинативов, продуцируемых женщинами, являются митигированными и только 24% деклинативов носят немитигированный характер, в то время, как из числа деклинативов, продуцируемых мужчинами, только 48 % можно считать в большей или меньшей степени "смягченными".

2. Возраст говорящего. Анализ нашей выборки позволяет заключить, что "детские" деклинативы более категоричны, чем деклинативы, продуцируемые взрослыми, а в некоторых случаях даже грубы по стандартам взрослых. Например:

(3) *Bernie: Why don't we see if we can find your Mom?*

Jane (8-year-old): I'm not supposed to go with anyone (Steel).

В проанализированном корпусе деклинативов, "авторами" которых являются дети и под-ростки, категоричные реакции или отказы с минимальным употреблением "смягчающих" средств составляют 63%. На наш взгляд, это объясняется тем, что личность ребенка еще не полностью социализирована, а, следовательно, дети в меньшей степени скованы социальными нормами и стереотипами (1).

3. Степень знакомства. Степень знакомства определяет степень формальности (неформальности) ситуации общения при симметричных социальных отношениях коммуникантов. Чем ближе знакомы коммуниканты, чем больше сходств в их жизненных установках, ценностях, целях, социальной ориентации, тем более неформальными являются их взаимоотношения. И, наоборот, если коммуниканты встречаются редко, принадлежат к различным социальным группам, не разделяют общих ценностей и пр., их отношения характеризуются формальностью. Проанализируем примеры (4) и (5):

(4) *Tom: I have a proposition to make you. How would you like to come in with us? I don't mean I'm offering you a job. I'm offering you a third share in the business. What do you say?*

Johnny: Why, you're crazy. You don't know a thing about me. What's the matter with you?

Tom: We need help, Johnny. We need a guy like you.

Johnny: Look, Tom. Don't think I'm not grateful for the offer. I am, but it can't be done. Don't get me wrong about this, but frankly I've been in small times too long. I've got to make money. I have a feeling in my bones if I get to

Miami, I'll hit the jackpot. Sorry, Tom, but that's the way it is. And don't think I'm ungrateful (Chase).

Вышеприведенный диалог происходит между поверхностно знакомыми коммуникантами, которые познакомились за несколько дней до проводимой здесь беседы. Таким образом, это пример деклинатива, участники которого не находятся в близких, дружеских отношениях. Формулируя отказ, говорящий использует разнообразные средства митигации высказывания, такие, как выражение признательности, благодарности, сожаления, обстоятельное описание причин отказа, и завершает высказывание повторной благодарностью.

(5) *Ruth: You won't come for Thanksgiving?*

Bernie: I can't. I'll talk to you when I get back from Paris (Steel).

Диалог (5) происходит между матерью и сыном, причем следует помнить, что в англо-американской культуре родители, как правило, не занимают авторитарного положения по отношению к взрослым детям. Следовательно, данный деклинатив - это коммуникативный акт, участники которого находятся в очень близких неформальных отношениях. Как видим, набор средств "смягчения" категоричности высказывания, используемых говорящим, весьма ограничен. Говорящий, выражая негативную часть высказывания в немитигированной форме (*I can't*), далее использует минимум средств митигации в виде встречного предложения.

Из проанализированного количества примеров деклинативов в ситуациях, участники которых находятся в близких, неформальных отношениях, в 64% случаев данный РА характеризуется слабым использованием говорящим средств митигации. Как правило, из всего арсенала средств смягчения категоричности используются один или два приема. Что касается деклинативов, продуцируемых коммуникантами в ситуациях формального знакомства, 71% реакций на предложение являются митигированными и отличаются широким использованием разнообразного арсенала средств смягчения категоричности.

4. Социальная дистанция. Социальную дистанцию мы рассматриваем как асимметричные социальные отношения между коммуникантами, при которых один из коммуникантов обладает властью по отношению к другому коммуниканту. Понятие "власти" трактуется нами как относительное: власть, которой обладает один из коммуникантов в конкретной ситуации общения, может быть как общественно санкционированной, так и несанкционированной. П. Браун и С. Левинсон (2) рассматривают несанкционированную обществом власть как материальный контроль, когда один из коммуникантов контролирует финансовые ресурсы, от которых тем или иным образом зависит жизнедеятельность другого коммуниканта (например, клиент - служба сервиса), а также как физический конт-

роль, когда один из коммуникантов обладает преимуществом физической силы, и с этой позиции может управлять поведением другого коммуниканта (например, насильник - жертва). Общественно санкционированная власть - это власть, официально данная одному из коммуникантов социальными институтами, например: начальник - подчиненный, судья - подсудимый и т.п. Рассмотрим примеры (6) и (7):

(6) *Rosen (boss): For starters, how about letting me take you to dinner tonight?*

Anne (employee): Thank you very much, Mr Rosen, but I'm afraid I can't. My agent wants to talk about an offer for my next film (Deane).

Как видим, подчиненная, отказывая начальнику, использует разнообразные средства митигации высказывания: благодарность, смягченная форма деклинативного компонента, аргументированное описание причины отказа.

(7) *Muzzo (employee): Can I stay?*

Vic (boss): No (Dean).

Руководитель, отказывая подчиненному, говорит просто "нет" в качестве ответа, не ут-руждая себя использованием каких-либо средств смягчения категоричности.

Из проанализированного корпуса деклинативов, продуцируемых коммуникантами, кото-рые обладают неравным социальным статусом, в 89% случаев отказы подчиненных являются смягченными и подчеркнута социально корректными. В них также присутствуют многочисленные и разнообразные средства митигирования отказа. В то же время примерно 63% декли-нативов, в которых адресантом является вышестоящее лицо, а адресатом - нижестоящее, носят категоричный характер.

Таким образом, женщины больше склонны к митигации отказа, чем мужчины. Формаль-но знакомые коммуниканты, а также подчиненные в обращении к вышестоящим лицам ис-пользуют разнообразные средства смягчения нежелательного воздействия отказа. Отказы, про-дуцируемые детьми, отличаются категоричностью по сравнению с отказами взрослых, по-скольку дети в меньшей степени подчиняются социальным нормам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фельдштейн Д.И. Психологические закономерности социального становления ребенка // Советская педагогика, 1989. - № 5. - с. 7-22.
2. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage // Cambridge University Press, 1987. - 345 p.
3. Kling S. How To Break A "Yes-habit" // Mademoiselle, 1994. - № 16. - p. 54-61.
4. Levinson S. Pragmatics // Cambridge University Press, 1983. - 420 p.
5. Salzman A. Oh, Dam, I'd Love To Come But I Already Have Plans: TV Invitations As Conversational Models // IDEAL, 1989. - № 4. - p. 74-86.
6. Wierzbicka A. Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction // Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1991. - 510 p.

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ КАК СРЕДСТВО ПРАГМАТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Ребрий А.В., канд. филол. наук (Харьков)

Объектами прагматического анализа традиционно выступают высказывание, речевой акт, предложение. Подобный подход фактически предал забвению первоначальное определение прагматики как дисциплины, исследующей отношение говорящих к **знакам** и вытеснил слово из парадигмы прагматических исследований. Однако, как справедливо отмечает В.Н.Телия, нам не следует забывать тот простой и очевидный факт, что «текст создается из **чего-то** и это **что-то** (единицы языка) и передает смыслы, создающие прагматический эффект» (10:7). Таким образом, «единицы словаря могут и должны представлять собой заготовки не только номинативной, но и прагматической деятельности» (Ibid.).

Прагматика слова призвана изучать правила выбора и употребления языковых единиц с целью воздействия на сознание и поведение адресата. Такие правила рассматриваются с позиции говорящего и в соответствии с условиями коммуникации (1:27). Главной задачей прагматики слова является поиск ответов на вопросы «С какой целью употребляется слово?» и «При каких условиях правомерно употребление данного слова с данной целью?». В свою очередь лексические единицы, превращаясь в объект прагматического исследования, уже не могут выступать в традиционной роли «ярлыков, закрепляемых за предметами», а должны рассматриваться как «орудия, посредством которых мы совершаем действия», поскольку «говорить не всегда значит называть или сообщать», но также «совершать действие» (7:162-163).

Сущность поставленных прагматикой слова задач предполагает функциональный подход к их решению как наиболее удачный (см.:5). Слово как единица речи способно реализовывать прагматическую функцию, т.е. выступать в качестве средства воздействия на адресата и регуляции его поведения, а также выражения чувств и эмоций говорящего за счет прагматического компонента семантической структуры.

Системное изучение семантики единиц лексического уровня дает возможность разделить слова на две группы в соответствии с их коммуникативными характеристиками. К первой относятся единицы, предназначенные преимущественно для передачи собственно информативного (когнитивного) содержания и обладающие потенциальной прагматичностью, способной актуализироваться только в определенном контексте и при оп-

ределенной целеустановке конкретного акта речи. Ко второй группе относятся единицы, соединяющие в своем значении когнитивный компонент с прагматическим. Их прагматичность носит ингерентный характер и проявляется в каждом акте их словоупотребления.

Что же скрывается за понятием «прагматический компонент семантической структуры»? Большинство исследователей единодушно относят к его составу закодированную в языковой единице информацию об отношении говорящего к действительности, к содержанию сообщения и к адресату, что позволяет определить как прагматические экспрессивные, эмоциональные и аксиологические элементы значения (см.: 5, 10).

Недавний рост интереса к инновационной проблематике закономерно привел к необходимости исследования прагматического аспекта новых слов вообще и окказиональных новообразований, в частности. Под окказиональными инновациями в данной работе мы будем понимать «всі новоутворення, що не увійшли на даний момент до складу лексичної системи мови і внаслідок цього мають такі риси, як належність до мовлення, нерегулярність вживання, утворюваність, ненормативність, контекстуальна залежність, новизна / незвичність, прагматична маркованість» (9:6). Как видно уже из самого данного определения прагматичность присуща окказионализмам как классу лексических единиц и во многом обусловлена их речевым характером. Являясь одновременно средством номинации и средством воздействия, окказионализмы прежде всего предназначены для выполнения определенных прагматических задач (привлечение внимания, создание эффекта новизны и неожиданности, оценка, эмоциональная разрядка и эмоциональное воздействие и т.д.). Прагматический компонент семантической структуры окказионализмов играет преимущественно доминирующую роль по отношению к когнитивному, поскольку появление окказиональных инноваций в речевой цепи носит вероятностный характер, а передаваемое ими содержание легко может быть реализовано узуальными средствами.

Из перечисленных выше характеристик, определяющих сущность прагматического компонента семантической структуры слова, в отношении окказионализмов, безусловно, лидирующую роль играет экспрессивность, свойственная всем единицам данного класса.

Понятие языковой экспрессивности отличается широтой и объединяет целый ряд свойств, обеспечивающих «не-нейтральность, деавтоматизм» речи, придающих ей необычность, «а тем самым и выразительность, связанную с тем, что сигнал, передаваемый языковым выражением, усилен и тем самым выделен из общего потока» (11:7).

Соответственно в структуре прагматического компонента окказиональной инновации экспрессивность может быть представлена рядом элемен-

тов, основними из которых являются новизна и непривычность для восприятия. Являясь облигаторными для всех единиц класса, данные качества в то же время носят наиболее «уязвимый» характер, поскольку исчезают в процессе узуализации инноваций и не обладают способностью закрепиться в семантической структуре слова и приобрести инкорпорированный характер.

Прагматическая действенность экспрессивных элементов основана на механизме ориентировочного исследовательского рефлекса, когда реакция адресата на экспрессивное воздействие окказионализма является первым и очень важным звеном в цепочке поведенческих реакций, стимулирующим его дальнейшие действия.

По мнению В.И.Заботкиной (3:33), экспрессивные характеристики нового слова могут служить стимулом, побуждающим реципиента к участию в коммуникации, поскольку «введение нового слова заставляет слушающего помыслить о возможном значении слова, создает интеллектуальное напряжение, посредством которого читающий (слушающий) вовлекается в совместное когнитивное пространство широкого контекста».

На наш взгляд, не существует принципиальных отличий прагматического характера при употреблении окказионализмов в ситуациях диалога, имитирующих непосредственное общение, и в авторской речи. И в том и в другом случае говорящий может ставить задачу за счет эффекта новизны и оживления речи привлечь внимание адресата и тем самым заинтересовать его в передаваемой информации и/или самом себе. Предполагается, что за непосредственной реакцией (удивление, недоумение, заинтересованность, заинтригованность), вызванной экспрессивными свойствами окказионализма, последуют ответные действия индивида, отражающие его реакцию на саму полученную информацию: ее принятие или неприятие, согласие или несогласие с предполагаемой интерпретацией событий, оценкой, позицией и пр.

Диалог как форма репрезентации непосредственного общения предполагает эксплицитно выраженную реакцию на экспрессивное воздействие окказионализма:

"As you are no doubt aware, 1986 has been designated Industry year by the Government. The DES through the UGC, have urged CVCP to ensure that universities throughout the UK —"

"He does love acronyms, doesn't he," Philip murmurs.

"What?" says Pamela.

"All the initials" says Philip.

"It's supposed to save paper and typing time," says Pamela. "We had a memo round about it. Acrowhatsits to be used whenever possible in university correspondence"(Lodge).

"I wish you'd put that question to the vice-chancellor, Rupert," says Philip. "What has the FA to do with IY, or IY with the FA?"

"I am sure I don't know what you are talking about."

"Just my little joke," says Philip to Sutcliffe's departing back (Lodge).

В приведенных примерах мы также наблюдаем явление, известное как угроза сбой коммуникации вследствие нарушения одного из основных постулатов Кооперативного Принципа Грайса: «Выражайся ясно» («Избегай непонятных выражений» и «Избегай неоднозначности») (2:223). Обязательным условием успешного продолжения коммуникации в данном случае является эксплицитная семантизация новообразования:

"And Myrna, the girl who married John Walsh, she couldn't touch you in the looks department. You'll grab a pay one night anyway."

"A pay... what?"

"Guy... maybe even a husband," the girl looked back at Ann's application. "Say, where did you come from? It's in America, isn't it?" (Susann).

Если целью говорящего является привлечь внимание собеседника к своей личности, то действенность экспрессивной семы обычно усиливается оценочной:

"My grandfather, my father, and me," Ruther said. "Three generations and three occupations. The three words? A pedlar, a poodler, and a piddler. I was the piddler." Hawes smiled. He had the feeling that Ruther had used these words many times before, and that his seeming originality was not at all spontaneous. He felt none the less, that it was clever – and so he smiled (McBain).

Необходимо отметить, что количественное соотношение числа окказионализмов в различных видах и формах речи показывает их нехарактерность для ситуаций диалога. По данным некоторых исследований (см.: 9), менее 20% окказионализмов входят в состав ситуаций непосредственного общения. Как нам кажется, это отчасти противоречит бытующему мнению о том, что в разговорной речи (осуществляемой в форме диалога) в процессе повседневной коммуникации появляются и, не будучи зарегистрированными, исчезают без следа многочисленные инновации (12:64). Подобная точка зрения представляется достаточно спорной, поскольку, во-первых, противоречит нормам и постулатам речевого общения, а во-вторых, не соответствует ряду положений когнитивной теории порождения речи.

Лексическая инновация, по нашему мнению, всегда представляет собой результат определенных творческих усилий, осознанной и целенаправленной речемыслительной деятельности, требующей высокой языковой компетенции и развитого внутреннего лексикона. Вряд ли можно со-

гласиться с утверждением о том, что когда «человеку нужно слово, оно наивно, стихийно, легко срывается у него с языка; он даже не знает, не задумывается, слышал ли он его или сочинил» (Горнфельд 1927, цит. по: 6:69). Очевидно сама специфика окказионального словотворчества, предполагающая комплекс сложных речемыслительных операций, часто оказывается несовместимой с ситуацией диалога / непосредственного общения, когда «свобода говорения вступает в противоречие с регламентированными способами отсылок» (8:49). Помимо этого определенные ограничения на процесс окказионального словотворчества оказывает неоднозначная позиция говорящего сообщества в отношении языкового новаторства, поскольку «рядовой носитель языка, не являющийся писателем или ученым-экспериментатором, должен играть относительно пассивную роль в процессе словотворчества» (14:1532). В противном случае он становится объектом критики, поскольку «создание инноваций выступает аспектом языкового пользования, наиболее подверженным цензуре» (Ibid.).

Проанализируем особенности экспрессивной реализации окказионализмов в авторской речи. Основной целью говорящего при включении инноваций в авторскую речь, так же как и в диалог, является привлечение внимания на основе эффекта новизны и оживления речи. Однако поскольку авторская речь характеризуется пассивным и опосредованным восприятием, употребленные в ней окказионализмы рассчитаны не на конкретного адресата, а на любых потенциальных участников коммуникации.

О стремлении автора достичь эффективности прагматического воздействия свидетельствует тенденция к употреблению окказионализмов на ключевых для восприятия текста участках речевой цепи, например, в качестве / в составе заголовка публикации, названия рубрики периодического издания, подписи к рисунку / карикатуре:

Cyberscope (Рубрика в журнале *Newsweek*);

It's Robotuna (Заголовок статьи о роботе в форме рыбы для исследования океана);

Teacher to pupils: "Now let's pull on our snow suits and go outside and make snowmen, or snowwomen, or snowgays" (Подпись к юмористическому рисунку в журнале "Spectator").

Благодаря высокой прагматической эффективности окказионализмы приобретают все большую популярность в языке рекламы. Ориентированность рекламных текстов на стимулирование покупательского спроса предполагает наличие в них особых механизмов языкового воздействия и соответствующих средств их реализации. Окказионализмы, экспрессивные свойства которых носят ярко выраженный характер, идеально подходят для данной цели. Обязательным условием, определяющим «умест-

ность» употребления окказионализма в рекламе, должна быть прозрачность семантической структуры, гарантирующая адекватную интерпретацию без эксплицитной семантизации, за счет значения компонентов и возможности свободно проанализировать ход словообразовательного процесса:

Waterproof? – *Yes.*

Boysproof? – *No!*

Сила прагматического эффекта прямо пропорциональна степени проявления в нем тех или иных экспрессивных свойств, в том числе новизны и непривычности для восприятия. Однако существует мнение, что новообразования, созданные по типовым словообразовательным моделям с соблюдением всех норм словообразования и имеющие в своем составе уже знакомые реципиенту компоненты, могут быть вовсе лишены оттенка новизны и непривычности (см.:4). Тем самым наличие у них экспрессивных характеристик и, соответственно, выполнение прагматической функции ставятся под сомнение.

Данная проблема, имеющая для нас принципиальное значение, не может быть решена столь однозначно. Более приемлемой мы признаем позицию, согласно которой носители языка способны выделить в потоке речи инновацию, независимо от ее структурных и/или семантических особенностей. При этом даже если адресат не ощущает собственно новизны окказионализма, он все равно реагирует на него, как на единицу, выходящую за рамки повседневной коммуникации. Такая реакция аналогична восприятию индивидом других «редких» слов (архаизмов, книжных, иностранных и пр.); она сопровождается ощущением необычности, непривычности, за счет чего и реализуется экспрессивно-прагматическое воздействие новообразования. Подтверждение данной точки зрения находим у Дж.Лича. Анализируя окказиональные прилагательные *findable, triable, gettable*, он отмечает, что несмотря на полное соответствие данных единиц нормам английского словообразования, они все же не являются частью словарной системы языка и, возникая в речи, сопровождаются оттенком непривычности, новизны, комичности и т.д. (13:213).

Одним из важных экспрессивных элементов в семантической структуре ряда окказиональных единиц является необычность, обусловленная нетипичностью формально-семантической структуры с позиций стандартной морфологической и семантической комбинаторики данной языковой системы, а также валентностных характеристик соединяемых компонентов (например, избыточность структурных компонентов, отсутствие четкого морфологического членения между ними, принадлежность базовых морфем к разнородным лексико-семантическим разрядам и т.д.). Таким образом, к разряду «необычных» можно отнести практически все

инновации, созданные на основе второстепенных способов словообразования, традиционно характеризуются как «непредсказуемые» и «преимущественно окказиональные» (12).

Дополнительным средством экспрессивно-прагматического воздействия ряда окказиональных единиц выступает их образный характер. Исходя из специфики данной работы, образность определяется нами как один из «макро элементов» семантики, благодаря которому «экспрессивность достигается ассоциативно-образной связью «исходного» представления с обозначением вторичного наименования» (11:24). Образные инновации обладают большей силой прагматического воздействия, чем безобразные за счет конкретного, наглядно-чувственного сопоставления двух понятий или замены одного понятия другим:

Since the death of his sister, Karen, Richard has been compiling, re-releasing and feeding our huge appetite for anything to do with the group he started with his young sister. "I'm the flame-keeper," he says proudly (Sunday Telegraph).

Образность обычно совмещается с оценкой. По мнению Л.А.Киселевой (5), образность предстает как своеобразный усилитель (сенсibilизатор) других типов прагматической информации. «Поэтому именно переносное значение с яркой образностью... обладает большой экспрессией, усиливающей эмоционально-оценочную, эстетическую и другие виды языковой информации» (Ibid.: 24).

Проведенное исследование позволяет нас прийти к выводу о том, что экспрессивность в структуре прагматического компонента окказиональной инновации представлена рядом элементов как облигаторного (новизна, непривычность для восприятия), так и факультативного (необычность структурно-семантической организации, образность) характера. Благодаря наличию экспрессивных сем окказионализмы способны создавать эффект новизны и оживления речи, выступая в роли коммуникативного стимула и сенсibilизатора других видов языковой информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова. – Ташкент: Фан, 1988. – 119с.
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С.217-237.
3. Заботкина В.И. Семантика и прагматика нового слова: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1991. – 51 с.
4. Залевская А.А. Специфика единиц и механизмов индивидуального лексикона // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста: Межвуз. тем. сб. науч. тр. – Калинин: Изд-во КГУ, 1988. – С. 5-15.
5. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 160 с.
6. Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. – М.: Наука, 1963. – 152 с.
7. Ноуэлл-Смит П.Х. Логика прилагательных // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс. – 1985. – Вып. 16. – С.183-195.
8. Почепцов Г.Г. (мл.) Коммуникативные аспекты семантики. – Киев: Вища шк., 1987. – 129 с.
9. Ребрій О.В.

Оказіоналізми в сучасній англійській мові (структурно-функціональний аналіз): Автореф. дис. ...канд. філол. наук. – Харків, 1997. – 18 с. 10. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143с. 11. Телия В.Н. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – 214с. 12. Bauer L. English Word Formation. – Cambridge: Cambridge University Press, – 1983. – 296p. 13. Leech G. Semantics. – London: Penguin Books, 1991. – 383p. 14. Quirk R. Comprehensive Grammar of the English language. – London: Longman, 1985. – 1779p.

“ДЗВОНИ” Е.А.ПО В ПЕРЕКЛАДІ В.КОПТІЛОВА

Рихло О.П. (Чернівці)

Поезія Е.А.По “The Bells” справедливо вважається одним із найдовершеніших творів письменника. Цією славою “Дзвони” завдячують як обраній темі, логічній побудові вірша, так і зовнішньо-формальним характеристикам, в першу чергу, своїй фоносемантиці. З іншого боку, популярність поезії, яка послужила взірцем для численних наслідувань якщо не обраної тематики, то, принаймні, техніки, призвела до нівелювання її художньої вартості в очах багатьох критиків, особливо американських, які відзначають, що “досить стандартними є постійні звертання до домінантного образу, як, наприклад, звуку в “Дзвонах” По...” (5:200). Незважаючи на це, вірш не втрачає своєї привабливості в очах читачів і, що важливо, перекладачів.

Власне кажучи, “Дзвони” насичені улюбленою Е.По екзистенціальною проблематикою. Вірш складається з чотирьох строф, кожна з яких має свій відтінок. Так, у першій частині йдеться про веселе, безтурботне дитинство, друга, що присвячена молодості і радості одруження, має піднесено-ліричний настрій. У третій строфі акценти різко зміщуються – приходить непевна, підступна пора життя людини, її старість, четверта строфа найтрагічніша, позаяк має відношення до смерті. Змінюється настрій – змінюється і значення дзвонів, проходячи етапи від дзеленькаючих бубонців на санчатах, через весільний мелодійний передзвін, до набату, який б’є на сполох і, нарешті, до траурного подзвону.

Відповідно до розвитку фабульної основи Е.По підбирає і лексичний матеріал. У першій строфі дзвіночки срібні (*silver*), і приносять вони радість, утіху, задоволення (*merriment, delight*) милими для вуха звуками (*tinkle, jingle, tintinabulation*). Приємні асоціації викликає підбір словника другої строфи: “*a world of happiness*”, “*balmy air of night*”, “*molten-*

golden notes", "euphony", "rapture", "the rhyming and the chiming" і т.ін. Третя строфа сповнена тривоги: "alarum", "terror", "turbulence", "affright", "anger", дзвони відлунюють різкими звуками: "clang, clash and roar", "twanging", "clanging", "jangling", "wrangling", "the clamor and the clangor". Скорбота четвертої строфи виражається такими словами: "monody", "muffled monotone", "throbbing", "sobbing", "the moaning and the groaning", "tolling", "knell" та ін.

Зауважимо, що навіть на незначній кількості наведених прикладів чітко видно, як змінюються фонетичні характеристики кожної частини вірша. Цікаве і змістовне дослідження семантичної значимості звукової палітри "Дзвонів" було проведене Л.Лебле (1). У своїй статті автор спробував "зіставити загальний зміст твору, його емоційний настрій зі статистичними характеристиками звуко-буквенної форми і зробити висновки стосовно кореляції цих явищ" (1:82). Зауважимо одразу, що в цьому дослідженні розглядаються саме літери як графічні виразники звукової форми. Автор статті пояснює правомірність такої позиції наявністю в англійській мові графічної рими – "come-home", "now-grow", "poor-door" та ін. Построфна статистика найбільш уживаних голосних і приголосних та їх буквенних відповідників така: 1) i, l, m, k, t, v; 2) o, g, l, d, w; 3) a, r, c [k], p, f; 4) o, l, p, f. Проаналізувавши емоційне забарвлення кожної строфи у поєднанні з вирахованою частотністю звуко-буквенного матеріалу, Л.Лебле доходить висновку, що у "Дзвонах" одні звуки мають змістовність, яку можна охарактеризувати набором ознак типу "світлий, мажорний": i, l, m. Для змістовності інших прийнятні ознаки "сильний, енергійний": a, r, k, c [k]. До "мінорних, темних" можна віднести o, p, f. Голосний "o" може бути також ліричним, урочистим (у нього висока частотність в другій строфі вірша) (1:88). Зауважимо, що за шкалою "мажорний-мінорний" голосні розподіляються подібно до розміщення за рядами "передній-задній". До приємних звуків, здатних улашувати слух, зараховано і сонанти l, m. З цього погляду вельми цікавим є свідчення М.Новикової, яка говорить про бурхливе захоплення звуковими каскадами "Дзвонів" та можливостями їхнього відтворення у чужомовних інтерпретаціях видатного українського перекладача М.Лукаша: "Лукаш роздобув Едгара По в угорських перекладах і смакував "Дзвони", аж захлинявся від фонетично п'яних ("сок харанг сок харанг, гелінг-галанг, гінгаланг") рядків Бабича" (2:133).

З'ясувавши для себе значення звуко-буквенного матеріалу оригіналу, звернімося до одного з українських перекладів цього твору, який належать Віктору Коптілову (1972) (4). Принагідно зауважимо, що існує ще один переклад "Дзвонів", виконаний Василем Щуратом на початку ХХ століття. Ми зупинилися саме на версії В.Коптілова, позаяк вона, будучи

виявом сучаснішого підходу до перекладної поезії, відрізняється від своєї попередниці більшою чіткістю у дотриманні форм та змісту. Звернімося до самого перекладу:

Слухай санок передзвін –
Срібний дзвін!
Скільки сміху, скільки світла нам віщує він!
Тільки дінь, дінь, дінь
У ясну морозну ніч!
Зорі сяють у глибінь,
Промінь лине в темну тінь
І летить до наших віч.
Відгомони лун,
Наче строфи давніх рун,
У музичнім передзвоні стрівся з тоном тон без змін.
Слухай дзвін і знову дзвін,
Дзвін, дзвін, дзвін –

Мелодійний і веселий передзвін (4:185).

У перекладі В.Коптілова, наголошує В.Радчук, звук “і” “ніби осяває значенням “дзвін” інші слова – він складає третину всіх голосних і половину всіх наголошених” (3:28). Гадаємо, В.Радчук зачепив досить цікаву тему, яку не враховано у Л.Лебле – наголос. На нашу думку, наголос – важливий фактор акцентуації звуку. Так, скажімо, у другій строфі частотність звуку “е” за таблицею Л.Лебле, порівняно з першою строфою, дещо нижча. (Користуючись цифрами Л.Лебле, неважко також обчислити, що частота вживання “е” в першій строфі становить 3,64 одиниці на рядок (51 “е” на 14 рядків), тоді як у другій строфі – лише 2,71 (57 “е” на 21 рядок). Тобто різниця становить майже одиницю.) Втім, разом з “о” він складає один з опорних голосних другої частини вірша. Це відбувається саме за рахунок збільшення кількості наголошених “е” відносно загальної кількості, що призводить до емпатизації голосного. Тому, на наш погляд, при фоносемантичному аналізі вірша “The Bells” варто пильніше придивлятися саме до співвідношення однотипних наголошених і ненаголошених голосних.

Варто також зауважити, що у В.Коптілова, як і в першотворі, рима дзвінка й енергійна. Перекладач знаходить досить вдалі еквіваленти зі звуком “і”: “передзвін”, “дзвін”, “дінь, дінь, дінь”. Український інтерпретатор дотримується принципу еквілінеарності й оригінального малюнку рим: aaabcbccddaааа.

У другій строфі “Дзвонів”, як і в першотворі, перекладач акцентує на голосних “о” та “е”, до того ж намагається посилити евфонію алітерацією “л”:

Слухай-но весільний дзвін,

Злотий дзвін!

Скільки щастя і блаженства нам віщує він!

В запашну весняну ніч

Шле він свій веселий клич!

Переливний лється спів –

Усе бринить!

Спів про щастя світлих днів.

Він голубку так заворожив

В ніжну мить!

З тонкодзвонних келій лить

Плинний струмінь дон-дон-дон, дзюркотливий дін-дін-дін! (4:185)

Досить вдало передає В.Коптілов характеристики музики дзвонів. В оригіналі це “molten-golden notes”, “liquid ditty floats”, “swell”, “well”, а в перекладі “переливний лється спів”, “плинний струмінь”, “лине”, “плинним ладом-звукоспадом лине дзвін” та ін.

Третя строфа вірша дещо відрізняється від усіх інших, оскільки тут, на думку В.Радчука, “музика поступається роллю домінанти просторовому зображенню, залишаючись акомпанементом, причому досить важливим, як показує, наприклад, звукоряд і ритміко-інтонаційна напруженість такого ось уривка – б’ють пожежні дзвони” (3:29):

*In a clamorous appealing to the mercy of the fire,
In a mad expostulation with the deaf and frantic fire,*

Leaping higher, higher, higher,

With a desperate desire,

And a resolute endeavor

Now – now to sit, or never,

By the side of the pale-faced moon (6:1156).

В.Коптілов, здається, впорався з таким поворотом. У нього є й алітсрації – “Глибше тон у темну тонь”, і асонанси – “Він скорботно закликає змилюсередитись вогонь”, і сила виразу. Проте в оригіналі такі слова як “twanging”, “clanging”, “jangling”, “wrangling”, “clash”, “clamor” та деякі інші особливим чином інструментовані – йдеться про звук [æ], який часто поєднується з [ŋ] – обидва відсутні в українській мові. Саме така комбінація забезпечує ефект калатання, бамкання, бевкання (звернімо увагу на ониматопею в цих українських словах) мідних дзвонів. На жаль, дану особливість не відтворено в перекладі. На це є, мабуть, і об’єктивні причини. Слово “brazen” вже само по собі створює необхідне враження, тоді як українське “мідний” – фонетично, а отже й поетично, нейтральне. Звичайно, не всі наведені англійські слова безпосередньо виражають дзвін, але у вірші вони є контекстуальними синонімами, що додатково підсилюється схожою звукосемантикою.

У четвертій, “скорботній”, строфі підбір звуків української версії В.Коптілова чітко відповідає авторському задумові:

Слухай-но повільний дзвін,
Чорний дзвін!
Скільки дум гірких, самотніх нам віщує він!
Дзвін залізний в ніч німу
Монотонно креше тьму,
І погрозу всім несе суворий звук.
Рине, рветься над землею
З горла точеного ржею,
Стогін мук (4:187).

Тут В.Коптілов досить вдало поєднує голосні заднього ряду “о” та “у”, створюючи ефект смутку та скорботи (згадаймо тичинівське “роко-тан-ня, ридання бандур”) з африкатами “ч”, “щ”, “дз” та деякими глухими – [к], [х], [с], [ш]. Водночас в останній строфі він дещо додає й від себе. Так, він вводить порівняння дзвону зі звіром і надто згущує фарби:

Рве він дзвоном даль і шир,
Дзвін реве, мов дикий звір,
Звір!
Рине хижий дзвін –
І зайшовся сміхом він.
Грізно рине хижий дзвін –
Він танцює світу скін (4:187).

Необхідно зазначити, що в оригіналі подібні образи відсутні. Трапляються й інші заміни, хоча й не такі радикальні. Однак В.Коптілов не втрачає виразності. Власне кажучи, своїми тлумаченнями він її навіть підсилює.

Дослідники вказують на важливість каскадів звукових та синтаксичних конструкцій зі змінними елементами (3:29-30): 1-а строфа: *Hear the sledges with the bells – / Silver bells! / What a world of merriment their melody foretells!*; 2-а строфа: *Hear the mellow wedding bells, / Golden bells! / What a world of happiness their harmony foretells!*; 3-я строфа: *Hear the loud alarum bells – / Brazen bells! / What a tale of terror, now, their turbulency tells!*; 4-а строфа: *Hear the tolling of the bells – / Iron bells! / What a world of solemn thought their monody compels!* (6:1164–1166).

У наведених вище прикладах впадає у вічі передусім регулярна симплока – поєднання анафори “*Hear*” та “*What*” з епіфорою “*bells*” та “*(fore)tells*” Така строфічна симплока відтворена й у перекладі:

Слухай санок передзвін –
Срібний дзвін!

Скільки сміху, скільки світла нам віщує він!

Слухай-но весільний дзвін,

Злотий дзвін!

Скільки щастя і блаженства нам віщує він!

Слухай-но тривожний дзвін –

Мідний дзвін!

Скільки горя, скільки лиха нам віщує він!

Слухай-но повільний дзвін,

Чорний дзвін!

Скільки дум гірких, самотніх нам віщує він! (4:185-187).

Перекладач зберігає і повтор рядків *"Keeping time, time, time, / In a sort of Runic rhyme"* – *"Відгомони лун, / Наче строфи давніх рун"*, які зустрічаються у вірші декілька разів.

Як бачимо, В.Коптілов успішно здолав не один поворот авторської думки, поборов не один вигадливий поетичний прийом Е.По – в більшості випадків збережений звуко символізм, відтворені численні повтори, чітко спостерігається бажання перекладача максимально наблизитися до еквілінеарності та ритмо-метричних особливостей першотвору. Чітко відтворена і концепція вірша. В окремих нечисленних випадках В.Коптілов дозволив собі додати дещо і від себе – часом цілком доречно і художньо вмотивовано, але подекуди трохи довільно. Попри всю складність проблеми, перекладач володіє талантом і досвідом, завдяки якому можна було б трошки активніше скористатися з ономапоетичних ресурсів української мови (скажімо, в третій строфі). Залишається сподіватися, що переклад "Дзвонів" В.Коптілова, при всіх своїх беззаперечних досягненнях, не стане останньою українською версією всесвітньо відомого твору Едгара По.

ЛІТЕРАТУРА

1. Лебле Л.О. Статистический анализ значимости буквенной формы в поэме Эдгара По «Колокола» // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград, 1976. – С.82-88.
2. Новикова, Марина. Хусточка // Всесвіт, 1990. – №12. – С.130-135.
3. Радчук, Віталій. На жертovníку мистецтва // "Хай слово мовлено інакше...". – К.: Дніпро, 1982. – С.19-40.
4. Співець. Із світової поезії кінця XVIII – першої половини XIX сторіччя: Збірка / Упорядкував Г.Кочур/. – К.: Веселка, 1972. – 253 с.
5. Guerin W.L., Labor E.G., Morgan L., Willingham J.R. A Handbook of Critical Approaches to Literature. – New York, Hagerstown, Philadelphia, San Francisco, London: Harper & Row Publishers, 1979. – 350p.
6. Poe, Edgar Allan. The Complete Works of Edgar Allan Poe. – Ann Arbor: Tally Hall Press, 1997. – 1268 p.

НЕЗГОДА НА ЗВИНУВАЧЕННЯ У ДІАЛОЗІ-КОНФЛІКТІ

Рудик І.М. (Житомир)

В залежності від типу установки, якою керуються комуніканти в діалогічному мовленні, висловлювання, як відомо, може належати до однієї з двох гілок: спрямованої на співпрацю та спрямованої на конфлікт. Відповідно, розрізняємо і два типи негопозитивної реакції у діалозі: згода (незгода) - співпраця та згода(незгода) - конфлікт. Ці типи діалогу відрізняються інформаційним змістом, лексичним наповненням та інтонаційною оформленістю. Так, категорична незгода, заперечення притаманна діалогу-конфлікту:

THE FLOWER GIRL. *Ow, eez ye-ooa son, is e? Wal, fewd don y' de-ooty bawmz a mather should, eed now bettern to spawl a pore gel's flahrzn than ran awy athaht pyin. Will ye-oo py me f'them?*

THE DAUGHTER. *Do nothing of the sort, mother. The idea!* (B.Shaw)

LIZA. *And I should like Professor Higgins to call me Miss Doolittle.*

HIGGINS. *I'll see you damned first.* (B.Shaw)

Висловлювання, які виражають незгоду в менш категоричній формі, вживаються у діалозі-співпраці, наприклад:

"Should I go to the door?"

"Better not", Gallagher said. (J.Redgate)

KAY: *...Are you building Jerusalem — in England's green and pleasant land?*

MADGE: *Possibly not.* (J.B.Priestley)

При класифікації аналогічним чином позитивів звертає на себе увагу той факт, що, на відміну від негативів, висловлювання зі значенням категоричної згоди, підтвердження вживаються у контексті діалогу-співпраці (а не діалогу-конфлікту, як у випадку з категоричними негативами), наприклад:

"I hate long stories, don't you?"

"And how!" said Collis. (F.Scott Fitzgerald)

"But I'm worried about you, Daddy".

"Why, Angelica?"

"Because you're going to miss me".

"A lot. God damn it! One hell a lot." (J.Krantz)

Позитиви менш категоричної форми часто надають процесу спілкування відтінок діалогу-конфлікту, наприклад:

"...If we're lucky, there may be some exposed film somewhere in that litter. And if we're really lucky there might be a face on it." "Ramsey's face?" Gallagher asked. "*Could be*", MacNeal said. (J.Redgate)

Конфліктність у наведеному діалозі виникає через невиконання (або неповне виконання) комунікантом 2 функцій, покладених на нього комунікантом 1: стимульне запитання "*Ramsey's face?*" потребувало або підтвердження запропонованої інформації, або її заперечення. Реактивну репліку "*Could be*" можна віднести як до групи підтвердження, так і до групи заперечення. Аналогічне явище спостерігаємо і в наступних прикладах діалого-конфлікту з категоричним позитивом у реактивній репліці:

Without touching it, Sam read it from a distance. "So I sign up again with Kravitz and Bane". "*Sort of*". "What do you mean, sort of? Says right here I agree to let those Jews represent me again. It took me forever to fire them, and, hell, I wasn't even paying them". "...You'll never see those guys unless you want to". (J.Grisham)

У наведеному прикладі розвиток діалогу після виділеного позитиву ілюструє протікання діалогу як конфліктного.

А.Померанц (3), описуючи діалог-співпрацю та діалог-конфлікт, вживає терміни "**дружня розмова**" та "**суперечка**" (*friendly conversation and dispute*). Визначені нами вищезгадані характеристики є базовими для таких видів спілкування; однак, непоодинокими є випадки, коли, задля надання висловлюванню більш емоційного звучання використовуються й деякі інші, оказіональні засоби вираження згоди/незгоди, притаманні кожному з видів мовленнєвої взаємодії.

Так, у діалозі, спрямованому на конфлікт, може реалізуватися такий вид незгоди на звинувачення, як застосування **опозиційних структур** (*opposition formats*, термін Х. Коттгоф (2:201). Зазначений прийом полягає у використанні ресурсів репліки співрозмовника для побудови власного висловлювання, метою якого є закреслення попереднього мовленнєвого утворення. Так, у наведеній нижче діалогічній єдності суперечного характеру спостерігаємо значну формальну спорідненість реплік:

"What are they planning to do with Sam?" "Execute him." "Execute, gas, exterminate, kill, call it what you want. But it's murder, Carmen. Legal murder. It's wrong, and I'm trying to stop it. It's a dirty business, and if I have to bend a few ethics, I don't care." "It stinks." "So does the gas chamber." (J.Grisham)

Як бачимо, організатор передостанньої репліки "*It stinks*", Кармен, різко осуджує позицію іншого співрозмовника, Адама. Останній коректує висловлювання Кармен, виражаючи згоду частково *so*, але застосовуючи власний інформаційний блок, що не співпадає зі спрямованістю висловлю-

вання Кармен. Комунікант Адам, вживаючи граматичну структуру *So does ...*, імпліцитно погоджується з думкою співрозмовника (*It (bending ethics) stinks*), але змінює предмет, з яким пов'язаний присудок. Саме така специфічна форма незгоди — перетворення мовленнєвого внеску співрозмовника на його абсолютну за змістом протилежність — і є опозиційною структурою. У такій структурі підсилюється значення заперечення; для неї характерний високий ступінь емоційності та особистої зацікавленості. Очевидно, що у наведеному вище прикладі обидва співрозмовники знаходяться на антагоністичних позиціях; але, будуючи власне висловлювання, кожен з них використовує висловлювання іншого. Використання парадигми попереднього висловлювання для того, щоб сфокусувати увагу на пункті непогодження з ним, є типовим для опозиційних структур. Опозиційні структури завжди прикріплюються до стимульного мовленнєвого утворення, перетворюючи його провідну ідею у повну протилежність тому, що мав на увазі мовець. Формулювання опонентів застосовуються, але інтерпретуються як протилежні за значенням. Опозиційні структури демонструють, що діалогічні стратегії починаються з оптимальної інтерпретації слухачем попередньої репліки і включають його (слухача) усвідомлення стратегічного потенціалу цієї репліки. Підчас розгортання аргументативного діалогу його учасники демонструють “стратегічне слухання”.

Іншим видом емпатичного заперечення у суперечці є завищена згода як крок до подальшої незгоди (*upgraded agreement* — термін Х.Коттхоф; (2:203)):

LIZA. ...*So glad to see you again, Colonel Pickering. [He rises hastily; and they shake hands.] Quite chilly this morning, isn't it?*... HIGGINS. *Don't you dare try this game on me. I taught it to you; and it doesn't take me in. Get up and come home; and don't be a fool. ... Mrs HIGGINS. Very nicely put indeed, Henry. No woman could resist such an invitation. (B.Shaw)*

У наведеному контексті конфліктного характеру остання репліка *very nicely put indeed*, хоч лексично є реплікою підтвердження, однак функціонує як складова заперечення, несхвалення. В аргументативних єдностях чергуються згода та незгода; але для того, щоб розрізнити ці явища, потрібно дещо більше, ніж просто знання лексики. Як відомо, учасники бурхливих суперечок іноді вживають завищену згоду (*wonderful* або *you are absolutely right*), але ми не сприймаємо це як погодження з поглядами опонента — навпаки. У контексті конфліктного характеру, чим більш завищеною є згода, тим рішучіше вона інтерпретується як крок до опозиції. Щодо контексту підтримуючого характеру, то в його межах рішуча згода так і інтерпретується:

"Can we get it right away?" she asked, meaning the room. *"Certainly,"* cried Lola. They went to look at it. ...She paid half of the six dollars with her friend. (Th.Dreiser)

Явищем, спорідненим із завищеною згодою, є безсумнівна згода. Як свідчить аналіз ілюстративного матеріалу, згода без вагань в аргументативному контексті є, як правило, кроком до незгоди. Чим більш неохоче висловлюється згода підчас суперечки, тим ймовірніша її трансформація в поступку; і навпаки:

"I hope you're not going to be difficult, Sam." ... "Difficult?" Sam asked. "Why would I be difficult? I intend to cooperate fully with the state while it goes about its business of killing me. I'm a good patriot. I would vote and pay taxes if I could. I'm proud to be an American ... and at this moment I'm still very much in love with my precious state, even though it plans to gas me. I'm a model prisoner, George. No problems out of me." Packer was thoroughly enjoying this as he waited at the end of the tier. ... "I'll be back," Nugent shouted angrily at Sam. (J.Grisham)

Відношення, в яких знаходяться комуніканти (Сем — в'язень, засуджений до смертної кари через газову камеру, та Джордж Наджент — його наглядач), зумовлюють протікання наведеного діалогу як орієнтованого на конфлікт. У такому контексті безсумнівна згода у репліці комуніканта С (Сема) реалізує значення ще сильнішої незгоди, ніж очікував комуніканти Д (Джордж). Перевищення комунікантом С сподівань комуніканта Д доводить і реакція стороннього спостерігача Пакера (*"was thoroughly enjoying this"*), і лють Наджента підчас виголошення ним заключної репліки (*"shouted angrily"*). Таким чином, безсумнівна та несподівана згода може вживатися в конфліктному середовищі для вираження значення посиленого, емпатичного заперечення; і такий висновок знаходиться в певній розбіжності з дослідженнями деяких вчених (напр., 3).

Одним з різновидів негопозитивного спілкування (тобто, взаємозумовленого обміну репліками, одна з яких виражена позитивом або негативом), на нашу думку, є мовленнєва ситуація звинувачення :: виправдання (як непогодження зі звинуваченням). Такому виду мовленнєвої взаємодії, як показує дослідження, також притаманні власні формули негативної реакції.

Альтернативні описи (термін М.Комтер;(1:174)) є одним з основних проявів реакції непогодження зі звинуваченням, який полягає у перефразуванні звинувачування слів звинувачувача:

The great man's suspicion was soon confirmed. Burke was seeing Roberta West regularly '...with so many detectives running around in the case, you could hardly keep your meetings with Roberta West a secret.' 'It's no secret, old chap! I just don't like making a display of my personal life.' (E.Queen)

Термін, використаний комунікантом 1 ('to keep the meetings a secret') містить деякий іронічно-негативний відтінок (можливо, у зв'язку з кристикою поведінки адресата). Комунікант 2 (звинувачуваний) пропонує власну, дещо відмінну версію ('I just don't like making a display of my personal life'), яка висвітлює події під дещо іншим кутом зору. Таким чином, відповідач захищає себе від версії звинувачувача (яка може виявитися більш шкідливою для відповідача), уникаючи її прямого заперечення. Характерною рисою альтернативних описів є використання термінів *just* або *simply*, функцією яких є трактування подій як дечого нормального чи звичайного. Так, у формулюванні комуніканта 1 дії адресата можуть розглядатися як навмисне приховування від товариша певної особистої інформації. Комунікант 2 перефразовує репліку мовця та описує свою діяльність як природний хід подій. Альтернативні описи, і особливо ті з них, які вживаються з *just* та *only*, пропонують власну, менш негативну інтерпретацію потенційно небезпечних імплікацій репліки звинувачувача.

Ще однією захисною стратегією, притаманною комунікативній ситуації звинувачення :: виправдання, є **знищення агентивності** (*the disappearance of agency*) за М.Комтер; (1:174-175), яка полягає у заниженні звинувачуваним власної активної участі в подіях, що обговорюються:

'Our information is that you and Armando were having an affair behind Mrs Armando's back.' ... 'I ... I don't know, really, how I got into it. It just seemed to happen.' (E. Queen)

Наведений приклад ілюструє засіб, використовуючи який, звинувачуваний намагається уникнути відповідальності за свої дії, одночасно погоджуючись зі звинуваченням. У власній інтерпретації подій, що сталися, звинувачуваний відводить собі роль лише стороннього спостерігача; реальність подій при цьому не заперчується, але активна участь звинувачуваного старанно маскується.

Отже, контексту, орієнтованому на конфлікт (суперечці, звинуваченню і т. д.), притаманні власні стратегії комунікативного захисту: опозиційні структури, завищена згода, безсумнівна згода, альтернативні описи, стратегія "знищення агентивності". В основі таких стратегій лежить, по-перше, активне використання комунікативного внеску співрозмовника; а по-друге, намагання нейтралізувати найнебезпечніші елементи стимульного висловлювання на фоні експліцитного погодження з реплікою співрозмовника в цілому.

ЛІТЕРАТУРА

1. Мирончук Т.А. Семантичні і прагматичні особливості висловлювань виправдання в сучасній англійській мові: Дис. ... канд. філол. наук. — Київ, 1998.
2. Komter M. Accusations and defences in courtroom interaction // Discourse and society. — London, 1994. — Vol.5(2). — P. 165-187.
3. Kotthoff H. Disagreement and

concession in disputes: On the context sensitivity of preference structures // *Language in society*. — Cambridge, 1993. — No. 22. — P. 193-216. 4. Pomerantz A. Agreeing and disagreeing with assessments: Some features of preferred/ dispreferred turn shapes // *Structures of social action*. — Cambridge, 1984. — P. 57-102.

ФАКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА УСВОЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Рябых Н.В. (Харьков)

В своих публикациях автор настоящей работы неоднократно указывал на важность учёта эмоциональной сферы учащихся при анализе процесса усвоения иностранных языков. В этой работе будут рассматриваться наименее освещённые проблемы данного процесса, а именно: влияние факторов отношения на усвоение иностранного языка (ИЯ).

Ряд авторов считает, что усвоение ИЯ может быть связано с различными факторами отношения (например, отношение к изучаемому языку, отношение к методу преподавания, отношение к носителям изучаемого языка, отношение к преподавателю, отношение к окружающим, отношение родителей к изучению их ребенком ИЯ и др.). Однако большинство авторов в качестве факторов, которые могут оказывать влияние на усвоение ИЯ, рассматривали следующие: (1) отношение к изучаемому языку, (2) отношение к носителям изучаемого языка, (3) отношение к преподавателю и окружающим в классе. Вероятно, они прямо не связаны с психологической структурой личности, однако относятся к эмоциональной сфере. Поэтому их можно отнести к аффективным факторам.

Анализ некоторых исследований показывает, что отношение к преподавателю и к окружающим может влиять как на подсознательное усвоение ИЯ, так и на сознательное научение. Так в эксперименте со студентами из Канады, изучавшими французский язык как иностранный, была сделана попытка установить такую связь [1]. Отношение к преподавателю и к окружающим в классе определялось прямым опросом и оценивалось по пятибалльной шкале. В результате эксперимента была установлена отчетливая связь между "благоприятностью обстановки в классе" и успешностью в обучении говорению (коэффициент корреляции $(k) = 0,4$).

В другом эксперименте [2] китайские студенты, изучавшие английский язык в США, и имевшие положительное отношение к преподавателю и к носителям языка, показали высокие результаты в выполнении Клоуз-теста. Однако, противоположные результаты были получены в другом ис-

следовании, проводившемся одновременно с вышеупомянутым [3]. Испытуемые-женщины в такой же ситуации показали неудовлетворительные результаты в выполнении того же теста.

Принимая во внимание тот факт, что исследования в данной сфере носят достаточно противоречивый характер и базируются в большей степени на наблюдениях, а не на экспериментальных исследованиях, а также то, что все исследования проводились в условиях, когда у испытуемых была возможность общаться на изучаемом языке вне класса, автором данной работы был проведен эксперимент для проверки следующей гипотезы: *Факторы отношения к преподавателю и к изучаемому предмету прямопропорционально связаны с мотивационной сферой учащегося и оказывают влияние на эффективность усвоения иностранного языка.*

С целью подтвердить данную гипотезу автором был проведен эксперимент, в котором приняли участие 12 учащихся средней школы в возрасте 14-15 лет. Для более удобного отслеживания динамики результатов экспериментального обучения для эксперимента был выбран самый "неблагополучный" класс. До начала экспериментального обучения проводилось анкетирование для определения психологических факторов испытуемых, а также срез для определения уровня владения учащимися различными аспектами английского языка. Анкета включала всего три вопроса: 1. *Ваше отношение к преподавателю и методам его работы?* 2. *Ваше отношение к изучаемому предмету?* 3. *Если бы английский язык был факультативным предметом, посещали бы вы его или нет, и почему?*

Первый вопрос оценивался по пятибалльной шкале, ответ на второй и третий вопрос позволял лишь определить общую тенденцию мотивированности учащихся изучать иностранный язык в школе как положительную либо отрицательную. Краткий анализ результатов среза сводится к следующему (см. табл 1). Как следует из анкетирования отношение к преподавателю и методам его работы у всех испытуемых было достаточно негативным, высокая заинтересованность предметом присутствовала только у испытуемых 1,2,3, причиной чего было их желание поступить на факультет иностранных языков. Ответ на третий вопрос анкеты позволил предположить, что элементы мотивированности присутствуют у испытуемых №№ 1-8 в большей или меньшей степени выраженности. До начала экспериментального обучения наряду с анкетным опросом был проведен срез для определения уровня владения испытуемыми английским языком, который включал перевод с английского языка на русский и говорение (на уровне пересказа прочитанного текста).

Из 12 испытуемых только трое (№ 1,2,3) показали хорошие и удовлетворительные результаты. Все остальные испытуемые показали неудовлетворительные результаты, причём успехи испытуемых 11 и 12 были близ-

ки к нулю. Такие начальные результаты свидетельствовали о возможности использования этих учащихся в эксперименте в качестве испытуемых.

Таблица 1. Психологические факторы испытуемых и их языковая компетентность до начала экспериментального обучения

Испытуемые	Отношение к преподавателю и методам его работы	Отношение к предмету	Мотивация	Успеваемость (%)
№1	4	+	+	80
№2	3	+	+	80
№3	3	+	+	70
№4	3	-	+	60
№5	3	-	+	60
№6	2	-	+	40
№7	2	-	+	40
№8	3	-	+	30
№9	3	-	?	30
№10	3	-	?	30
№11	1	-	-	10
№12	1	-	-	10

Экспериментальное обучение проводилось в течение двух месяцев с использованием приёмов, которые, по мнению автора, должны были обеспечить доброжелательную атмосферу в классе, вызвать интерес учащихся к процессу обучения, повысить мотивацию к овладению иностранным языком. Для этой цели во время уроков использовались модельные карточки, алгоритмы для введения нового грамматического материала, ролевые игры, элементы драматизации. В течение всего периода экспериментального обучения велось наблюдение за поведением испытуемых. Такое построение учебного процесса стимулировало учащихся к активному поведению не только на занятиях в школе, но и к выполнению домашних заданий. Во время этого периода очевидной стала взаимосвязь личности преподавателя и "стиля" его работы с отношением к изучаемому предмету. По окончании обучения был проведен постэкспериментальный срез, результаты которого представлены в таблице 2.

Таблица 2. Психологические факторы испытуемых и их языковая компетентность после проведения экспериментального обучения

Испытуемые	Отношение к преподавателю и методам его работы	Отношение к предмету	Мотивация	Успеваемость (%)
№1	5	+	+	100
№2	5	+	+	100
№3	5	+	+	90
№4	5	+	+	90
№5	5	+	+	90
№6	5	+	+	85
№7	5	+	+	80
№8	5	+	+	70
№9	5	+	+	70
№10	5	+	+	70
№11	5	+	+	50
№12	5	+	+	50

Как следует из послеекспериментального анкетирования все без исключения испытуемые показали положительное отношение к изучаемому предмету, а их оценка работы преподавателя была наивысшей. Испытуемые 9 и 10, которые ранее имели неустойчивую мотивацию, а также испытуемые 11 и 12, которые считали изучение иностранного языка ненужной тратой сил и времени, показали стремление изучать язык.

Что касается языковой компетентности, то и здесь наблюдались явно положительные изменения. Испытуемые 1-5 показали отличные результаты в тестах по переводу и говорению, испытуемые 6-10 показали хорошие и удовлетворительные результаты, только испытуемые 11 и 12 остались на неудовлетворительном уровне, хотя также значительно продвинулись вверх. Выводы, которые можно сделать из данного эксперимента кратко сводятся к следующему.

Для обеспечения эффективности процесса обучения иностранному языку необходимо создать "благоприятную" в психологическом плане атмосферу в классе.

Для достижения этой цели важно, в частности, привить учащимся положительное отношение к изучаемому предмету, а также создать ситуацию, когда преподаватель становится авторитетом для учащихся. На важность последнего фактора также указывают авторы некоторых современ-

ных методов обучения иностранным языкам, таких как суггестивный и интенсивный.

Авторитета среди учащихся преподаватель может добиться выполняя два условия: 1) учёт эмоциональной сферы деятельности учащихся при овладении иностранным языком, 2) использование в учебном процессе тех средств, способов, приёмов и форм обучения, которые, во-первых и прежде всего, удовлетворяют первое условие, а во-вторых, конкретно направлены на выработку навыков и умений языковой компетентности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Naimon, N., M Frohlich, D. Stern, and A. Todesko "The Good Language Learner." Toronto: Ontario Institute for Studies in Education, 1978. — 257 p.
2. Oller J., A. Hudson, and P. Liu. "Attitudes and attained proficiency in ESL: a socio-linguistic study of native speakers of Chinese in the United States." *Language Learning* 27, 1977. — P. 1-27.
3. Oller J, Baca, J and Vigil, F. Attitude and attained proficiency in ESL: a sociolinguistic study of Mexican-Americans in the South-West. *TESOL Quarterly* 11, 1977. — P. 85-97.

К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Симонок В.П., канд. филол. наук (Харьков)

Одной из характерных особенностей развития языка является закон неравномерного развития отдельных его сторон. Характер исторического развития языка, как развития постепенного, получает свое объяснение прежде всего именно в этом законе, который заключается в том, что различные стороны языка - его словарный состав, его грамматический строй, его звуковой состав изменяются неодинаковыми темпами. Как известно, быстрее всего изменяется его словарный запас, мгновенно реагируя на все, даже малейшие изменения в общественно-трудовой практике данного трудового коллектива, регистрируя всякое вновь возникающее понятие, аннулируя все те лексические элементы, которые обозначают утратившие социальную значимость или жизненную необходимость предметы и явления. О постоянной изменчивости словарного состава свидетельствует его почти непрерывная внутренняя перестройка, реорганизация соотношения входящих в него элементов, диктуемая реальной общественно-исторической обстановкой каждого данного момента в жизни общества. Одни слова вытесняются другими; слова, совершенно не связанные раньше друг с другом, становятся в синонимические отношения друг к

другу вследствие возникновения в них новых значений; неологизмы либо выходят из употребления, не успев закрепиться в языке, либо перестают восприниматься как языковые новшества и прочно входят в лексическую ткань языка; слова, бывшие ранее употребительными и необходимыми, становятся малоупотребительными и постепенно превращаются в архаизмы или полностью выпадают из языкового обихода; слова, еще недавно принадлежавшие к нейтральному речевому стилю, в силу тех или иных причин усваивают новую для них стилевую окраску; слова, действовавшие в качестве эвфемизмов, начинают восприниматься как прямые наименования и т.п. и т.д.

Подобные модификации словарного состава языка, более существенные или более мелкие, происходят действительно непрерывно, но никогда не осуществляются формально, т.е. с мгновенным и одновременным захватом всех или хотя бы каких-либо крупных участков всего словарного состава в целом. Они совершаются в виде разрозненных, отдельных частных явлений в сфере действия какого-либо одного слова или одной ограниченной группы слов, и только с течением времени накопление этих мелких и частных изменений приводит к качественному изменению всей лексической системы данного языка в целом. При этом в словарном составе выделяется устойчивое ядро, известный пласт слов, который испытывает значительно более медленные изменения и сохраняется в почти неизменном состоянии на протяжении целого ряда столетий. Постепенный характер развития языка, постепенное накопление элементов нового и вытеснение элементов старого качества при сохранении устойчивых элементов как в виде широко используемых слов, так и виде архаизмов, фразеологически связанных лексем и стилистических раритетов - все это приводит к тому, что как язык в целом, так и его словарный состав в частности в каждый данный исторический момент представляет собой продукт целого ряда эпох, в котором давно сложившиеся и длительно бытующие элементы сосуществуют с элементами новыми, только что возникшими. Такое же положение мы наблюдаем, само собой разумеется, и в словарном составе английского языка.

Многие из зарубежных авторов, писавших по вопросам английской лексикологии (Г.Мак-Найт, Г.Брэдли, Л.Смит, Э.Уикли, О.Есперсен, Дж.Грифф и Дж.Киттредж и многие другие), молчаливо исходят из того представления, что развитие и обогащение английского словарного состава происходило главным образом за счет лексических заимствований из других языков. Это и объясняет, почему проблеме заимствований уделяется столько внимания во многих трудах по истории и лексикологии английского языка, и так бегло и скудно освещаются другие факторы обогащения словаря, как, например, словообразование и переосмысление. В этом смыс-

ле характерна, например книга Г.Брэдли "Становление английского языка", автор которой, приступая к рассмотрению путей сложения английского словарного состава, прежде всего ставит вопрос: чем английский язык обязан иностранным языкам? (1, гл.3). Лексикологические работы ряда авторов отличаются в этом отношении друг от друга лишь тем, что О.Есперсен, например, больше внимания уделяет скандинавским заимствованиям в английском языке, а Л.Смит - латинским и т.п. Тем самым вопросы словопроизводства, семантического развития лексической системы английского языка ставятся на второй план. Действительно имевший место на протяжении всей истории английского языка процесс поглощения этим языком большого количества иноязычных лексических элементов изображается как важнейшая движущая сила в развитии словарного состава английского языка и даже всего английского языка в целом.

Подобный подход к процессу развития словарного состава языка является, с нашей точки зрения, неправильным. Если мы будем исходить из такого понимания процесса развития английского языка, то весь ход исторических изменений языка представляется как процесс смешения или скрещивания языков, в результате которых возникает якобы принципиально новый язык. Преувеличенное внимание к явлениям заимствования слов из других языков и пренебрежение к другим процессам в области словарного состава приводит некоторых лексикологов и историков английского языка к убеждению, что в результате длительного воздействия других языков английский язык претерпел полное перерождение. Так Л.Смит считает, что "прогресс английского языка..... есть результат не национального расцвета, а двух национальных бедствий - датского вторжения и Нормандского завоевания" (5:18). Многими авторами (например, Т.Лаунсбери, Л.Смитом, Г.Брэдли, О.Эмерсоном, Г.Мак-Найтом и др.) усиленно подчеркивается смешанный характер английского языка. Воздействие со стороны других языков, в первую очередь французского языка, контакт с которым по известным причинам был особенно живым и в то же время длительным, выдвигается на передний план как важнейший фактор развития английского языка в тех формах и том направлении, в каком оно реально происходило. Так, историк английского языка Т.Лаунсбери прямо утверждает, что "начиная с Нормандского завоевания и далее, язык английского населения перестал следовать тому естественному закону развития, которому он следовал бы, если бы оставался германским языком в чистом виде" (4:49). Л.Смит называет английский язык "сводной сестрой романских языков" (5:8). Характерно, что для аргументации в поддержку этого распространенного воззрения привлекается почти исключительно словарный состав английского языка, причем не всегда в его современном состоянии, которое одно только и могло бы убедить

тельно показать, какие заимствованные элементы оказались жизнеспособными в английском языке и действительно были им полностью усвоены. При этом не делается почти никаких попыток определить степень активности иноязычных заимствований в словарном составе английского языка на разных этапах его развития. В лучшем случае дается лишь общая оценка самого факта использования иноязычных лексических элементов как средства обогащения языка, придания его словарному составу особой стилистической гибкости и подвижности, или, наоборот, как явления отрицательного, в некоторых случаях излишне обременяющего язык ненужными словами (3, гл.5, 7).

В классовом обществе при столкновении двух языков, вызванном теми или иными историческими причинами - скажем, покорением одного народа другими или традиционным использованием чужого языка в определенных сферах общения (например, латыни как языка юриспруденции, школы и науки в средние века) - имеет место ожесточенная борьба между этими языками. Обычно в этой борьбе один из языков одерживает победу (какой именно - это обуславливается конкретной исторической обстановкой). При этом он воспринимает более или менее значительное количество элементов побежденного языка. Обильное поглощение одним языком элементов другого, совершающееся в процессе борьбы между ними, иногда называют скрещиванием языков. Однако такое скрещивание языков представляет довольно свособразную картину. Оказывается, что не все стороны языка одинаково легко поддаются иноязычному воздействию. Как правило, язык свободнее всего усваивает лексические элементы и - хотя в гораздо меньшей степени - словообразовательный инструментарий другого языка. Значительно менее подвержен влияниям извне синтаксический строй и система формообразования, еще менее - фонетический состав языка. В большинстве трудов по исторической грамматике английского языка убедительно показывается, что развитие его грамматического строя представляет собой закономерный и естественный процесс, на ход которого не мог существенно повлиять какой-либо другой язык. Иноязычное воздействие в отдельных случаях могло только отчасти способствовать ускорению этого естественного процесса. Поэтому совершенно неправомерно говорить о смешанном (или скрещенном) характере английского языка в целом.

Что же касается именно словарного состава английского языка, то отрицать его смешанный характер, разумеется, нельзя; однако необходимо уточнить само понятие "смешанный характер". Если под этим выражением понимать только тот безусловный и ясный факт, что в результате длительного контакта с тремя разными языками - датским, французским и латинским - словарный состав английского языка впитал в себя значи-

тельное количество иноязычных заимствований, из которых некоторые удерживались в нем долго, другие, наоборот, вошли в его плоть и кровь, а третьи сохранились в нем лишь в определенной узкой сфере употребления, то смешанный характер английского словарного состава не подлежит никакому сомнению. Если же под этим выражением имеется в виду массовое вытеснение собственно английских элементов на второстепенное положение, наводнение английского языка иноязычными заимствованиями, якобы полностью определяющими всю специфику его словарного запаса, то с таким пониманием вопроса согласиться невозможно; ему противоречат сами факты. Тем не менее эта-то вторая точка зрения и является как раз самой распространенной в зарубежных лексикологических работах. Так, упоминавшийся выше Л.Смит утверждает, что "важнейший вклад в английский язык, вклад столь значительный, что он коренным образом изменил весь характер английского языка, был сделан французским языком" (5:40). Того же самого мнения придерживается, например, Б.Грум, который считает, что "долгие годы подавления английского языка французским оказали глубокое влияние на язык местного населения. Иностранные слова вошли в этот язык во множестве, и заимствование чужих слов стало установившейся привычкой. Английский язык, появившийся на сцене при литературном возрождении XIII и XIV веков, был фактически новым языком" (2:31). Еще определеннее высказывается Т.Лаунсбери, который пишет: "Множества слов англосаксонского языка больше не существует в нашем языке, хотя бы и в измененной форме. Их место восполнено заимствованиями из других языков, особенно из латинского и французского. Заимствование осуществлялось в таких масштабах, что если говорить только о лексике, возникает сомнение, является ли наш язык германским или романским" (4:29).

ЛИТЕРАТУРА

1. H. Bradley. The Making of English. L., 1931. - ch. III.
2. B. Groom. A Short Story of English Words. L., 1934.
3. O. Jespersen. Growth and Structure of the English Language. Oxf., ch. V, VII.
4. T. R. Lounsbury. History of the English Language. L., 1906.
5. L. P. Smith. The English Language. Williams & Norgate, L.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ АНГЛИЙСКОГО ПИСЬМЕННОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА

Снигур Л.А. (Николаев)

Традиционное деление языка на устный и письменный базируется на разнице в изложении и восприятии. Существуют также и другие различия (3, 4, 5). Соответственно выделяется два типа дискурса - устный и письменный. Дискурс обычно понимается как связанный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными психологическими факторами, это речь, рассматриваемая как осмысленное, целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей. Общее для двух типов дискурса - конвенциональность и социальная направленность, при этом устный дискурс менее формален и ритуализирован, чем письменный.

Выделяются следующие виды дискурса: литературный, деловой, газетный, академический. Деловой дискурс - это вид ситуативного дискурса. Он может быть представлен такими подвидами, как переговоры, встречи, контракты, отчеты и другие. Для определения подвида дискурса необходимо использовать все аспекты языка и контекста. Следующие характеристики являются основными при определении: отправитель/получатель, стиль, функции, ситуативная отнесенность, внутренняя структура, когезия и когеренция, грамматика и лексика.

Отличительные признаки делового дискурса - формальность, тематическая закреплённость за определенным набором ситуаций, имперсональность, клишированность. Доминирующая функция делового дискурса - предоставить информацию релевантную для данной ситуации делового общения, но которая вне определенного контекста не будет представлять ценности. Примат информационной функции сводит к минимуму роль психологических (субъективных и эмоциональных) параметров, что позволяет говорить об имперсональности как особой отличительной характеристике делового дискурса.

Лексика делового дискурса может быть разделена на три группы. Лексическая основа любого документа - общеупотребительный вокабуляр (*agreement, money*). Лексика и фразеология, характерные для делового стиля, образуют вторую группу (*according to our record..., this will acknowledge receipt of...*). Специальная терминологическая лексика составляет третью группу (*covered employment, annuity*). Общим для этих групп является превалирование конкретных имен существительных. Они обладают точным значением в отличие от абстрактных, что помогает избежать многозначности. Например:

ABSTRACT

A significant loss

In the near future

CONCRETE

A 53 percent loss

By Thursday noon

Деловой дискурс не обладает особым набором закрепленных за ним узусально-грамматических форм и категорий. При этом, однако, есть основания говорить о предпочтительном употреблении тех или иных форм и нетипичности или даже полном отсутствии других грамматических форм. Например, активный залог более употребителен, чем пассивный. Он делает высказывание 'сильнее', акцентирует внимание на действии:

PASSIVE

*The results were reported in our
July 9 letter.*

*A gain of 30.1 percent was
reported for hardware sales.*

ACTIVE

*We reported the results in our July 9
letter.*

Hardware sales gained 30.1 percent.

Репрезентатором делового письменного дискурса является деловая документация. Выделяются следующие основные типы:

- контракт;
- инструкция;
- отчет;
- резюме и жизнеописание;
- меморандум;
- деловое письмо.

Исходя из целевой направленности документа, деловые письма представлены такими основными вариантами:

- запрос и просьба;
- уведомление;
- извинение;
- жалоба;
- напоминание;
- рекомендация.

Деловая документация представлена тремя категориями:

- внутренняя документация (*internal-operational documentation*), предназначена для обмена информацией между служащими одной компании и включающая приказ, инструкцию, отчет, меморандум, служебную записку.
- внешняя документация (*external-operational documentation*), используемая для обмена информацией между компанией и ее поставщиками, покупателями и другими компаниями. Основную часть этой категории составляют деловые письма.

- частная документация (personal documentation) включает обмен информацией, не связанной с работой.

Несмотря на разнородность деловой документации, общим для всех типов документов являются внутренняя организация, количество и порядок изложения информации, стилистические и лексические особенности. Документ должен включать только самую необходимую информацию и состоять из трех частей: вступление, основная часть, заключение.

Вступление раскрывает цель письма:

As you have ignored our last letter, I must insist that you to pay the \$247.81 now 60 days past due on your account.

Основная часть используется для раскрытия и объяснения предмета письма:

I cannot understand why you are permitting your credit record to be ruined. Your credit record is valuable to you, and you should want to protect it. You can protect your credit record only by paying your bill on time.

You will agree that we made effort to cooperate with you. We have been patient and have a right to expect you to meet end of the bargain.

Заключение отражает Ваши ожидания, направленные на адресанта:

I will look forward to your immediate payment.

С точки зрения способов коммуникации деловой дискурс представлен как традиционной почтовой корреспонденцией, так и телексной, теле-тайпной, телефонной (6, 7, 8). Интерес представляет не только структура, стиль, лексика, но и особенности функционирования: не для всех типов документов приемлемы телексный и телефонный типы коммуникации, таких, например, как контракт, отчет, резюме и жизнеописание, инструкция.

Документы классифицируются согласно степени формализованности. Так, контракт, отчет, инструкция характеризуются максимально выраженной формализацией. По сравнению с деловыми письмами, например, их отличает частое употребление сложных синтаксических конструкций и оборотов, многие из которых архаичны и обычно не используются в других типах документов. Такая формализованность, однако, позволяет избежать двусмысленности и неясности, способствует четкой и логической последовательности в изложении информации. Характерные стилистические черты – отсутствие эмоциональности и субъективной модальности.

Деловым письмам тоже присуща внутренняя структура и определенная шаблонность языкового оформления, однако, их язык менее формален и клиширован.

Так как деловой дискурс ситуативно закреплён, то можно говорить и о его социальной направленности. Наблюдается некоторая корреляция с

признаком формализованности. Для единиц с наибольшей степенью формальности (контракт, отчет, инструкция) характерна нулевая социальная маркированность. Минимальная формальность, т.е. допустимость субъективно-эмоциональных коннотаций - признак социально-маркированных единиц. Векторная направленность зависит от коммуникативных ситуаций (1, 2).

Все сказанное дает возможность определить деловой дискурс как связанный текст, представляющий собой продукт взаимодействия языковых средств со "средой" - экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими) факторами, характеризующийся формальностью, имперсональностью, конвенциональностью, клишированностью и обладающий определенным набором репрезентаторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих. // Социально-лингвистические исследования. - М., 1976. 2. Сорокин В.А. Кинесические единицы и проблемы их передачи в тексте художественного перевода: автореф. дис...канд. филол. наук. - М., 1993. 3. Biber, M. Variation across Speech and Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 4. Gregory, M. 'Aspects of varieties differentiation'. Journal of linguistics, 1967. - 3/2: 177-274. 5. McCarthy, M. 'Spoken discourse markers in written text' in J.M. Sinclair, M/ Hoey, and G. Fox, 1993 - 170-83. 6. Palsta, R. Telephone English, Hemel Hempstead: Prentice Hall, 1987. 7. Palsta, R. Telex English, Hemel Hempstead: Prentice Hall, 1988. 8. Thill John V. Excellence in Business Communication, Library of Congress-in-Publication Data, 1991.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ТЕКСТОВ-АНОНСОВ ЧЕРЕЗ КАТЕГОРИЮ ПОВТОРА

Соколова И.В. (Суми)

Основными направлениями в лингвистике текста на данном этапе ее развития являются изучение структурно-семантической организации текста и его коммуникативно-прагматической направленности. Представляется актуальным изучение вопросов, находящихся на стыке двух направлений. Сопоставление результатов исследований обоих направлений позволяет создать более полную картину изучаемого объекта.

В данной статье делается попытка определить степень влияния языковой и структурной организации текста на уровень его прагматической эффективности, а значит и на успешность акта коммуникации. В центре

исследования находится категория повтора, которая играет ведущую роль в структурной организации текста как целостной коммуникативной единицы (2:76). Исследование проводилось на материале текстов-анонсов энциклопедических и научных изданий. В основе исследования лежит комплексный подход, так как категория повтора рассматривается на морфемном, лексическом, синтаксическом, а также на текстовом уровнях. Рассматривать категорию повтора на фонетическом уровне неэпических текстов не представляется целесообразным ввиду низкой частотности данного явления.

Тексты-анонсы (ТА) мы относим к информационно-рекламному типу текстов, так как их цель – предоставить информацию о новой публикации, разрекламировать ее. Прагматической установкой ТА является стремление убедить адресата, склонить его к прочтению/ покупке книги.

ТА имеют ряд коммуникативно-прагматических особенностей. Они обращены к широкому кругу читателей, объединенных общей целью – получить информацию о книге при наименьшей затрате времени. Основной функцией ТА является ориентировка реципиента в мире информации. Проблема ориентации в современном информационном мире является особенно актуальной в наше время, чем и объясняется необходимость создания ТА. Коммуникативная направленность ТА определяет их композиционно-структурную организацию, а также лексическое, грамматическое, синтаксическое наполнение.

ТА предназначены для обеспечения восприятия основной информации текста, для подготовки читателя к восприятию основного содержания (1:8). Данный вид текстов объединяет в себе признаки рекламного текста, вводного текста, аннотации, рецензии. Выделить ТА в отдельный вид текстов представляется возможным вследствие наличия у них следующих характеристик:

- целью ТА является предоставление информации о содержании и структуре опубликованного произведения;
- ТА рационализует и упорядочивает коммуникативный процесс, так как предоставляет реципиенту возможность продолжить или прервать коммуникацию;
- ТА существует только в неавторской адресной форме;
- наличие элементов рекламирования и позитивной оценки, стремление к созданию положительного отношения к вводимому произведению;
- краткость, сжатость изложения, высокая информативность;
- структурная независимость от основного текста, находится в отношении метатекста к основному тексту.

Таким образом, текст-анонс мы определяем как прагматически обусловленную единицу коммуникации, предоставляющую завершенное с

точки зрения смысла системное образование и предназначенную способствовать ориентировке реципиента в потоке информации, а также лучшему восприятию вводимого произведения.

Целью данного исследования является определить роли категорий повтора в процессе порождения ТА, а также степени влияния категории повтора на уровень прагматической эффективности данного типа текстов. Под прагматической эффективностью в данном исследовании понимается степень осуществления коммуникативной установки текста, а именно, степень достижения цели текста по информированию реципиента.

Анализ ряда ТА дает возможность утверждать о ведущем значении лексических и синтаксических повторов в структурно-семантической организации данного типа текстов. Наблюдается тенденция к использованию одинаковых видов повторов в разных текстах, что объясняется явлением стереотипизации. Наличие повторяемых элементов на разных языковых уровнях – фонетическом, лексическом, синтаксическом – определяет степень общности текстов, формирующих тот или иной функциональный стиль.

Лексический повтор в ТА широко представлен повтором заголовка, который выполняет организующую, интегрирующую функцию, постоянно удерживает внимание реципиента на предмете сообщения. Используется как полный, так и частичный повтор заголовка. Наблюдается тенденция к употреблению полного повтора в первом предложении текста: в последующих предложениях заголовок представлен частично, либо в виде аббревиатуры. Это объясняется стремлением к компрессии лексического наполнения, что влечет за собой повышение информативности текста.

Ср.: (1) *Encyclopedia of Arabic Literature*.

The Encyclopedia of Arabic Literature is an authoritative reference source on the most important authors... *The Encyclopedia* covers the classical... transitional... and modern periods... (Routledge Library Reference)

(2) *Management of Fire and Explosions*.

Management of Fire and Explosions is a collection of Papers prepared for an I MechE conference...

Management of Fire and Explosions is essential reading for all those who wish to be well informed of developments... (Professional Engineering Publishing).

Использование полного повтора заголовка в заключительном коммуникативном блоке свидетельствует о намерении автора анонса обеспечить логико-семантическую связность текста, улучшить восприятие текста реципиентом. (Пример 2).

Являясь верхней границей ТА, заголовок выполняет текстообразующую функцию, выступая в качестве тематического центра текста, удерживая

живающего следующие за ним структурно-семантические звенья в статусе подчиненных. Основной текст анонса развивает тему, поясняет, конкретизирует ее. Повтор заголовка, таким образом, обеспечивает смысловую целостность текста.

Внимание реципиента на теме сообщения удерживается также за счет повторения ключевых слов текста. Ключевые /тематические слова впервые презентуются в заголовке ТА. Их повторение в рамках предложения, а также в рамках целого текста обеспечивает локальную и глобальную связность ТА.

Ср.: (1) *Women in World History*.

Presenting more than 8,000 biographical entries, this ambitious work profiles women throughout history and throughout the world. More than 1,500 signed articles, of up to 5,000 words in length, highlight the women's personal background and significance in history and conclude with a biography. Historically important women for whom less information is available are also included with shorter entries (The Gale Group Catalogue)

Лексические повторы функционируют параллельно с морфемными повторами. В основном повторяется корневая морфема: *biography – biographical, history – historically*.

Высокая частотность лексических повторов, наряду с употреблением морфемных повторов, а также аббревиатуры, перечислений, сложных предложений с рядом придаточных, свидетельствует о двух взаимодополняющих тенденциях в рамках информативно-рекламных текстов. С одной стороны, здесь наблюдается стремление к максимальной компрессии содержания, результатом чего является высокая информативность данного типа текстов. С другой стороны, лексические и морфемные повторы уменьшают количество новой информации в тексте, создают семантическую избыточность сообщения. Создание семантической избыточности приводит к улучшению помехоустойчивости сообщения, а также усиливает экспрессивность текста. Лексические повторы выполняют роль текстовых скреп, обеспечивающих целостность текста, а также функцию средств фиксации внимания реципиента на теме сообщения. Это способствует прагматической эффективности текста.

Для ТА характерна низкая частотность использования синонимических повторов. Тенденция к максимальной сжатости, логичности и доступности сообщения ведет к преимущественному использованию лексических повторов. Употребление синонимов ограничивается рамками идеографических синонимов.

Напр.: *Each volume presents about 20 autobiographical essays... [...] Every volume also provides a cumulative subject index... (Routledge Library Reference).*

Одним из неосъёмлемых элементов ТА является наличие в них оценочной лексики, что вызвано целеустановкой данных текстов – убедить адресата, склонить его к покупке книги. Определенную степень оценки реализуют контактно расположенные лексические повторы, которые усиливают значение лексической единицы. Употребление контактно расположенных повторов характерно для ТА.

Ср.: (1) ... *Contemporary Authors New Revision Series brings you the most recent data on the world's most popular actors.* (Routledge Library Reference).

(2) *Presenting more than 8,000 biographical entries, this ambitious work profiles women throughout history and throughout the world.* (The Gale Group Catalogue)

Лексические повторы, функционируя сопряженно с морфемными повторами, несут на себе значительную нагрузку в оформлении ТА как тематически и структурно связанного целого, в обеспечении ТА элементами положительной оценки нового произведения, в повышении уровня понимания текста со стороны реципиента, что в совокупности служит увеличению прагматической эффективности текста.

Стремление к повышению четкости и логичности изложения информации в ТА обуславливает широкое использование синтаксического параллелизма. Параллельные конструкции (ПК) играют ведущую роль в композиционном построении ТА, оформляя модель текста. Синтаксическая симметрия удобна для перечисления, так как она выражает языковой формой равнозначность содержания отдельных частей высказывания. В ТА параллельные конструкции употребляются при описании структуры вводимого произведения, а именно при перечислении глав, разделов, томов.

Ср.: (1) *Part One: explores the history of the discipline...*

Part Two: explores how archaeologists approach such themes as culture...

Part Three: takes a historical approach to the development of societies.

(2) *It contains:*

- *entries on goods and goddesses, giving evidence of...*
- *synoptic entries on myths, giving the place of origin of main texts...*
- *entries explaining the use of specialist terminology*

Сочетание ПК с лексическими повторами играет ведущую роль в организации логико-семантической структуры текста. Как показывают примеры, полная симметрия параллельных конструкций часто нарушается. Авторы стремятся по возможности избежать лексического повтора, что приводит к использованию синонимических средств выражения. Однако чаще неизбежность нарушения полной симметрии объясняется необходимостью использовать различные по своей семантике глаголы (*explores* – *takes an approach to*; *giving* – *explaining*; *gives* – *lists* – *shows*).

На основании выше сказанного представляется возможным сделать следующие выводы:

- лексические, морфемные и синтаксические повторы играют ведущую роль в оформлении текстов-аннонсов как единой смысловой, структурной, коммуникативной целостности;
- обеспечивая целостность текста, указанные виды повтора способствуют адекватности восприятия и понимания текста со стороны реципиента, чем повышают уровень прагматической эффективности текста-аннонса;
- одной из функций, выполняемых лексическим повтором, является оценочно-экспрессивная функция, которая способствует формированию у реципиента положительного отношения к рекламируемой книге.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мороховский А.Н. Некоторые основные понятия стилистики и лингвистики текста //Лингвистика текста и методика преподавания иностранных языков. Сб. научн. трудов. – Киев, 1981 – С. 6-14. 2.Петров М.П. Признаки связности технического информативного текста //Вопросы анализа специального текста. Сб. научн. тр. – Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1982 – С. 74-77.

О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ АКЦИОНАЛЬНЫХ РЕМАРОК В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Солощук Л.В., канд. филол. наук (Харьков)

В последние годы в науке о языке сложилось и активно развивается такое направление как паралингвистика, избравшее объектом своего исследования невербальные составляющие коммуникативного процесса (кинесические, просодические, проксемические и некоторые другие). И если до 90-х годов в языкознании преобладало представление о паралингвистике, как о науке, занимающей зависимое, подчиненное положение, а паралингвистические средства рассматривались как "... чисто надстроечная категория, не затрагивающая саму основу языковой системы" (5: 77), то в настоящее время ситуация коренным образом изменяется. "Изучение невербальных составляющих человеческого общения проникает в круг приоритетов (2:149), свидетельством чему является появление довольно большого количества исследовательских работ в данной области (см. работы Argyle 1975 (11), Knapp 1978 (12), Горелов 1980 (4), Malandro &

Barker 1983 (14), Геворкян 1991 (3), Richmond 1992 (16), Poyatos 1992 (15) и многие др.). Этому в немалой степени способствовало бурное развитие коммуникативной лингвистики, продемонстрировавшей искусственность разграничения вербальной и невербальной коммуникации. В настоящее время среди исследователей языка стало "правилом хорошего тона" посвящать хотя бы одну главу или параграф характеристике паралингвистических составляющих анализируемого ими объекта. И это возможно расценивать как объективную закономерность. Дж. Фаст утверждает, что гораздо важнее понимать человека по его жестам, движениям, взглядам, позам и интонации, так как слова могут быть лживы, а невербальные составляющие помогут определить истинную ценность сказанных слов, "позволят нам услышать отчаянный вопль в неподвижной позе, неудержимый хохот в необычной гримасе и доброжелательную мудрость в спокойном взгляде" (10 : 5 — 6).

Даже краткое знакомство с теми возможностями, которые открывает людям овладение языком жестов и мимики, позволяет им увереннее чувствовать себя в окружающем мире, правильнее выражать свои мысли и понимать других.

В реальной ситуации общения все указанные выше невербальные составляющие коммуникативного процесса воспринимаются зрительно или на слух. При передаче их в письменном тексте они переводятся в словесные выражения. Текстовое разделение вербальной и невербальной информации наиболее четко представлено в драматургических произведениях, где реплики персонажей представляют вербальный код сообщения, а ремарки являются источником сообщения о невербальных составляющих процесса коммуникации (9 : 174). Как показывает наше исследование, лингвистическая природа драматургических ремарок довольно сложна и многообразна. Данную статью нам хотелось бы посвятить рассмотрению функциональной направленности лишь одного из выделенных нами классов ремарок, а именно — акциональных ремарок (8 : 31), описывающих жесты, мимику, передвижения коммуникантов. Данные ремарки располагаются в тексте речевого высказывания персонажа, актуализируя таким образом практически любой речевой акт в реплике персонажа, а иногда даже заменяя речевой акт коммуниканта на параречевой, т.е. выражая невербальными средствами то, что может быть выражено словесно.

Следует отметить, что акциональные ремарки могут сопровождать речь персонажа, но не влиять непосредственно на процесс коммуникации:

Dr. Gibbs (washing and drying his hands at the sink) : Is he sassy to you?

Mrs. Gibbs : No. He just whines! (Th. Wilder)

The Parlor Maid (folding the tea-table and putting it out of the way) : He looks ever so much younger, Miss Blauche, doesn' t he? ... (B. Shaw)

Ремарки такого типа выполняют ситуативно-характеризующую функцию, создавая своим присутствием общую картину общения, воспроизводя детали, сопутствующие ему. Будучи изъятыми из диалога, они не повлияют на его общее коммуникативное назначение. Но большая часть акциональных ремарок не может быть изъята из текста диалога, не нарушив его связности, коммуникативной направленности, не затруднив адекватную интерпретацию речевых актов в репликах персонажей.

Основная функция всех жестов (кроме указательных) состоит в том, чтобы вносить акценты и усиления в речь, отмечает Е.В Красильникова (6 : 234). Ремарки, сами являясь формально выраженными репрезентативами (т.е. коммуникативно-интенциональное содержание их заключается в утверждении), могут содействовать усилению иллюкутивной силы практически любого речевого акта в реплике :

а) репрезентатива:

(George comes rattling down the stairs, very brisk.)

George: Good morning everybody. Only five more hours to live. (Makes a gesture of cutting his throat, and a loud "k-k-k"...) (Th. Wilder)

б) директива :

Boyle (with a commanding gesture): Tea! (S. O' Casey)

Sophie (puts her hand to her mouth): Shssh! Such words should not be said (L.Hellman)

в) квеситива:

Fielding: Been up in the bloody offices, have you? (Gestures overhead). (D. Storey)

В примере "а" Джордж для усиления утверждения о том, что ему якобы осталось жить 5 часов, использует жест, который к тому же несет информацию о том, каким способом якобы прервется его жизнь "*(Makes a gesture of cutting his throat...)*". Квеситив сходен с директивом в том смысле, что оба предназначены для того, чтобы вызвать действие адресата, вербальное или невербальное. Жест же зачастую детализирует запрос информации адресантом. В примере "в" жест указывает на месторасположение объекта. Ремарки, служащие усилению иллюкутивной силы вопроса в актуализируемой реплике, в отличие от непосредственно директивных речевых актов, когда описываемые в ремарке невербальные действия предвосхищают вербальное высказывание, обычно находятся в оппозиции к актуализируемому в реплике квеситиву, если идет запрос информации относительно отдельных деталей, которые и конкретизируются жестом, описанным в ремарке. По терминологии Ш.Балли, речь в данном случае идет о частичных диктальных и частичных модальных вопросах. В случае общедиктальных и общемодальных вопросов усили-

вающая их ремарка обычно употребляется в препозиции к актуализируемой реплике. (1: 48).

Параречевые акты чаще всего имеют место при описании социально-значимых жестов и телодвижений, которые замещают речевое высказывание при выражении и обозначении социальных норм поведения (приветствие, прощание (а), извинение (б), благодарность (в) и т.п.):

а) Nick (*Comes to Sophie*): *You're a sweet child and I look forward to knowing you. Good night. (To Griggs): Good night, sir. (Griggs bows. Nick kisses Constance.)* (L. Hellman)

б) Emily : ... *Mama, I can't find my blue hair ribbon anywhere.*

Mrs. Webbs : *Just open your eyes, dear. I laid it out for you specially — on the dresser, there. If it were a snake it would bite you.*

Emily : *Yes, yes... (She puts her hand on her heart.)* (Th. Wilder)

в) Emily: ... *Why, Mama, it's just lovely and it's just what I wanted. It's beautiful! (Emily flings her arms around her mother's neck. Her mother goes on with her cooking but is pleased.)* (Th. Wilder)

Следует признать, что наиболее часто встречаются случаи, когда социально-значимые жесты и телодвижения дублируют соответствующие реплики, тем самым придавая им большую искренность, усиливая воздействие на адресата:

Rose : ... *Good night, Sam. (Rose wafits him a kiss.)* (El. Rice)

Stranger (*He lifts her hand to his lips.*): *Thank you and au revoir...*

(G. Daviot)

Как видно из примеров, актуализируемые реплики в данных случаях представляют собой речевые акты — экспрессивы (7 : 183). Истинность суждения, выраженного экспрессивом, входит обычно в его пресуппозицию. Используемый социально-значимый жест еще раз подчеркивает истинность пресуппозиции говорящего.

Мимическое поведение личности не раз становилось объектом исследований в плане отражения эмоционального состояния личности, что закономерно, так как мимика является преимущественно эмоциональной. Но мимические выражения лица имеют и коммуникативное предназначение, выступая даже в качестве самостоятельных параречевых актов и таким образом способствуя дальнейшему продвижению коммуникативного процесса:

а) Linda: *I adore Pym, don't you? So very gay and amusing.*

Amanda : *Yes, he is. I'm very fond of him. Rather wastes himself though, doesn't he?*

Linda : *That's necessarily prodigal. (A moment's pause. Amanda lifts her eyebrows.) I mean, I mean — I'm afraid that must have sounded malicious ...*

(S. Behrman)

б) *Jamie: ... The Kid is damned sick.*

(*His father gave him a sharp warning look.*)

(*E. O'Neill*)

Как видно из примеров, ремарки, формально выраженные репрезентативами, в контексте общения описывают невербально выраженный акт - квеситив в примере "а", когда Аманда в ответ на реплику Линды вопросительно поднимает брови, чем понуждает Линду к дальнейшим объяснениям. Пример "б" является подтверждением того, что в ремарке могут быть представлены параречевые акты, которые соответствуют не только основным типам речевых актов, но и представляют собой их вторичные функции: в данном случае предупреждение Джеми не говорить лишнего матери о болезни сына выражено отцом при помощи предупреждающего взгляда.

Ряд ремарок, описывая определенные действия, жесты, мимику, сообщают о том, что реализованный речевой акт достигает / не достигает цели высказывания, т.е. представляют описание невербально выраженного перлокутивного эффекта. Ремарки такого типа находятся обычно в постпозиции к актуализируемому речевому акту (обычно это директив или квеситив), что обусловлено их семантическим содержанием:

Ros: I take my hat off to you.

Guil: Shake hands. (They do.) I'm satisfied now.

(*T. Stoppard*)

Опущение ремарки в данных случаях делает текст логически несвязным. Следовательно на уровне текста ремарка выполняет и текстосвязующую функцию в драматургическом произведении.

Следует отметить, что чаще всего невербальная реакция имеет место в случае использования непосредственно директивных речевых актов. Квеситивные речевые акты требуют речевой реакции, что обусловлено природой самих квеситивов: побуждение к непосредственно речевому действию — ответу. Для тех случаев, когда после реплики-квеситива в качестве ответа следует ремарка, описывающая невербальное действие, характерны отрицательные коннотации со стороны адресата:

Princess: What time is it?

Chance: My watch is in hock somewhere. Why don't you look at yours?

Princess: Where's mine?

(*Chance reaches lazily over to the table, and hands it to her.*)

(*T. Williams*)

Вместо речевой реакции следует ленивый жест героя, который совершенно лишен желания продолжать общение с собеседником, но не может позволить себе слишком открыто высказывать свои истинные намерения. Жест в данном случае "звучит" мягче, чем слово.

В ходе диалогического общения говорящие стремятся к тому, чтобы их сообщение воспринималось в течение всего времени его передачи, т.е.

стремятся к поддержанию речевого контакта. В качестве сигналов поддержания контакта могут выступать различные жесты и движения коммуникантов:

а) Jack : ... *I didn't know this party was on. Why not? Because I wasn't invited. (He moves to Jenny.) But you don't mind, do you, Jenny? Please say you don't (kneeling).* (G.Cooper)

б) Rose : ... *(Hesitatingly) Sam, there is something I want to ask you — (She stops.)*

Sam *(Turning to her)* : *What is it , Rose?*

Rose : *I wouldn't dream of asking anybody but you. ...* (El. Rice)

В примере “а” Джек, довольно навязчивый сосед Дженни и Бернарда, попадает к ним на вечеринку против их воли. Джек стремится завести разговор с хозяйкой дома. Чтобы удержать контакт с нею, Джек приближается к ней “*He moves to Jenny*”. В примере “б” изменение позы Сэма свидетельствует о некотором изменении отношений между ним и Розой, об установлении отношений доверительности между ними, и своим движением Сэм поощряет Розу к дальнейшему продолжению разговора. Таким образом, жесты, движения и позы коммуникантов могут выполнять функции неязыковых эквивалентов сигналов поддержания контакта и обратной связи адресата с адресантом в условиях непосредственной зрительной связи между ними. В ремарках описываются также невербальные акции, сигнализирующие об установлении и размыкании речевого контакта.

Особого внимания заслуживают указательные жесты, которые широко используются в целях прагматической адаптации или интерпретации сообщаемого в реплике, содержащей дейктические элементы коммуникации. Дж. Лайонз представляет дейктические элементы как фактор, постоянно напоминающий теоретической лингвистике о том, что все естественные языки первоначально предназначены для интерактивного использования, поэтому существуют пределы, до какой степени можно анализировать язык без учета этого фактора (13 : 61 — 83). Дейктические слова являются одним из наиболее важных факторов, способствующих взаимодействию между структурой языка и контекстом. Актуализация дейктических элементов осуществляется различными способами, среди которых не последнее место занимают кинесические элементы. Акциональные ремарки указательного характера в драматургических произведениях составляют около 40 % всех акциональных ремарок в нашей выборке примеров.

Leonie : *You advertise.*

Jenny : *Yes, but I've since found out that my husband's very much against it.*

Leonie : *He is here in the afternoons?*

Jenny : Only week-ends. But he'd have to know and I'm sure he wouldn't approve anything like this.

Leonie: Or like this. (Leonie indicates the money.) (G. Cooper)

Ремарки, описывающие указательные жесты, не могут быть опущены без нанесения ущерба смысловой целостности диалога: реплика в таком случае теряет значение для дальнейшего развития коммуникативного процесса и адекватной его интерпретации. Комбинация вербального сообщения с указательными жестами позволяет употреблять в диалоге специфичные для разговорной речи способы представления действительности. Ремарка позволяет восполнить семантическую неполноту реплики, так как содержит описание недостающего для адекватной интерпретации реплики семантического элемента.

Таким образом, большая часть акциональных ремарок не может быть изъята из текста диалога без нарушения его связности, коммуникативной целостности, не затруднив интерпретации речевых актов в репликах персонажей. Невербальные составляющие диалогического дискурса, как показывает анализ акциональных ремарок, выходят далеко за пределы отводимых им ранее вторичных функций эмоционально-сопроводительного порядка и требуют, на наш взгляд, дальнейшего исследования на всех уровнях лингвистического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. — 416 с. 2. Белова А.Д. Лингвистические аспекты аргументации. — Киев : Киевский университет, 1997 — 311 с. 3. Геворкян К.У. Кинесический язык (введение в кинесику). - Автореф. дисс... д-ра наук. — Ереван, 1991. 4. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. — М.: Наука, 1980. — 115 с. 5. Колшанский Г.В. Паралингвистика. — М.:Наука, 1974 — 80 с. 6. Красильникова Е.В. Жест и структура высказывания в разговорной речи // Русская разговорная речь. — М.: Наука, 1983 — С.214 — 235. 7. Серль Дж. Л. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. — Вып. 17. — С. 195 — 222. 8. Солощук Л.В. Структурно-семантические и прагматические характеристики ремарок в драматургическом произведении (на материале английского языка). — Дисс... канд. филол. наук. — Киев: Киевский госуниверситет, 1990. — 172 с. 9. Солощук Л.В. Паралингвистические номинации в художественном тексте // Актуальні проблеми вивчення мови та мовлення, міжособової та міжкультурної комунікації. — Харків : Константа, 1996. — С. 174 — 175. 10. Фаст Дж. Язык тела. — М.: Вече.Персей. Акт., 1995. - 224 с. 11. Argyle M. Bodily communication. — New York: International Universities Press, 1975. 12. Knapp M.L. Nonverbal communication in human interaction. - New York. Holt. Rinehart & Winston, 1978. 13. Lyons J. Deixis as the source of reference // Formal semantics of natural language: Papers from a Colloquium Sponsored by King's College Research Centre. — Cambridge : Keenan, 1975. — P. 61 — 83. 14. Malandro L.A. & Barker L. Nonverbal communication. Reading, M.A. Addison — Wesley, 1983. 15. Poyats F. The Audible-Visual Approach to Speech as Basic to Nonverbal Communication Research // Advances in Nonverbal Communication. — Amsterdam,

1992. 16. Richmond V.P. Non-verbal Behaviour in Interpersonal Relation. - Scottsdale, 1992.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Behrman S.N. No Time for Comedy // The Pocket Book of Modern American Plays. — New York, 1942. — P. 197-306.
2. Cooper G. Margin for Error // New English Dramatists, 7, 3'6. - London: Penguin Plays, 1965. — P.141 — 221.
3. Daviot G. The Pen of My Aunt // English One-Act Plays of Today. - London : Oxford University press, 1965. — P.129 — 148.
4. Rice El. Street Scene // The Pocket Book of Modern American Plays. — New York , 1942. — P.7 — 113.
5. Shaw B. Widowers' House. — Moscow, 1950. — P. 30 — 96.
6. Stoppard T. Rosencrantz and Guildenstern are Dead. — London: Faber and Faber, 1971. — 92 p.
7. Storey D. The Changing Room. — London: Penguin Books, 1973. — 96 p.
8. Three American Plays. — Moscow, 1972. — 220 p.
9. Three by Sean O'Casey. — New York: ST. Martin's Press, 1966. — 130 p.
10. Three by Tennessee. — New York, 1976. — 253 p.
11. Wilder Th. Our Town // Modern American Plays. — Leningrad, 1981. — P. 11 — 70.

СТИЛЬОЛІНГВІСТИЧНИЙ ПІДХІД ДО МОВНОЇ КОМУНІКАЦІЇ

Турчин М.М., канд.філол.наук (Івано-Франківськ)
Потапова Ж.Є., канд.філол.наук (Харків)

Прагмалінгвістика все більше і більше привертає до себе увагу, оскільки її об'єктом стало вивчення відношення мови до суспільної практики. Прагматика нагадала про те, що знакова система буде беззмисловою, якщо нею не користуватися. Прагматичний підхід до мови вимагає також вивчення стилістичних властивостей та їх впливів на комунікацію. Роль сучасної паралінгвістики полягає в тому, щоб зафіксувати, вивчити, простежити лінгвістичні засоби відмінності в мовленнєвих актах, що обумовлено національно-культурними відмінностями мовних суспільств (утрупувань). Значна роль відводиться вивченню та аналізу мовлення людей, які належать до різних мовних колективів. Зауважимо, що незважаючи на єдність законів логіки і пізнання світу, різні народи володіють своїм певним національно-специфічним баченням світу і тому по-різному будуть відображати у мовах їх дійсність. Ці відмінності криються як в культурному, так і в психологічному складі. Зазначимо, що для вичерпної відповіді на це питання недостатньо досліджень в галузі співставної стилістики, яка намагається встановити деякі національні тенденції у використанні засобів вираження, як, наприклад, абстрактність, конкретність, дієслівність чи номінативність. Завдання, зокрема, типологічної стилісти-

ки полягає у вивченні та встановленні мовних фактів, що мають тотожні та відмінні функції.

Наголосимо на тому, що фундаментальні праці з даного кола питань відсутні, окрім фрагментних описів. Це пояснюється тим, що співставлення стилістичних систем різних мов виявилось не під силу традиційній стилістиці, оскільки вона здавна мала лише справу з відхиленням від норми (оказіональними явищами), а також тим, що переважна частина дослідників акцентувала свою увагу на вивченні явищ фонетичного, лексичного та граматичного рівнів в їх стилістичних потенціях. При цьому з поля зору випадали специфічні національні риси стилістичних систем мов, які пов'язані з особливостями структур і національно-культурними відмінностями комунікантів (типами дій та менталітетом).

Не дивлячись на те, що є ряд посібників зі стилістики національних мов, переважна їх більшість не висвітлює особливостей, які є характерними для кожної даної мови зокрема, а обмежується переліком стилістичних мовних явищ, що відповідають певному рівню мовної структури, не враховуючи специфіки кожного явища в даній конкретній мові. Не аналізується також сукупність стилістичних явищ мовленнєвої системності і її співвіднесеність з функціонально аналогічною мовленнєвою системою іншої мови, а без цього неможливо проникнути в національний колорит тієї чи іншої мови, тобто в її душу. Підкреслимо, що манери мовної поведінки є суцільно національними за своєю природою. Їх осмислення неможливе без попереднього знання стилістичних потенцій мовних систем. Так, наприклад, при перекладі італійського слова «Eutanasia» німецьким еквівалентом «Euthanasie» спостерігаємо, що звучить воно для компетентних мовців німецької мови з мінімальною історичною свідомістю як таке, що не підходить для вживання, оскільки викликає негативні асоціації щодо нацистських злочинів. Однак негативні асоціації у свідомості італійського мовця і у високо компетентних мовців носіїв німецької мови відсутні, тому що вони обізнані з етимологією цього слова, яке дослівно означає добра смерть (з грец. eu – «gut» і «thanatos» – Tod).

Дана лексема широко використовується особливо в медицині, де ведуться жваві дискусії щодо втручання лікарського методу у життя безнадійно важко хворих людей, які добровільно погоджуються на штучне, безболісне прискорення свого життя завдяки обезболюючим засобам, а тому не має необхідності вживати евфемізм «солodka смерть», про що нагадає нам етимологія слова. Чутливість до таких мовних аспектів може розглядатися лише завдяки сприйняттю аутентичних текстів через контакт з історичною та культурною реальністю країни, мовою якої спілкуємося і використовуємо у мовній комунікації (письмово або ж усно). Зазначимо, що жодне викладання країнознавства не може адекватно передати ці інфор-

мації, які передбачають тісний взаємозв'язок мови і географічної реальності. Наголосимо на тому, що цілісність стилю тексту складається із сукупності стильових елементів. Ще у свій час Ф. де Соссюр відзначав, що стиль не є властивістю мови, тому що він виникає в процесі формулювання (тобто у мовленні).

Переважаюча більшість вчених дотримуються такої ж думки (2, 3, 5, 7, 8, 10). Ми приєднуємося до цієї точки зору, оскільки стиль це комунікативна категорія.

Зауважимо, що ряд лексем у лексикографічних джерелах марковані помітками того чи іншого стилю, напр.: «umgangssprachlich», «salopp», «vulgar», «poetisch», «gehoben», а також вказівками щодо професійного вживання, напр.: «Baukunst», «Architektur», «Medizin» і т.д. Такі стилістичні маркування є, власне кажучи, стильовими забарвленнями, яких набули лексеми внаслідок свого привілейованого вживання у певних сферах комунікації, тобто у сферах діяльності або завдяки їхньому вживанню в національно-мовних формах існування. Стильові забарвлення – це Konnotationen, які можна розподілити на такі основні групи: специфічні стильові забарвлення або стильовий пласт, функціональні, соціальні та ландшафтні. Стильовий пласт охоплює лексеми, які базуються на вживанні лексем нейтрально, вульгарно, недбало, урочисто, поетично. Напр. урочисто звучать лексеми *Trank m*, *Trunk m* і звичайно – *Getränk n* або ж *bitten* – нейтрально і *ersuchen* – урочисто, нейтрально *Frühling m* і поетично – *Lenz m*.

Лексеми з функціональними стильовими забарвленнями маркуються завдяки своєму привілейованому вживанню в обмежених комунікативних сферах мовлення, як у повсякденні, так і в юриспруденції, в управлінні, директивах тощо. Підкреслимо, що у писемній комунікації надають перевагу лексемам, які вживаються не так часто. Наведемо приклад з газетно-публіцистичного стилю: *Techno für Erwachsene. Aphex Twin, ein britischer Popstar, verbringt viel Zeit unter Warptechnikern. Die Presse feiert ihn als «Techno-Mozart»*. В даному випадку лексема – *Techno*, яка утворена шляхом усічення відприкметникової основи за допомогою суфікса «о», вражає своєю ексцентричністю, емотивно впливає на адресата і привертає його увагу.

Наведемо приклад з розмовного стилю. Він рясніє експресивними та емоційно-оцінними лексичними одиницями, а також аббревіатурами та аббревіатурними похідними, які використовуються свідомо як стилістичний засіб: *Oh, diese Kritikalos gehen mir schon auf den Zeiger.* (*Kritikalos* -pl. → *Kritikalo* -sg. – «ewiger Kritiker»). Або – *Frag doch mal deine Dinos* (*Dinosaurier*), *ob die Ansage von gestern noch stimmt.* (*Dinos*= *liebevolle Bezeichnung für die Eltern*). – *Wann bohrt sie wieder nach Hagenov* (*bohren*

= abfahren). – *Kinder, hier darf kein Anarcho (Anarchismus) sein, indem wir abwesend sind. – Der Willi ist doch ein Dösi (Döskopf = Schlafmütze).*

З наведених прикладів переконалися, що як в газетно-публіцистичному, так і в розмовному стилях вживаються емоційно-експресивні лексеми, що володіють різною конотацією.

Лексичні одиниці набувають соціально-стильового забарвлення у тому випадку, якщо вони вживаються соціальними групами у переосмисленому значенні, це насамперед молодіжна лексика, напр.: *Ich glaub' mein Hamster bohnt* (aus süddt. und öster.) – де Hamster означає велике здивування. Або *Das ist deli*, (d.h. sehr gut) (deli vom Delikatladen). *Diese Gruppe ist Sahne* (sehr gut, hervorragend). *Das ist ein Kaputtink* (=der Kaputte). *In der Disko war mir zu viel Anmache* (d.h. Flirt). *Zum Fest brauche ich einen neuen Fummel* (d.h. Kleid) та ін. Особливо часто вживаються такі лексичні одиниці у мові реклами.

Ландшафтного забарвлення набувають регіональні лексеми та діалектизми. Це в першу чергу стосується молодіжного жаргону, де існують вже регіональні відмінності, тобто варіанти, напр.: schwätzen, tratschen (süddt.), plaudern, plaudatzen (ostdt.) = viel reden; Tepp od. Depp od. Dodel (süddt.), Latschi (norddt.), Lusche (ostdt.) = geistig beschränkter Mensch, täppischer Mensch, d.h. Trottel.

В результаті аналізу нами виявлено, що найбільш характерним явищем є тенденція носіїв мови, насамперед молоді до полісемії. Перейменування здійснюється на основі вже відомих значень. Не маючи досвіду у створенні власної мовної системи, молодь перетворює уже наявну відповідно за власними інтересами. Напр.: geil означало froh, lustig, gut – потім ugs. bei den Jugendlichen «sehr gut». Подібна доля – Kumpel (1. Bergmann, 2. guter Kamerad) → ugs. Eumel, Zarter, d.h. etw. Besonderliches. Точно так же Sahne – сметана, а в молодіжному лексиконі = «sehr gut», «hervorragend», а звідси Sahnetörtchen = süßes Mädchen (d.h. schönes Mädchen); Sahnemusik = wohlklingende Musik. Або Zahn – зуб, bei den Jugendlichen = junges, schönes, stolzes Mädchen, звідси Milchzahn, Fangzahn та ін.

Стиль – це результат вибору автором конкуруючих властивостей мовної системи, він передає як комплексний текстовий знак комунікативний зміст, який репрезентується на основі прагматично орієнтованого відображення об'єктивно представлених ситуативних відношень, а також зв'язків з вербальними та невербальними засобами комунікації. Зазначимо, що тексти класифікують залежно від їх приналежності до того чи іншого стилю. До уваги необхідно брати види професійних груп, наприклад, чи це стиль пасторальний (прикрашений, ідилічний), чи журналістський, професорський тощо. Мовець формує стиль у процесі творення тексту, постійно керуючись своїми намірами, комунікативною доцільністю. Звер-

тається увага на людські стосунки, які виражаються у стилі: ввічливий, агресивний, дружний, недружний, формальний, офіційний та ін. Все це необхідно враховувати, оскільки від цього залежить значною мірою і підбір мовних засобів, які впливають на мовну структуру та смислову форму вираження. Вид стилю підпорядковується прескрипціям мовного вживання, які виходять за системні норми. У стилі проявляється не лише індивідуальність, але й намір мовця, зміст. Мовне використання підпорядковане суспільним прогнозуванням, які тісно пов'язані з певними традиційно усталеними видами текстів, а тому свобода вільного формулювання має певні межі, що пов'язано не лише із системними нормами, але й із всеохоплюючими зв'язками, у які тісно вплетена мовна комунікація. Отже, мовець несе відповідальність за своє висловлення перед реципієнтом як в усній, так і в писемній формі, тобто за те, що і як повідомляється, що лежить в основі висловлення, як адресат повинен осягнути, усвідомити те чи інше явище. Стиль повинен акцентувати увагу на соціальному стані партнерів. Складові частини змісту впливають зі стилю, який може послабити або посилити висловлення, надати йому емоційності або ж конкретизувати його, тому стиль потрібно розглядати не як формальну, а як логічну категорію. Він характеризується своєю мовною специфікою, яка відповідає комунікативним ситуаціям вибраних видів текстів тієї чи іншої верстви суспільства.

Ми вважаємо, що стиль є не тільки особливістю писемного мовлення, але й усного, хоч домінує писемне.

Таким чином, стиль — це комунікативна категорія, яка надає текстовому комплексному знаку комунікативного змісту. Він має бути адекватним до виду тексту, ситуації, бути логічним, цілеспрямованим, індивідуально відшліфованим, діяльним, креативним. Особлива увага звертається на манеру викладу тексту, соціальні очікування, які вимагають різних способів висловлення, тому кожен автор вибирає свій стиль, свої елементи стилю та стилістичні фігури: персоніфікації, неологізми, okazionalizmi, синтаксичний паралелізм, повтори (синонімічні, синтаксичні), алітерацію, антитезу, анафору тощо. З метою підтвердження вищесказаного, наведемо уривки трьох текстів, які тематизують однаковий стан речей (Sachverhalt) (опис подій в одну і ту ж пору року — восени):

1. *Die Uferwälder lehnten sich müde zurück. Sie hatten sich sommers eifrig im See gespiegelt; dann kam aber der Herbst, das Wasser ergraute, es blieb kein Eindruck, der See vergaß sie.*

2. *Der Herbstnebel lag über dem Wasser, als wir den See erreicht hatten. Nur verschwommen nahmen wir die Wälder am anderen Ufer wahr...*

3. *An diesem kalten Herbstmorgen war die Sicht auf der Seestraße durch Nebel so stark behindert, daß der Fahrzeuglenker des entgegenkommenden*

PKWs die Straßenbiegung nicht rechtzeitig einsehen konnte... (Aus den Schülererzählungen. St. Hagenow. –Mecklenburg-Vorpommern).

З даних текстів переконуємося, що манера викладу, щодо опису подій, які відбуваються восени, трьох авторів є зовсім різною. Кожен дописувач вибирає своє персоніфіковане зображення, яке передається різними стилістичними засобами.

Соціальні очікування до комунікації вимагають саме різних способів висловлення, які досягаються за допомогою стильових засобів, персоніфікації – *das Wasser ergraute* (wie ein alternder Mensch, dessen Haare im Herbst des Lebens grau werden). Синтаксичного паралелізму, який підсилюється за допомогою влучно підібраних коротких дієслів у простому минулому часі (Präteritum) – *kam* – *blieb* – *vergaß*.

Таким чином, стиль не ознака системи мови, а виключно властивість мовлення, де відображається людина з її специфічними мовними навичками та вміннями. Елементи стилю, стилістичні фігури відіграють важливу роль у мовній комунікації. Вибір стильових елементів залежить від конкретного тексту, суб'єктивних намірів мовця, ілюкутивного та перлюкутивного актів висловлення. Стиль формується мовцем у процесі творення тексту, до уваги береться соціальний стан партнерів, біотичний аспект. Вид стилю підпорядковується прескрипціям мовного вживання, що виходять за системні норми. Належне місце у мовній комунікації посідає молодіжна лексика.

Отже, стиль — це комунікативно-прагматична категорія, його мета не тільки емотивно вплинути на реципієнта, але й спонукати до дії, висловити оцінне ставлення до фактів, подій. Він надає текстовому комплексному знаку комунікативного змісту. Сучасна функціональна прагмалінгвістика орієнтується як на соціальні завдання текстів, так і на національно-культурні фактори, які обумовлюють мовленнєву варіативність. Це є яскравим доказом того, що мовлення необхідно вивчати з урахуванням національного контексту, який репрезентується на основі прагматично орієнтованого відображення.

ЛІТЕРАТУРА

1. Ehmann H. Oberaffengeil. Neues Lexikon der Jugendsprache. - München: Beck, 1996. - 159S.
2. Fix U. Die Kategorie Stil als theoretisches Problem // Beiträge zur Stiltheorie. Hrsg. von einem Kollektiv unter der Leitung von Ulla Fix. - Leipzig, 1990. - 7ff.
3. Heinemann M. Kleines Wörterbuch der Jugendsprache. - Leipzig: Bibl. Inst., 1989. - 122S.
4. Heusinger S. Pragmalinguistik. Texterzeugung, Textanalyse; Stilgestaltung und Stilwirkungen in der sprachlichen Kommunikation. - Frankfurt am Main: Haag und Herchen, 1995. - 162S.
5. Leontjew A.N. Das Problem der Tätigkeit in der Psychologie // Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge 26. - Moskau, 1973. - S.415ff.
6. Levinson S. C. Pragmatik. - Tübingen: Max Niemayer Verlag, 1994. - S.422ff.
7. Michel G. Grundzüge der Stilistik // Kleine Enzyklopadie Deutsche Sprache. Hrsg. von

W. Fleischer u.a. - Leipzig, 1983. - S.450ff. 8. Rehbein J. Zur pragmatischen Rolle des Stils // Probleme der Stilistik. Bd.1. - B. Sandig (Hrsg.).- Hildesheim, Zurich, New York, 1983. - S.21ff. 9. Riesel E. Diskussion über das Problem „Stilzug“ erforderlich. Kritische und selbstkritische Betrachtungen // Sprachpflege, Jg. 24. - Leipzig, 1975.- S.1ff. 10. Sandig B. Stilistische Mustermischung in der Gebrauchssprache // Zeitschrift für Germanistik (10). H. 2. - Berlin, 1989. - S.133ff. 11. Schweringer Volkszeitung, 1998 - 1999. 12. Süddeutsche Zeitung, 1998 - 1999.

ОСНОВНІ ФАКТОРИ, ЩО ВИЗНАЧАЮТЬ ВИБІР ФОРМИ ДІЕСЛІВНИХ СИНТАКСИЧНИХ КОНСТРУКЦІЙ У ТВОРІ АЛЬБЕРА КАМЮ “СТОРОННІЙ”

Філоненко Н.Г. (Київ)

Розгляд граматичних особливостей синтаксичних конструкцій з точки зору відображення у цьому явищі певних етико-філософських позицій конкретної групи письменників є досить актуальною проблемою сучасних лінгвістичних досліджень, які з урахуванням останніх досягнень мовознавчої науки мають переважно виходити в галузь пограничних наук: психолінгвістики, соціолінгвістики, поєднання лінгвістичних досліджень з певними філософськими тенденціями.

Вчення і положення літературних і філософських напрямків, категорій яких знаходять вираз у літературних творах (екзистенціалізм, наприклад) є допомогою для аналізу мови і стилю автора і для розуміння взаємозв'язку форми і змісту синтаксичних конструкцій у відповідності з логічною концепцією автора.

Вибір мовних засобів залежить від загальної концепції твору, а також від окремих ідей та думок. Це стосується не тільки лексико-семантичних засобів, а й синтаксичних форм; відповідно, та чи інша семантична функція у своїй синтаксичній системі може вивчатися у контексті логіко-сміслової концепції твору. Неможливо було б уявити (як, рівною мірою, і дослідити) семантику художнього тексту у відриві від синтаксису твору. Перед сучасною лінгвістикою стоїть проблема розшарування, розподілення і закріплення смислів і значень як за семантикою, так і за синтаксисом. Безсумнівно, що певна кількість смислів закріплюється за синтаксисом, інша — за семантикою, але часто досить нелегко визначити фактор, який спонукає автора конструкції розподілити смисли за синтаксисом чи за семантикою таким чином, а не інакше.

Комплексне вивчення семантики і синтаксису художнього тексту дає можливість одержати адекватне уявлення про художню цінність твору і про індивідуальне авторське світосприймання і світорозуміння, тобто про його концептуальну картину світу. Форма кожної синтаксичної конструкції є носієм ідей, концепцій і субконцепцій автора, тобто основні ідеї твору впливають на форму конструкцій. На процес створення тексту впливає не тільки ідея твору, а й особа автора, його характер, психічні особливості, мовна компетенція, інтелект, умови і історія життя письменника.

“Якщо синтаксична схема речення може розглядатися як одиниця мови, а це, безперечно, так, її семантичні характеристики і її тектонічна організація повинні бути якимось чином ув'язані і погоджені” (2: 103). Встановлення змісту об'єкту тексту відбувається не тільки за лексико-семантичними параметрами, але й за формально-синтаксичними. Певний тип базисної структури синтаксичної конструкції містить в собі від однієї до декількох ідей твору, який є завжди писемним мовленням.

Писемне мовлення — мовлення у відсутності співбесідника, яке не припускає лакун, тому воно максимально розгорнуте, в ньому синтаксична структура більш розвинена, ніж в усному мовленні, внаслідок чого автор зобов'язаний використовувати для вислову окремої думки більше слів. Продумування у писемному мовленні — важливий момент, тому ми можемо стверджувати, що ті чи інші синтаксичні конструкції втілені саме в тих формах, які найповніше відображають логічний задум, основну ідею того чи іншого твору, також як і авторську концептуальну картину світу. Коли автор твору реалізує внутрішнє мовлення у зовнішнє (писемне), поетапно обробляючи її, він вкладає свої особистісні змісти в ті мовні структури і одиниці, які найбільш відповідають авторському завданню. Будь-яке авторське слово у контексті твору містить інші смислові одиниці і надає свого смислу іншим словам. Звідси висновок, що у кожному слові, яке вписане в художній текст, існує закладений автором підтекст. Автор художнього тексту, який пише, ретельно шукає потрібні синтаксичні конструкції, звертаючись до свого внутрішнього мовлення набагато усвідомленіше, ніж у процесі породження усного мовлення, що фактично дає змогу судити повною мірою про авторський задум, виходячи з самої форми конструкції.

Будь-яка синтаксична конструкція, що входить до складу речення, а потім і тексту, окреслює ситуацію (чи частину ситуації) як одну із складових сукупності ситуації на основі яких складається ідея даного тексту (як сума ідей сукупності надфразових єдностей), тому, синтаксичні конструкції попадають у розряд предметів формально синтаксичних досліджень в аспекті онтогенезу тексту. Ідея тексту, твору є сумою ідей, що результують зі смислів контекстів.

Колшанський В.Г. заключає: "... вживання мовної форми не може бути ані довільним, ані приблизним. Оскільки адекватність мовної конструкції і її зміст потребують вибору тільки таких форм і структур, які однозначно передають необхідні у конкретних умовах денотативні ознаки. Навряд чи мова буде терпіти необмежену кількість тавтологій" (1: 101)

Таким чином, дієслівні синтаксичні конструкції у творах набувають особливого значення, їх вивчення з огляду на вищезначене розкриває закони функціонування мови у цілому.

Твори екзистенціалістів з цієї точки зору є багатим матеріалом для дослідження не тільки тому, що екзистенціалізм посідає особливе місце у світовій культурі і є однією з найпоширеніших філософських течій, а й тому, що категорії екзистенціалізму знаходять яскравий вираз у мові мистецтва, у літературі, у формі романів. Знання основних ідей творів екзистенціалістів полегшує аналіз синтаксичних конструкцій, результати якого, в свою чергу, можуть внести свій вклад у філософське пояснювання світосприйняття екзистенціалістів.

Структура бази дієслівних синтаксичних конструкцій твору А. Камю "Сторонній" дуже розвинена і навряд чи може бути охоплена повністю у рамках одного спеціального дослідження, але містить такі елементи:

- 1) V+Coindir (Codir)
- 2) V+adv
- 3) V+Vinf
- 4) V+i/чи adv+i/чи Codir (Coindir)+i/чи prep+ Vinf

наприклад:

- 1) *...on m'a pris ma ceinture, mes cordons de souliers, ma cravate...* (A.Camus, *L'Etranger*. p.47)
- 2) *Il a répondu brusquement...* (A.Camus, *L'Etranger*. p.49)
- Bruit me faisait mal* (A.Camus, *L'Etranger*. p.72)
- 3) *...si l'inévitable peut avoir une issue...* (A.Camus, *L'Etranger*. p.92).
- 4) *... il faudrait au moins trois quarts d'heure pour aller...* (A.Camus, *L'Etranger*. p.34)

Щоб проілюструвати вищевикладені положення, проаналізуємо ці конкретні конструкції роману А.Камю "Сторонній". Але, по-перше, треба відзначити, що у кожного способу дієслівної дії є своя специфіка вибору внутрішньодієслівних засобів вираження, таких, як лексична семантика (наприклад, дієслово, в лексичному значенні якого закладена сема низького або високого ступеня прояву якої-небудь ознаки дії). Для мови А.Камю не притаманне вживання дієслів з високим або низьким ступенем прояву ознаки дії, як і вживання дієслів емоційно-забарвленої лексики.

- 1) *...on m'a pris ma ceinture, mes cordons de souliers, ma cravate...* (A.Camus, *L'Etranger*. p.47)

Дієслово *prendre* 'брати' (належить до семантичного поля дієслів конкретної дії і є активним дієсловом у широкому розумінні слова. Це дієслово вжито у формі *passé composé*, яка слугує для визначення факту, дія якого відбулася одноактно і може бути охарактеризована як кінцева, остаточно завершена. Крім того, виконавець дії - не відомий, але цей "інший" як одне з понять філософії А. Камю існує і виконує дію по відношенню до головного діючого персонажу твору, наявність якого в конструкції виражається займенником "me". Займенники "ma" та "mes" вказують на вплив дії невідомого іншого на предмети, що належать головному діючому персонажеві. В нього забирають його власні речі, тобто позбавляють звичного світу. Це підтверджує основну сюжетну лінію надфразової єдності даного уривку (головного персонажа садять за ґрати). Також і форма дієслова, яка описана вище, відтворює ідею безповоротності подій і заточення персонажів у безвихідну ситуацію

2) *Il a répondu brusquement...* (A. Camus, *L'Etranger*. p.49)

Дієслово *repondre* 'відповідати' належить у данному випадку до семантичного поля дієслів мовлення (наприклад: *causer, parler, crier, expliquer, bavarder, demander, questionner, etc.*). Дієслова, що належать до різних семантичних полів, можуть мати при собі семантичні компоненти, що визначають різні аспекти постлення та послаблення дії (інтенсифікатори). Виділяються такі значення інтенсифікаторів: швидкості (*rapidement, vivement, etc.*); сили (*violemment, fortement, fort, etc.*); раптовості (*brusquement, d'un coup, etc.*); тривалості (*lentement a la longue, etc.*); глибини (*profondément, au fond*); повноти (*pleinement, entièrement, etc.*). Дієслово *répondre* підсилене інтенсифікатором раптовості *brusquement*, лексичний елемент якого відтворює ідею несподіваних поворотів долі для діючих персонажів. Отже, дієслово *répondre* у формі *passé composé*, особливості вживання якої розкрито на попередньому прикладі, характеризує несподівано для головного персонажу кінцеву, остаточно завершену, безповоротну дію, яку до того ж виконує "інший". Таким чином, ця конструкція відповідає також ідеї існування поруч "іншого", на якого головний персонаж має зважати.

3) *...si l'inévitable peut avoir une issue...* (A. Camus, *L'Etranger*. p.92).

Дієслово *pouvoir* 'могти' належить до семантичного поля модальних дієслів психічної сфери діяльності людини. У даному випадку дієслово *pouvoir* вжите у теперішньому часі, *présent*. Теперішній час, як відомо, позначає дію, яка відбувається зараз, чи яка відбувається завжди, увесь час, тривало. Однак, теперішній час повинен вживатися за правилами французької граматики замість майбутнього часу після сполучника *si* у конструкціях, де цей сполучник виконує функцію умовного і надає умовності усій конструкції. Тобто, ця дія буде тривати деякий час у майбутньому, цієї дії ще немає і вона існує як одна з можливостей повороту долі,

якої людина ще не знає. *Avoir une issue* ‘мати вихід’ — сталий вираз. Дієслово *avoir* надане у своїй найневизначенішій формі — формі інфінітиву. Ця невизначеність форми надає й невизначеності виконавцю дії, тобто *inevitable* ‘невідворотність’ є невизначеною і за формою дієслова і завдяки дієслову.

4)... *il faudrait au moins trois quarts d'heure pour aller...* (A.Camus, *L'Etranger*. p.34)

Дієслово *falloir* ‘бути повинним’ належить, як і в попередньому прикладі, до семантичного поля модальних дієслів психічної сфери діяльності людини. Це дієслово вжите у формі *futur dans le passé*, яка зумовлена, за правилами французької граматики, узгодженням часів і позначає дію, яка є майбутньою по відношенню до іншої дії, яка вже закінчилася у минулому, але яка може бути вже минулою по відношенню до моменту породження мовлення, тобто до моменту написання оповіді головного персонажу. Але на момент відбування подій, головному персонажеві майбутня ситуація була невідома, тобто невідома й його подальша доля. Однак, автор не повідомляє читачеві ані учасників ситуації, ані виконавця дії (конструкції з подібними дієсловами часто не визначають підмет виконавцем дії, оскільки речення з цими дієсловами є безособовими). Крім того, у конструкції наявна прихована дія, тобто дія, яка висловлена іменником *marche* ‘ходьба’, лексична семантика якого вказує на процес дії. Виконавця цієї дії автор не вказує. Дієслово *aller* ‘ходити’, як і в попередньому прикладі (дієслово *avoir*), надане у формі інфінітиву, стилістичні особливості якого були зазначені вище. Для трьох дій даної конструкції — дії *falloir*, дії *marcher*, дії *aller* — існує певний час тривання. Аналізуючи цю конструкцію, можна отримати ідею тривалої невпевненості у долі людини. Таким чином, життя людини є лише ланцюгом подій і миттєвостей, без визначеного майбутнього, що відтворює одну з ідей концепції Альбера Камю.

Bruit me faisait mal (A.Camus, *L'Etranger*. p.72)

Дієслово *faire* ‘робити, спричиняти’ належить до семантичного поля дієслів конкретної діяльності. Форма *imparfait* вказує на дію, що тривала певний проміжок часу у минулому. Конструкція *faire mal* - сталий вираз. Тривала дія впливає на головного персонажа, що доводиться наявністю займенника-додатка *me* перед дієсловом. Таке звукове явище як *bruit* ‘шум’ домінує над головним діючим персонажем. Це визначає ідею всевладності долі над людиною.

Аналіз наведених синтаксичних конструкцій твору Альбера Камю “Сторонній” доводить, що зміст і форма даних конструкцій залежать від логічної концепції автора і віддзеркалюють філософські ідеї, які визначають сюжети творів екзистенціалістів.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. -М.: Наука, 1986. - 231 с. 2. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности /Отв. ред. Б.А. Серебrenников. -М.: Наука, 1986. -158 с.

ДЖЕРЕЛА ІЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРІАЛУ

1. A. Camus. L'Etranger. La Peste. -М.: Edition du Progres, 1969. - 334 p.

КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КОМИЧЕСКОГО В ЖАНРЕ ЛИТЕРАТУРНОГО НОНСЕНСА (на материале английского языка XVI – XVII веков)

Черновол-Ткаченко О.А. (Харьков)

Семантическое поле исследуемого объекта (юмора) и система взаимосвязи его элементов достаточно сложны. Наряду со словами “wit”, “irony”, “satire”, “mock”, “sarcasm”, “tease”, “whim”, “joke”, “practical joke” и т.д. семантическое поле понятия “humor” включает и понятие “nonsense” (1:54). Отметим, что лишь незначительное число работ было посвящено лингвистическому исследованию данного компонента, а также его границ в рамках этого поля. Более того, такие основные в данной области работы, как «Анатомия нонсенса» Тигтеса (1987), «Льюис Кэрролл: изучение литературного нонсенса» Райхерта (1974) и «Происхождение английского нонсенса» Малколма (1992) носят в основном литературоведческий и социально-исторический, но не лингвистический характер.

Жанр литературного нонсенса мы выбрали объектом данного исследования по ряду следующих причин:

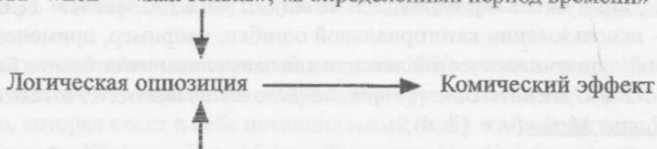
- жанр литературного нонсенса имеет свои корни в прозаических и поэтических произведениях авторов XVI—XVII веков (Хоскинса, Тэйлора, Корбета, Смита), т.е. в начале новоанглийского (НА) периода развития юмористической традиции в британской литературе;
- данный жанр продолжает развиваться на всем протяжении НА периода в юмористических произведениях британских авторов XIX – XX веков (Кэрролла, Лира, Брэга);
- ввиду своей принадлежности к литературным жанрам нонсенс сохранился в доступных нам источниках;

- нонсенс-тексты не были еще исследованы с точки зрения семантической теории скриптов юмора Раскина (1985), которая, на наш взгляд, наиболее точно отражает механизм произведения комического эффекта.

В соответствии с данной теорией любой юмористический текст построен на сочетании двух скриптов, каждый из которых содержит определенную информацию, причем информация этих скриптов находится в отношении оппозиции. Их взаимодействие ("script-switch trigger") – это сложный когнитивный процесс, специфичный не только для каждого конкретного языка, но и для каждого индивида, продуцирующего и воспринимающего данный текст. Однако, чисто технически данное противопоставление выражается в тексте лингвистическими средствами различных уровней.

Эффект комического, возникающий в результате взаимодействия противоположных скриптов, имеет место и в случае жанра литературного нонсенса. Причем здесь эффект этот основан на абсолютном отрицании сути формой, т.е. суть и буквальное значение слов текста нонсенса находятся как бы на противоположных полюсах, расположенных на вертикальной оси семантической структуры слова/словосочетания. Приведем пример такого противопоставления в нонсенс-тексте и представим его графически в виде приведенной ниже структуры: "...*When Fishes on the Trees do chatter, / When womens tongues ne'er move, // When men forbear to life and flatter, // Then will I fall in love* (2:86).

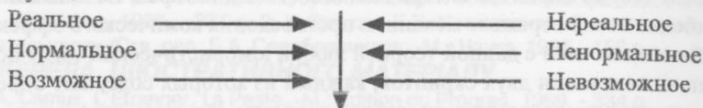
Буквальное значение слова "chatter" – «болтать, разговаривать»; слова "when" – «как только», «в определенный период времени»

Контекстуальное значение ("суть") слова "chatter" в сочетании со словом "fish" – "не уметь разговаривать, быть немым"; слова "when" – «никогда»

Главное отличие противопоставления скриптов в текстах нонсенса от того, которое наблюдается в других юмористических текстах, заключается в том, что в последних противопоставление скриптов носит, во-первых, не столь радикальный характер, и, во-вторых, оппозиция реализуется как бы по горизонтали, т.е. не внутри семантической структуры слов/слова, а между отдельными единицами языка, и, в-третьих, оппозиция скриптов в нонсенс-текстах всегда имеет исключительно логический характер, т.к. проявляется в противопоставлении реального нереальному (например, "...*When men instead of Corn sow Starch...*" (ibid)). Наиболее

типичными оппозициями для любых юмористических текстов являются следующие:

Комический эффект

Чтобы проиллюстрировать меньшую интенсивность, иную направленность и более разнообразный характер оппозиций скриптов в юмористических текстах, отличных от нонсенс-текстов, приведем следующие примеры оппозиций: «нормальное – ненормальное» – случай скрытой тавтологии “*It was on a nocturnal night...*” (3:57); «возможное – невозможное» – случай оксюморона “*...he'd make a lovely corpse...*” (3:185); «реальное – нереальное» – случай лексической иронии “*... and ... where do you see anything more healthful, than the children of the poor?*” (3:55).

Юмор нонсенса – это высокоинтеллектуальная стилистическая игра со смыслом и значением слов и словосочетаний. В исследованных нами произведениях XVI – XVII веков эффект нонсенса строится в основном на:

- противопоставлении значения возвышенной ораторской лексики, используемой для описания неадекватной данной языковой форме ситуации: “*I do beseeche your Excellency to grant your Royal Warrant to the Lo. Marshal ... to command one of his Guards to go to one of the Grooms of the Stable, to fetch the Beadle of the Beggars, ut gignat stultum, to get him a stool; ut sis foris Eloquentiae, that he may sit for his Eloquence*” (Hoskyns);

- использовании категориальной ошибки, например, применении научной/ терминологической лексики для наименования/описания бытовых объектов “*I see no reason why men should so addict themselves to take tobacco in Ramus Method...*” (ibid);

- соединении семантически несоединимых наименований, например, цветов, находящихся в противоположных концах спектра: “*... With that grim Pluto all in Scarlet blue...*” (Smith);

- использовании графических средств: замене букв или слогов в созвучных словах или шифровании определенного слова в виде анаграммы: “*For you are able in Troops of Tropes, and Centuries of Sentences to master your meaning...*” (Hoskyns).

Тем не менее все лингвистические средства выражения комического (ЛСВК) в жанре нонсенса опираются на один и тот же механизм, а именно на логическую несовместимость, или «logical impossibilia» (7:49) между парадигматическим (системным) значением и контекстным смыслом слов/их словосочетаний. Механизм создания юмористического эффекта нонсенса в определенной степени аналогичен механизму гиперболиза-

ции, но отличен от последнего по степени интенсивности. Задача ЛСВК в жанре литературного нонсенса – преувеличить гиперболу, войдя с ней в такие же отношения, в которые сама лингвистическая гипербола входит с обычной речью. Так, авторами нонсенса-текстов широко используется целый ряд лингвистических приемов «максимального» преувеличения, а именно:

- частое повторение суффикса “-less” для усиления эмотивной семантики отдельных прилагательных прилагательных (“topless”, “endless”, “quenchless”);

- употребление экзотических географических названий с целью создания эффекта безграничности и богатства окружающей реципиента действительности, например, “... Then shall the *Perecranians* of the East ... all knuckle deep in *Paphlagonian Sands*...” (Marlow);

- употребление числительных «больших количеств» (“fifteen hundred”, “ten thousand”) и др.

Частным случаем такого «максимализма» является использование жанром литературного нонсенса игры слов. Этот прием, безусловно, не принадлежит к ЛСВК исключительно жанра литературного нонсенса, однако его широкое распространение в данном жанре свидетельствует о его значительной роли в создании комического эффекта, например: “*You listen unto my speeches, I must needs confess it; you hearken to my words, I cannot deny it; you look for some meaning, I partly believe it; but you find none, I do not greatly respect it: For even as a Mill-horse is not a Horse-mill; nor Drink ere you go, is not Go ere you drink; even so Orator Best, is not the best Orator*” (Hoskyns).

Следующий текст, датируемый началом 1590-х годов, содержит еще одно существенно важное для жанра литературного нонсенса ЛСВК – аллюзию, которая несет в себе потенциальный заряд комического:

«*Wagner Vilaine, call me Maister Wagner, and let thy left eye be dimettrily fixt upon my right heele, with quasi vestigas nostras insistere.*

Clown God forgive me, he speaks Dutch fustian.» (3:37)

Этот заряд актуализируется лишь при условии наличия у воспринимающего юмористический текст достаточного уровня эрудиции и фоновых (лингвистических и исторических) знаний, что, естественно, ставит аллюзию в разряд интеллектуальных лингвистических приемов. В данном же тексте возможны несколько уровней аллюзии: во-первых, Вагнер был сам «датчанином» (в высоком датском слово “Dutch” соответствовало современному слову “German”); во-вторых, «напыщенный немецкий» (German fustian) был наиболее грубым вариантом разговорного немецкого языка, поэтому сопряжение этого понятия с буквальным значением слова “fustian” (вельвет) является точкой столкновения и противопоставления

двух юмористических скриптов; в-третьих, вполне возможно, что одним из ЛСВК в данном отрывке является также игра слов "fustian" – "Faustian".

Следует отметить, что использование ЛСВК в жанре литературного нонсенса претерпело определенную эволюцию в британской литературе НА периода. Так, на определенных этапах британская юмористическая проза переживала «интенсификацию стилистического самосознания» (2:32) в результате влияния конкретных юмористических, а иногда и неюмористических произведений. Примером такого произведения может быть «Эвфей» ("Eupheus") Джона Лили, опубликованный в начале XVII века. Витиеватая, ласкающая слух и изысканная проза «Эвфея» представляла собой бесконечную последовательность стилистических приемов, а особенно аллитераций и аллюзий. Стиль и язык этого произведения сразу же привлек внимание юмористических авторов и стал объектом пародий в жанре литературного нонсенса, например: *"Most reverent Seniors, may it please your Gravities to admit into your presence a kitten of the Muses, and a meer frog of Helicon to croak the cataracts of his plumbeous cerebrocity before your sagacious ingenuities..."* (Wood).

Традиция пародирования витиеватого «эвфеевского» стиля была одной из доминирующих в жанре нонсенса в середине XVII века, однако во второй его половине наблюдается явный спад интереса к подобного рода пародиям. Приведем один из наиболее поздних образцов выше описанных текстов из сборника юмористических писем, опубликованного в 1692 году:

"Obscenical Sir,

I could not recognise upon any Substance since I was so Malheureus in your transcendent Conversation, which the Philosophy of Cymerians most abtrusly demonstrated, tho' I must confess, I for those Ecclarisments, and doubtful Disputations have no small Antiquity, and yet the extraordinary Regret that Humidity, and Preter-natural turn of your Wit superseded them, makes me desire a fresh Excrement from you to nourish my Intellectuals..."

На наш взгляд, данный пример дает основание говорить об упадке пародии «эвфеевского» стиля в жанре нонсенса, т.к. если в конце XVI и в начале XVII веков насыщение юмористически текстов словами латинского происхождения, научными терминами и сложными аллюзиями производило на читателей сильный комический эффект в силу своей новизны и неприменимости к разговорной речи, то уже в конце XVII века большая часть такой лексики абсорбировалась английским языком (4: 259-60). Благодаря этому ранее используемые ЛСВК в жанре литературного нонсенса более не удовлетворяли основному прагматическому требованию юмористической литературы – создавать комический эффект. Поэтому юмористическим авторам более поздних периодов приходилось об-

ращаться к комбинированию ЛСВК разных уровней. Калейдоскопическая «смесь» лингво-стилистических приемов сама по себе несла сильный заряд комического. В подтверждение этого приведем отрывок из «Книги абсурда» Эдварда Лира, опубликованной в 1842 году:

"Thripy Pilliwinx, —

*Inkly tinkly pobblebockle able-squabs? Flosky! Beebul trimble flosky!
Okull scratch abibble bongibo, viddle squibble tog-a-tog, ferry moyassity
amsky flamsky crockefether sqiggs.*

Flinky wisty pomm.

Slushypipp."

Этот английский аналог «Глокой куздры» комбинирует сложную систему взаимосвязанных ЛСВК, принадлежащих к разным лингвистическим уровням, а именно:

- на фонологическом уровне это имитация определенной последовательности ударных и безударных слогов, т.е. ритмичности, свойственной прозаической речи;

- на морфологическом уровне это использование слов, которые образованы исключительно для данного случая (nonce-words) и которые моделируют морфологическую структуру обычных слов соответствующих частей речи;

- на синтаксическом уровне ЛСВК является имитация распространенных и нераспространенных структур предложений и их различных коммуникационных типов;

- текстовая структура отрывка также сама по себе является одним из ЛСВК, т.к. в ней явно просматривается построение письма, состоящего из приветствия, основной и прощальной частей.

В заключении хотим отметить, что жанр литературного нонсенса — это порождение литературной, а не народной традиции. Этот факт накладывает на авторов и реципиентов данного жанра жесткое требование наличия определенного уровня образованности и интеллекта. Для получения чувства морального удовлетворения и для того, чтобы претендовать на определенный (престижный) социальный статус, британскому реципиенту необходимо декодировать имплицитно заложенную в юмористическом тексте информацию, обнаружив противоречие, лежащее в основе комического эффекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Attardo S. Linguistic Theories of Humor. — Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1994. — 246 с.
2. Malcolm N. The Origins of English Nonsense. — Harper Collins Publishers, 1992.
3. Muir F. Oxford Book of Humorous Prose. — Oxford University Press, 1992.
4. Puttenham G. The Arte of English Poesie. (1936). — Cambridge. — С. 259-260.
5. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humour. — Dordrecht-Boston-

Lancaster: D. Reider, 1985. 6. Reichert K. Lewis Carroll: Studien zum literarischen Unsinn. 1974. 7. Tigges W. Explorations in the Field of Nonsense//DQR Studies in Literature, 1987. — Nr. 3 — Amsterdam.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИЛЛОКУТИВНОГО АСПЕКТА РЕЧЕВЫХ АКТОВ - ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

И. С. Шевченко, канд. филол. наук (Харьков)

Прагматический потенциал английского вопросительного предложения на уровне набора реализуемых им речевых актов (далее — РА) рассматривается как система, в которой диахроническими постоянными выступают прагматические типы РА, а переменными — компоненты их отдельных аспектов. В результате исследования обнаружено качественное и количественное историческое варьирование переменных, а также количественные изменения инвариантов при сохранении их сущностных характеристик. Если первое соответствует динамическому, развивающемуся характеру системы, то второе обеспечивает ее стабильность.

Для изучения процессов диахронического варьирования прагматических характеристик предложения используется аспектная модель речевого акта, которая состоит из трех блоков и девяти аспектов: а) адресантный, адресатный и интенциональный аспекты составляют антропоцентрический блок; б) контекстный, ситуативный и метакоммуникативный аспекты образуют блок условий и способов реализации речевого акта; в) денотативный, локутивный и иллокутивный аспекты составляют центральный речеактовый блок, определяющий воздействующую силу высказывания (1), что дает возможность моделирования прямых и косвенных речевых актов и описания прагматических функций предложения в дискурсе на протяжении их исторического развития.

Иллокутивный потенциал вопросительного предложения на уровне типов речевого акта в 16-20 вв. остается стабильным и включает в себя спрашивание, экспрессивность и оценочность, метакоммуникативность (фатичность), побудительность, а также констатацию, обещание и предложение, угрозу. В этом проявляется стабильность психолого-когнитивной базы человеческого общения. В целом вопросительные предложения

реализуют следующие типы речевых актов (расположенные в порядке убывания частотности): квеситивы, экспрессивы, директивы, фатические метакоммуникативы, констативы, комиссивы. Разновидности (подтипы) данных речевых актов исторически варьируются.

Ведущей тенденцией варьирования иллокутивного аспекта речевых актов - вопросительных предложений в 16-20 вв. является качественное расширение и количественный рост сферы их косвенных реализаций — экспрессивов, директивов, фатических метакоммуникативов, констативов, комиссивов (с 12% до 38%) за счет уменьшения численности прямых речевых актов — квеситивов (с 78% до 62%).

В пределах отдельных типов речевых актов, реализованных английскими вопросительными предложениями, в плане диахронии наблюдаются качественные и количественные изменения, не затрагивающие существенных характеристик ведущей иллокутивной силы (ср. таблицу ниже).

Так, в *квеситивах* варьируются средства и способы модификации иллокутивной силы (в частности, обращения, маркеры дискурса, структурные типы вопросительных предложений). Изучаемые предложения претерпевают функциональные изменения: новая синтаксическая конструкция — сегментированный вопрос (*tag-question*), которая возникает в английском языке в 16 в. и в целом способна реализовать квеситивы, фатические метакоммуникативы, экспрессивы, директивы, в период своего возникновения чаще всего функционирует как прямой речевой акт — квеситив (36%), а в 19 - 20 вв. — как косвенный фатический речевой акт (49%).

Ведущая иллокутивная сила квеситивов способна сочетаться с сопутствующими иллокуциями экспрессивности, установления и поддержания речевого контакта и др. Сопутствующие иллокуции, особенно экспрессивность и оценочность, исторически трансформируются как результат перераспределения границ книжно-литературной и разговорной лексики в процессе демократизации английского литературного языка и т.п. Например, существовавшие в викторианский период традиции умеренности, несколько сдерживавшие процесс сближения книжно-литературных и разговорных норм, уходят в прошлое на рубеже 20 в. Демократизация норм поведения влечет за собой большую свободу в речевой коммуникации. За счет этого в области прагматики речи происходит определенное перераспределение границ экспрессивности: отдельные слова и выражения, считавшиеся ранее вульгарными (*mob, clever, shift, leg, had better, drunk etc.*), теряют свою эмоциональную нагрузку, а квеситивы лишаются сопутствующих иллокутивных сил. Доля квеситивов в общей выборке существенно снижается (с 78% в 16 в. до 62% в 20 в.);

В экспрессивах диахронические изменения затрагивают структурно-лексический уровень вопросительных предложений, различное использование художественных приемов, что связано с развитием культурной традиции общества и жанровым разнообразием художественной литературы (в эпоху Возрождения преобладает определенная гиперболизация отражения эмоций, этика Просвещения характеризуется вычурностью, светской галантностью, а в драме 19 - 20 вв. отмечается стремление к реалистическому изображению эмоционально-оценочной сферы персонажей). Большинство вопросительных предложений, реализующих РА экспрессив, обладает такими семантико-синтаксическими особенностями, как наличие эмотивной лексики, фразеологизмов, модальных глаголов; эти предложения могут быть представлены вопросами-переспросами, риторическими вопросами. В частности, риторические вопросы, в которых происходит переосмысление их пропозиции (*p?* — *не p!*) в процессе речевого функционирования, служат типичным для речи 16 в. стилистическим средством интенсификации степени иллюкутивной силы, которое позднее утрачивает свое значение. Достаточно вспомнить крылатые гамлетовские фразы:

"All for nothing! For Hecuba! What's Hecuba to him or he to Hecuba, That he should weep for her?.." /Shak., Hamlet, II, 2, 550 ff/

В отличие от современной речи, где такие прагмастилистические формы нечасты (менее 10%), в ранненовоанглийской драме они составляют около 20% всех исследуемых экспрессивов. Их стилистическое оформление является характерным для этого периода средством интенсификации степени представленности иллюкутивной силы. Среди иных способов усиления иллюкуции экспрессивности в 16 - 17 вв. были типичны вульгаризмы (ныне вышедшие из употребления), бранная лексика, противопоставление в одном речевом акте значимых компонентов, рассматриваемых как несовместимые:

"What! a young knave, and beg?" /Shak., II Henry IV, I, 2, 82/

В этот период функционируют эмоционально-усилительные элементы, которые не встречаются в нашем материале впоследствии: *excellent* в функции наречия (*"an excellent good thing"* /Hamlet, II, 2, 173/), *exceeding* (*"I am exceeding weary"* /Shak., II Henry IV, II, 2, 1/), *mighty* (*mighty rich*), интенсификаторы *plague*, *pox* и т.п.

Разговорность, некоторая грубоватость речи и манер культуры Возрождения проявляется в значительно более широком по сравнению с современностью использовании шуток, насмешек и пр. Вопросительные предложения также употребляются для создания комического эффекта, реализуя тем самым экспрессивный РА.

Основной набор реализуемых эмоций — антропоуниверсальный феномен — является постоянным, а способы выражения эмоций в речи — этнокультурноспецифичное явление — переменны в плане диахронии.

По нашим данным, экспрессивы — наиболее многочисленный тип речевых актов, реализованных вопросительными предложениями косвенно, причем их доля в 16 - 20 вв. существенно возрастает (с 12% до 23%) за счет уменьшения доли квеситивов в общей выборке. Это связано и с изменением ориентации коммуникативного принципа вежливости в британском дискурсе за исследуемый период с позитивной на негативную: косвенный способ выражения эмоций и оценок снижает степень угрозы социальному “лицу” адресата и тем самым стимулирует проявление негативной вежливости адресанта;

В директивах историческая динамика затрагивает в большей степени качественный, чем количественный аспект (4% — 6%). Универсальной основой косвенного выражения побуждений вопросительными предложениями является принцип вежливости: косвенные РА вопросительной структуры обладают большей степенью вежливости, чем аналогичные императивные предложения ср. “*politely indirect requests*” (2:179)]. На протяжении 16 - 20 вв. функционируют гибридные речевые акты - реквестивы типа *Will you do p?*, косвенные реквестивы - сегментированные вопросы типа *You can do p, can't you?*, скрытые, или имплицитные, императивы (*why-questions*, направленные на прекращение нежелательного действия, и пр.), оформленные в соответствии с нормами речи конкретного периода. В большинстве случаев косвенные побуждения приобретают свою ведущую иллокуцию побуждения только в определенном контексте и ситуации, например, дочь советует отцу:

“My dear papa, why will you mortify one so? If he refuses [...] I'll look for some less difficult admirer” /Goldsmith, *She Stoops to Conquer*/

За исследуемые 500 лет семантико-прагматические подвиды косвенных побуждений и лексико-семантические формы их реализации вопросительными предложениями приобретают большее разнообразие: в 16 - 17 вв. косвенные директивы, как правило, реализуют интенции просьбы, запрета, увещевания; важнейшее условие их успешности — запрос о желании адресата выполнить действие (*May it please you to...? Please it your Highness to ...?*); в 18 в. к названным видам побуждений добавляются советы, а в 19 - 20 вв. — приглашения, ходатайства, побуждения, разубеждения, предложения совместных действий, предупреждения, приказы и т.п. В 19 - 20 вв. появляются и становятся типичными запросы о возможности/желании выполнить действие с глаголами *could, would* (*Could you/Would you do p?*).

Вопросительные предложения постоянно расширяют возможности реализации новых подвидов *фатических метакоммуникативных* речевых актов на всех стадиях речевого общения. В 16 в. они реализуют две функции (приветствия-контактоустановления и идентификации адресата) на стадии установления речевого контакта и три (проверки работы канала связи, обеспечения внимания, подтверждения истинности высказывания) на стадии продления контакта. С 18 в. их развитие связано с появлением рода светской “безыформативной” беседы, направленной на поддержание социального взаимодействия — *small talk*, что соответствует общей переориентации английских этических принципов с позитивной на негативную вежливость. В современной речи речевые акты - вопросительные предложения также функционируют на стадии продления контакта как средства заполнения пауз (“подтвердительные вопросы” типа *Is it so? Really?* и т.п.), на стадии размыкания контакта как предзавершающие высказывания. Кодифицированные лексико-синтаксические формы приветствий и прощаний претерпевают существенные изменения от *How now? Hey day? How dost thou?* до *How do you do? How are you? Hello, Hi!* и др. Доля фатических метакоммуникативов среди иных типов речевых актов увеличивается к 20 в. (с 3% до 7%).

Анализируемые предложения способны эпизодически реализовать *констативы и комиссивы* (промисивы, менасивы). Поскольку вопросительная форма косвенных констативов противоречит условиям истинности для этого типа речевых актов, они более уместны для выражения субъективного мнения, чем категорического утверждения, ср: “*queclaratives*” (4), “*statement-questions*” (3). По нашим данным, такие констативы, как правило, представлены сегментированными вопросами (*tag questions*).

Систематизация полученных результатов лингво-статистического анализа динамики прагматических свойств английского вопросительного предложения, базирующегося на методах сравнения долей, определения их квадратичного отклонения (Б.Н.Головин, В.И.Перебийнос) и на вычислении параметров расстояния и степени отличия изучаемых явлений в плане диахронии, позволяет разработать первую в научной литературе периодизацию этого процесса. Отмеченное преобладание внутренних изменений в системе речевых актов, реализованных вопросительными предложениями, на протяжении ее исторического развития за последние пять веков свидетельствует о том, что система была относительно сформирована к началу 16 в. Поскольку выявленные диахронические колебания различных аспектов речевых актов в 16 - 20 вв. обнаруживают сходство ведущих тенденций и направления их варьирования имеют общие точки пересечения во времени, основными этапами развития прагмати-

ческих характеристик английского вопросительного предложения за рассматриваемый период следует признать: первый — с начала 16 в. до середины 18 в. и второй — со второй половины 18 в. до 20 в., причем середина 18 в. служит своеобразным поворотным пунктом в ходе развития речевого акта и дискурса.

Табл. Развитие иллокутивного аспекта РА-вопросительных предложений

Тип РА / Век	16	17	18	19	20
Квеситив	78	77	70	64	62
Экспрессив	12	12	18,6	22	23
Директив	4	4	5,4	6	6
Метакоммуникатив	3	5	4	6,5	7
Констатив	2	1,5	1	1	1
Комиссив	1	0,5	1	0,5	1

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что иллокутивный потенциал речевых актов - вопросительных предложений в 16 - 20 вв. на уровне типов речевого акта остается стабильным ввиду их универсальной психолого-когнитивной природы, но на уровне разновидностей (подтипов) речевого акта трансформируется. Он включает в себя спрашивание, экспрессивность и оценочность, метакоммуникативность (фатичность), побудительность, констатацию, обещание и предложение, угрозу. В качестве общей тенденции прагматического варьирования отмечается качественное расширение и количественный рост сферы косвенных реализаций речевых актов к 20 в. за счет снижения частотности прямых речевых актов - вопросительных предложений, в чем видится связь с общими процессами развития цивилизации от гомогенных к гетерогенным формам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение 16 - 20 вв. — Харьков: Константа, 1998. — 168 с.
2. Brown R., Gilman A. Politeness theory and Shakespeare's four major tragedies // *Language in Society*. — 1989. — V. 18. — P. 159-212.
3. Halliday M.-A. Intonation and meaning // Halliday M.-A. *Systems and Function in Language*. — L., N.Y.: CUP, 1976. — P. 214-234.
4. Sadoek J.M. *Toward a Linguistic Theory of Speech Acts*. — New York: Academic Press, 1974. — 125 p.

ЗМІСТ

Андриенко Т.П.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЯМЫХ И КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ С ИЛЛОКУТИВНОЙ СИЛОЙ ВЫРАЖЕНИЯ ИРОНИИ	3
---	---

Бабенко М.Ю.

СИНОНИМИЧЕСКИЙ РЯД ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ДОМИНАНТОЙ "DETERMINED"	8
--	---

Бабушкина Е.В.

К ПРОБЛЕМЕ ДЕФИНИЦИЙ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК (на материале английских ФЕ)	13
---	----

Bakhareva O.M.

THE SURVEY OF "LANGUAGE AND GENDER" SYLLABI	20
---	----

Безуглая Л.Р.

ПОЛЕВОЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ РЕЧЕВЫХ АКТОВ	25
--	----

Бокова П.М.

ЧАСОВІ СКЛАДНОПІДРЯДНІ РЕЧЕННЯ З ВІДНОШЕННЯМИ ОДНОЧАСНОСТІ В СУЧАСНІЙ ІСПАНСЬКІЙ МОВІ	28
--	----

Бондаренко Е.В.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАМОРФОЗА "ТЕПЛОЙ" КАРТИНЫ ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ	33
---	----

Геращенко Е.Д.

МЕТАФОРА И МЕТОНИМИЯ КАК СРЕДСТВА МИФОЛОГИЗАЦИИ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА	40
--	----

Глоба О.В.

ІСТОРІЯ СТВОРЕННЯ ГНІЗДОВИХ СЛОВНИКІВ	44
--	----

Говердовский В.І., Чорновол-Ткаченко Р.С.

ПОРІВНЯЛЬНА ЕКВІВАЛЕНТНІСТЬ НІМЕЦЬКИХ І УКРАЇНСЬКИХ ПРЕФІКСІВ (конотація іншомовного мовлення)	49
---	----

Дмитренко В.А.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ФУНКЦИИ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)	56
--	----

Жаборюк О.А.

ГРАМАТИЧНА СУТНІСТЬ Т.З. "ЕМФАТИЧНОГО it" В СУЧАСНІЙ АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ З ПОЗИЦІЙ ТЕОРІЇ ВІДДЗЕРКАЛЕННЯ	60
--	----

Залеснова О.В.	
ФУНКЦІОНУВАННЯ КОНСТРУКЦІЙ З ПАСИВНИМ ЗНАЧЕННЯМ У РЕЧЕННЯХ РІЗНИХ ТИПІВ	66
Ілюк О.М.	
СТИЛІСТИЧНА СИНОНІМІЯ У СФЕРІ ПЕНІТЕНЦІАРНОЇ ЛЕКСИКИ	71
Іщенко В.Л.	
ОСНОВНІ МОДЕЛІ УТВОРЕННЯ АНГЛІЙСЬКИХ ЕКОНОМІЧНИХ ТЕРМІНІВ-СЛОВОСПОЛУЧЕНЬ	74
Іщенко Н.Г.	
К ВОПРОСУ О СИНОНИМИЧНОСТИ ОДНОКОРЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ (на материале немецкого языка)	79
Кагановська О.М.	
КОНЦЕПТУАЛЬНЕ БАЧЕННЯ ХУДОЖНЬОГО ТЕКСТУ У СВІТЛІ СУЧАСНИХ ЛІНГВІСТИЧНИХ ТЕОРІЙ	85
Калита А.А.	
ДИНАМІКА ЗМІНИ ІНТОНАЦІЙНОЇ СТРУКТУРИ АНГЛІЙСЬКОГО ЕМОЦІЙНОГО ВИСЛОВЛЮВАННЯ	92
Капуш А.В.	
ЕКСТРАЛІНГВІСТИЧНІ ДЕТЕРМІНАНТИ СЕМАНТИЧНИХ ІНОВАЦІЙ НІМЕЦЬКОЇ ЛЕКСИКИ СУСПІЛЬНО-ПОЛІТИЧНОГО ЗМІСТУ	99
Корень О.В.	
ДИСКУРСИВНІ ТА ПРАГМАТИЧНІ ФУНКЦІЇ ПРИСЛІВ'їв	104
Корнійко І.В.	
ПРО РОЗМЕЖУВАННЯ УЗУАЛЬНИХ ТА ОКАЗІОНАЛЬНИХ ФОРМ ЗВЕРТАННЯ	109
Ковалева Т.П.	
ЭВОЛЮЦИЯ ТЕКСТОВЫХ ФОРМ И СПОСОБОВ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВЕЩНОГО МИРА В АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ XVIII-XX ВЕКОВ	114
Крицберг Р.Я.	
ИСПАНСКОЕ ВЛИЯНИЕ В АМЕРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ	119
Kudina O.F.	
KONTRASTIV-TYPOLOGISCHE RELATIONEN DER DEUTSCHEN UND UKRAINISCHEN PHRASEOLOGISMEN MIT EIGENNAMEN	127
Лебедева Т.Б.	
ОБ'ЄДНАННЯ НІМЕЧЧИНИ — ГОЛОВНИЙ ЕКСТРАЛІНГВІСТИЧНИЙ ДЕТЕРМІНАНТ ЕВОЛЮЦІЇ ВІЙСЬКОВОЇ ЛЕКСИЧНОЇ ПІДСИСТЕМИ	134

Маслова Н.И., Паповяц Э.Г.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОГО АКТА ПРОГИБИТИВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	139
--	------------

Матюхина Ю.В.

ФАТИЧЕСКИЕ МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ПРОДОЛЖЕНИЯ КОНТАКТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 16 – 20 ВВ.	144
---	------------

Медведь Е.Н.

РОЛЬ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА В ПОЗНАНИИ КВАНТИТАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ	150
---	------------

Михайлова Е.В.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР РАЗВИТИЯ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ДРЕВНЕ/СРЕДНЕАНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ	156
---	------------

Мищенко В.Я.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЛИМЕНТА КАК ВИДА РЕЧЕВЫХ ПОСТУПКОВ В ПОВЕДЕНИИ НОСИТЕЛЕЙ БРИТАНСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	161
--	------------

Морозова И.Б.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МИНИМАЛЬНО КРАТКИХ РЕПЛИК В РАМКАХ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА	166
--	------------

Морозова И.И.

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА ВИКТОРИАНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ СРЕДНЕГО КЛАССА В ТЕРМИНАХ РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ И ТЕМАТИКИ ОБЩЕНИЯ	169
--	------------

Морозова М.В.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЮМОРА С ОРГАНИЗАЦИЕЙ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА	174
--	------------

Нефёдова Е.Д.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ НАРОДНОЙ СКАЗКИ В ТЕКСТЕ БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ	179
--	------------

Николюк С.И.

ПРЕДМЕТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ И РЕЛЯЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА СЛОВ-ТЕРМИНОВ	185
---	------------

Новікова О.М.

ВЗАЄМОДІЯ ТА ВЗАЄМООБУМОВЛЕНІСТЬ ЛОГІЧНОЇ ТА МОВНОЇ КАТЕГОРІЇ КІЛЬКОСТІ (до проблеми еволюції нумеративів)	189
---	------------

Пасинок В.Г.	
ПЕДАГОГІЧНІ ОСНОВИ СПІЛКУВАННЯ	193
Пироженко О.Г.	
КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ, ИСКАЖАЮЩИХ ИСТИННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ	199
Піхтовнікова Л.С.	
ПРО ЭВОЛЮЦИЮ БАЙКИ ЯК ВЗАЄМОДІЮ З ІНШИМИ МАЛИМИ ФОРМАМИ (на прикладі віршованої байки і жарту)	205
Подолкова С.В.	
ФУНКЦИИ СООБЩЕНИЯ И ВОЗДЕЙСТВИЯ В ТЕКСТАХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ	210
Полина В.С.	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕТАФОРЫ И МЕТОНИМИИ ИНТЕРАКТИВНЫЕ ЗАДАНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ФОНЕТИКЕ	215
Потапова Е.И.	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕТАФОРЫ И МЕТОНИМИИ В ВЫРАЖЕНИЯХ, ОПИСЫВАЮЩИХ АКТЫ ИСКАЖЕНИЯ ИСТИНЫ	218
Потыкина В.Л.	
РЕАКЦИЯ НА ДОСТОВЕРНОСТЬ РЕПЛИКИ-СТИМУЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУССИЙ В ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ ИНТЕРНЕТ)	223
Пудровская Т.Н.	
РЕЧЕВОЙ АКТ "ДЕКЛИНАТИВ" В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	229
Ребрий А.В.	
ЭКСПРЕССИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОККАЗНОНАЛИЗМОВ КАК СРЕДСТВО ПРАГМАТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	233
Рихло О.П.	
"ДЗВОНІ" Е.А.ПО В ПЕРЕКЛАДІ В.КОПТІЛОВА	240
Рудик І.М.	
НЕЗГОДА НА ЗВИНУВАЧЕННЯ У ДІАЛОЗІ-КОНФЛІКТІ	246
Рябых Н.В.	
ФАКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА УСВОЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	251
Симонок В.П.	
К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	255

Снигур Л.А.	
К ОПРЕДЕЛЕНИЮ АНГЛИЙСКОГО ПИСЬМЕННОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА	260
Соколова И.В.	
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ТЕКСТОВ-АНОНСОВ ЧЕРЕЗ КАТЕГОРИЮ ПОВТОРА	263
Солощук Л.В.	
О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ АКЦИОНАЛЬНЫХ РЕМАРОК В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ	268
Турчин М.М., Потапова Ж.С.	
СТИЛЬОЛІНГВІСТИЧНИЙ ПІДХІД ДО МОВНОЇ КОМУНІКАЦІЇ	275
Філоненко Н.Г.	
ОСНОВНІ ФАКТОРИ, ЩО ВИЗНАЧАЮТЬ ВИБІР ФОРМИ ДІЄСЛІВНИХ СИНТАКСИЧНИХ КОНСТРУКЦІЙ У ТВОРІ АЛЬБЕРА КАМЮ "СТОРОННІЙ"	281
Черновол-Ткаченко О.А.	
КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КОМИЧЕСКОГО В ЖАНРЕ ЛИТЕРАТУРНОГО НОНСЕНСА (на материале английского языка XVI – XVII веков)	286
Шевченко И.С.	
ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИЛЛОКУТИВНОГО АСПЕКТА РЕЧЕВЫХ АКТОВ - ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ	292

ВИМОГИ ДО ОФОРМЛЕННЯ РУКОПИСІВ СТАТЕЙ ВІСНИКА ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Матеріали для опублікування приймаються від спеціалістів у галузі романно-германської філології та методики викладання іноземних мов.

Мова публікацій: українська, російська, англійська, німецька, французька.

Обсяг публікацій у межах: 7 стор. для докторів та кандидатів наук;

5 стор. для аспірантів та викладачів.

Правила оформлення рукописів:

- стаття подається у вигляді 3,5" дискети в редакції Word для Windows версія 6.0, 7.0 без автоматичних переносів слів разом з двома примірниками тексту.
 - відцентрована назва публікації друкується великими літерами жирним шрифтом (розмір шрифту 14), під нею в центрі звичайними літерами прізвище, ініціали автора та поряд у дужках — назва міста;
 - основний текст рукопису друкується через 1,5 інтервали шрифтом 12 Times New Roman або Times ET, поля ліворуч, вгорі, внизу — 2,5 см, праворуч — 1 см. Відступ абзацу — 5 знаків. Чітко диференціюються тире (—) та дефіс (-);
 - при використанні спеціальних шрифтів або символів їх додають відокремленими файлами. При наявності ілюстрацій їх теж подають відокремленими файлами;
 - сторінки рукопису нумеруються олівцем на звороті;
 - ілюстративний матеріал подається курсивом. Елементи тексту, які потребують виділення, підкреслюються. Значення слів тощо беруться у лапки.
 - посилання у тексті оформлюються згідно з нумерацією списку використаної літератури, наприклад: С. Левінсон (1:35), де перший знак — порядковий номер за списком, а другий — номер цитованої сторінки;
 - завершує публікацію ЛІТЕРАТУРА (друкується жирним шрифтом великими літерами з відступом 5 знаків від лівого поля). Нижче відбір до тексту подається занумерований перелік цитованих робіт (довідники включно) в алфавітному порядку авторів, оформлений із дотриманням стандартів ВАК України (див. Бюлетень ВАК, 1977 р.), наприклад:
1. Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. — М.: Высш.школа, 1963. — 335 с. 2. Богданов В.В. Коммуниканты // Вестник Харьков. ун-та. — 1989. — № 339. — С.12-18.
- При необхідності надається список джерел ілюстративного матеріалу, оформлений так само, якому передує назва ДЖЕРЕЛА ІЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРІАЛУ;
- підрядкові виноски не допускаються.

В окремому файлі та на окремому аркуші подаються відомості про автора (прізвище, ім'я та по батькові повністю), науковий ступінь, звання, місце роботи, посада, домашня адреса, телефон, електронна адреса.

Аспіранти та викладачі додають до рукопису виписку із протоколу засідання кафедри/вченої ради з рекомендацією рукопису до друку.

Разом з матеріалами просимо надіслати 2 конверти для листування.

Усі зазначені матеріали подаються в папці для паперів або файлі.

Подані матеріали не рецензуються і не повертаються.

Редакційна колегія

ВІСНИК

ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ім. В.Н. Каразіна

№ 461

Відповідальний редактор

Редактор

Технічний редактор

Художній редактор

І.С. Шевченко

А.В. Бондарь

Л.П. Зябченко

Г.П. Ульяніч

Підписано до друку 25.11.99. Формат 60х84/16

Папір офсетний. Друк офсетний. Гарнітура Прагматика.

Ум. друк. арк. 18,75. Ум. вид. арк. 19,25

Зам. № УП1104/99 Наклад 300 прим.

Видавництво "Константа"

61145 м. Харків, вул. Космічна, 26.

Віддруковано в друкарні видавництва "Константа"

61145 м. Харків, вул. Космічна, 26.